

Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

**Альманах Конференции молодых ученых
Института этнологии и антропологии РАН.**

Выпуск I

Москва
2020

УДК 572
ББК 28.71
А43

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

Рецензенты:
д. и. н. Д. В. Громов
к. и. н. А. А. Шрайнер

А43 Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск I / Ответственные редакторы А. А. Плеханов, Н. А. Лапкина. М.: ИЭА РАН, 2020. — 284 с.

ISBN 978-5-4465-3057-1

Сборник включает в себя статьи антропологов, археологов, социологов, политологов и историков, участвовавших в научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии», которая проходила 10–12 декабря 2019 г. в Институте этнологии и антропологии Российской академии наук. Авторами сборниками выступили молодые сотрудники из академических институтов и университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Нижнего Новгорода, Томска, и других городов. Статьи данного сборника посвящены проблемам национальной политики, медицинской антропологии, гендера и телесности, цифровой антропологии, исследованиям эзотеризма, а также антропологии бизнеса и повседневности. Представленное издание предназначено как для специалистов в сфере социокультурной антропологии, так и для широкого круга читателей, интересующегося вопросами современных исследований в сфере социокультурной антропологии.

ISBN 978-5-4465-3057-1

УДК 572
ББК 28.71

© Институт этнологии и антропологии РАН
© Коллектив авторов

Содержание

Введение. От национальной политики и антропологии бизнеса к исследованиям гендера и проблемам медицинской антропологии: актуальные вопросы этнологии и антропологии (Плеханов А.А., Лапкина Н.А.).....	6
Концептуальные основы государственной национальной политики в постсоветской России (Орешин С.А.)	18
Восприятие целевых ориентиров государственной национальной политики молодежью Северного Кавказа (Высоцкая З.Р.)	27
Из города в деревню: экопоселения в контексте социального взаимодействия «местных» и «пришлых» (Долгих Д.А.).....	38
Украинские трудовые мигранты в России (Гущина К.С.)	48
Влияние напряженности на Ближнем Востоке на миграционную ситуацию в регионе (первая четверть XXI в.) (Гулынская Е.В.).....	54
Россия–Украина: столкновение этнополитических представлений и перспективы их критического анализа (Севастьянов И.В.).....	63
Entry points: Uncovering what turns us onto experiences (Morgan M.A.)	73
Evolving role of applied anthropology in the business (Bell M.I.).....	80
Феномен знахарства в традиционной культуре белорусов Подвинья: прошлое и настоящее (Грицкевич Д.С.).....	89
Традиционные знания и трансформации медицинской политики Кубы на рубеже XX–XXI веков (Маничкин Н.А.)	100

Конструирование целевых групп профилактики в российском институциональном дискурсе о ВИЧ-инфекции (<i>Декина А.С.</i>)	110
Куклы и возраст: телесность в игре (<i>Колдман С.Д.</i>).....	120
Эмансипация женщин Кабардино-Балкарии и коррекция образа материнства в условиях модернизации 1920–30-х годов (<i>Битокова Т.В.</i>)	130
У истоков научного творчества первых русских женщин-историков: выбор профессионального пути (<i>Секенова О.И.</i>)	138
Быт русской интеллигенции в женской социальной памяти о 1919 году (<i>Горячева А.Н.</i>).....	147
Мода и телесность в советских женских журналах 1955–1965 гг. (<i>Богдашина И.В.</i>)	154
Трансформации восприятия материнства в пореформенной России (по материалам медицинской периодики) (<i>Лисицына О.И.</i>).....	164
Семейные кинохроники как исторический источник по изучению истории женской повседневности в ГДР (<i>Тюренкова Д.О.</i>)	174
Трансгендерность как форма духовного поиска (<i>Иванова Т.А.</i>)	182
Паттерны сетевого взаимодействия в танцевальном коллективе (<i>Калашиникова Е.В.</i>)	192
«Лицо» в китайской лингвосоциокультурной сфере (<i>Цюй Ю.</i>)	203
Гендерная дискриминация в постколониальной Гвинее (<i>Петров К.А.</i>).....	211

Электоральные предпочтения представителей ЛГБТ-сообщества в России на примере Москвы и Санкт-Петербурга (<i>Хлынова П.Е.</i>).....	220
Механизмы дискриминации представителей ЛГБТ-меньшинства в сфере преподавания в образовательных учреждениях РФ (2013–2017 гг.) (<i>Головина А.В.</i>)	231
Традиционализм и модернизм в мировоззрении славянских неоязычников России (<i>Кутявин Н.А.</i>)	242
Культурно-историческая и социально психологическая роли мантического комплекса в современных языческом и эзотерическом локусах (<i>Кочеганова П.П.</i>).....	253
К вопросу о протоэзоастризме доисторической Бактрии (<i>Каспаров А.Р.</i>).....	269
Праздничная культура общины бахаи: универсалистские принципы и вернакулярные практики (<i>Матвеев В.В.</i>).....	276

ВВЕДЕНИЕ

От национальной политики и антропологии бизнеса к исследованиям гендера и проблемам медицинской антропологии: актуальные вопросы этнологии и антропологии¹

Плеханов А. А., Лапкина Н. А.

Конференция молодых ученых стала уже традиционной для Института этнологии и антропологии РАН, каждый год мы получаем большое количество заявок, и на Конференцию съезжаются участники из разных регионов нашей страны. За три дня в работе Конференции приняли участие не только российские, но и иностранные исследователи, доклады проходили как в очной форме, так и в формате онлайн-трансляций. Для дискуссий и докладов в этот раз было предложено девять секций. Наиболее интересные с исследовательской точки зрения доклады мы предлагаем вашему вниманию в данном сборнике. Широта тем и вопросов, поднимаемых в сборнике, отражает современные тенденции развития антропологической науки. Молодые исследователи не боятся браться за сложные и дискуссионные темы, такие как: трудовая миграция, институциональные практики дискриминации социальных групп, репрезентации телесности, новые религиозные движения, взаимодействие антропологов и представителей бизнеса и многие другие вопросы. Подобного рода работы несут для будущих исследователей антропологии и этнологии важную информацию о развитии научных трендов теоретических подходов. Как емко и точно отметила С. С. Крюкова, подобного рода сборники создают «коллективный (в миниатюре) портрет» поколения исследователей, которые в дальнейшем будут формировать лицо отечественной антропологической науки.

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Наш сборник открывают статьи, стоящие на стыке социальной антропологии и политической науки. В рамках секции «Этнополитические и миграционные процессы в России и мире» авторы анализировали как локальные и региональные проблемы и процессы, так и общенациональные и транснациональные. Данный раздел открывает статья С. А. Орешина, посвященная концептуальным основам государственной национальной политики в постсоветский период. Делается вывод о том, что если до 2010-х гг. теоретические основы национальной политики представляли собой синтез советских и западных принципов, то к концу этого периода была сформирована новая понятийная база, легшая в основу современного законодательства. Автор полагает, что современная российская этнополитика, которую он предлагает обозначать термином «этнополитическая идеология», обусловлена синтезом русских культурно-бытовых и политических традиций и исторического культурного наследия других народов, проживающих на территории России при концептуальной базе западных концепций гражданской нации. Работа З. Р. Высоцкой посвящена государственной национальной политике и ее отражению в глазах молодежи Северокавказского федерального округа. Автор на основе анкетирования рассуждает о государственной национальной политике и тенденциях ее реализации. Отмечается, что межведомственные разногласия затрудняют реализацию данной политики. Автор обозначает запрос молодежи субъектов федерации Северного Кавказа на развитие демократических институтов, обеспечение функционирования социальных лифтов и в целом требование сделать возможным самореализацию молодежи. В заключении З. Р. Высоцкая отмечает, что предупреждение социальной напряженности — это реализация совместных проектов для достижения общего блага разных этнических сообществ. Именно социально-экономические проблемы, неравенство и неравномерное распределение доходов представляются молодежи ключевыми проблемами страны, и именно в этой проблеме формируется почва для межэтнической напряженности.

Крайне интересному и малоисследованному феномену рурализации в современной России посвящена работа Д. А. Долгих. В ней анализируются отношения между новыми жителями сельской местности — экопоселенцами и местными деревенскими сообществами. В статье автор описывает конфликты, окружающие этот процесс, как между новоприбывшими экопоселенцами и местными деревенскими жителями, так и между самими новыми жителями сельской местности. Автор приходит

к выводу, что, несмотря на разную социальную организацию экопоселений, ключевым фактором, определяющим социальные взаимоотношения внутри, является вопрос формы собственности на землю. В случае кооперативного владения землей поселения обладают более высоким уровнем организации, но при этом возрастает и число конфликтов, к которым прибавляются экономические споры. При этом справедливо и обратное утверждение. Несмотря на рост числа экопоселений и некоторый компенсаторный эффект, который дают экопоселения в условиях депопуляции деревни, автор, ссылаясь на исследования Д. Кристиан, отмечает, что до 90% всех подобных проектов по всему миру распадаются. Несмотря на это, экопоселения могут поменять сложившийся в постсоветский период сельский социальный ландшафт.

Следующая статья посвящена актуальной теме украинских трудовых мигрантов в России. К. С. Гущина в своей работе анализирует изменения, произошедшие в данном процессе после 2014 г. Автор анализирует статистику Федеральной миграционной службы, а также материалы интервью с трудовыми мигрантами, регулярно приезжавшими в Россию на заработки в период с 2007 по 2018 г. Акцентируется внимание на том, что для части информантов трудовая миграция в Россию определила личные взаимоотношения с друзьями и членами семей, несмотря на то, что лично они никаким образом не были связаны с происходившими событиями 2014 г. Если мигранты среднего и старшей возрастных категорий предпочитают работать в Российской Федерации и в перспективе планируют получить российское гражданство, то молодые люди обладают большей мобильностью и готовы сменить место жительства, уехав в крупные города Российской Федерации, или вернуться в Украину для дальнейшего карьерного роста.

Тема миграции продолжается в статье Е. В. Гулынской, посвященной влиянию внутривнутриполитической напряженности на миграционные процессы в странах Ближнего Востока. В ней автор на основе анализа статистических показателей и докладов международных организаций приходит к выводу о том, что миграция населения ближневосточного региона в XXI веке обусловлена экономическими предпосылками. Рынки труда одних стран не могли удовлетворить спрос граждан на высокооплачиваемую работу, другие при помощи миграции решали проблему нехватки рабочей силы. Автор отмечает влияние внутривнутриполитических процессов и давления великих держав на страны Ближнего Востока, что приводит к усилению миграционного кризиса.

Завершает данный раздел работа И.В. Севастьянова, анализирующая этнополитическую составляющую российско-украинских отношений. В ней автор освещает вопросы исторического и национального строительства в современной Украине, а также предлагает свой взгляд на проблему формирования этнополитических представлений о России и Украине на основе конструктивистского подхода к этничности. Автор приходит к выводу о том, что причина современной востребованности примордиалистской и этнонационалистической риторики с обеих сторон кроется в современных процессах урбанизации, глобализации, миграций населения и стирания этнографических различий.

Секция «Антропологи, бизнес и организации» представлена в данном сборнике двумя работами зарубежных коллег. М.А. Морган в своей статье «Entry points: Uncovering what turns us onto experiences» демонстрирует, как социокультурная антропология может быть полезна и успешна в исследовании пользовательского опыта, что сразу ставит статью в ряд научно-прикладных, поскольку такие исследования могут быть использованы бизнес-аналитиками, крупными и средними компаниями для знакомства с методиками работы с потребителями и вывода продуктов на рынок. Важная проблема связана с выбором и формированием предпочтений, что является сейчас предметом изучения не только ученых, но и маркетологов и рекламодателей.

Про актуальность и практическое применение антропологических исследований в бизнесе говорит в своей работе «Evolving role of applied anthropology in the business» М.И. Белл. В частности, автор анализирует новый опыт антропологической науки, которая в последние десятилетия стала плотно сотрудничать с крупными компаниями, влиять на формирование бизнес-стратегий, вывод инноваций на рынок, вывод продуктов на те или иные региональные рынки. Новая роль антропологии еще не сильно представлена в рамках российского общества, но является ключевой в Штатах и Европе.

Значительный интерес у исследователей вызывают темы, связанные с медицинской антропологией. В рамках секции «Медицинский плюрализм и проблемы здоровьесбережения» были представлены исследования, разнообразные по своей проблематике: от традиционной медицины до острых социально значимых проблем с ВИЧ.

Классическая для традиционной этнографии тема раскрыта в статье Д.С. Грицкевич «Феномен знахарства в традиционной культуре белорусов Подвинья: прошлое и настоящее». В статье подробно разбираются

трансформация традиции сельского знахарства в наши дни, сосуществование с официальной медициной и социальный статус знахарей на территории Белорусского Подвинья. Д. С. Грицкевич оперирует историческими источниками VII–XX вв., этнографическими материалами XX вв. и собственным полевым материалом, наглядно демонстрируя изменения народномедицинской практики. Особую ценность в работе представляют выдержки из интервью, которые автор исследования несколько лет проводил с информантами в ходе сбора материалов — именно это делает статью полезной еще и с позиции ввода полевых материалов в научный оборот. Автор приходит к выводу, что постепенно актуальность знахарства сокращается под воздействием официальной медицины, что сейчас к помощи знахарей если и обращаются, то преимущественно сельские жители.

Еще одна работа, посвященная традиционным религиозно-фольклорным воззрениям и их статусу в современном обществе — статья Н. А. Маничкина «Традиционные знания и трансформации медицинской политики Кубы на рубеже XX–XXI веков». Автор показывает, насколько тесно на Кубе переплетаются политические, религиозные, социальные и медицинские сферы. Анализируются вопросы встраивания фитотерапии в государственную медицину, институционализации знахарей, которые получают государственную поддержку своей деятельности. Рассматривается то, как меняется статус этнофармакологических знаний афрогенных культов — от религиозной и, более того, расовой дискриминации до статуса фольклорного наследия. Н. А. Маничкин также раскрывает, как политическая ситуация, политические реформы и роль Фиделя Кастро оказывали влияние на афрогенные культы.

Прикладной характер исследований продемонстрирован в статье А. С. Декиной «Конструирование целевых групп профилактики в российском институциональном дискурсе о ВИЧ-инфекции». Данная проблема до сих пор остается табуированной и связанной в восприятии большинства с мифами и страхами. Автор статьи исследовал восемь информационных брошюр о ВИЧ с целью выявления целевой аудитории, которой адресованы брошюры, а также того, как они могут помочь профилактике ВИЧ и распространению информации о заболевании. В статье подробно разбирается характер информации, представленный в брошюрах, и то, как формируется дискурс информационного поля по этой сложной социальной теме. Автор приходит к выводу, что исследования по теме ВИЧ-заболеваний вносят значительный вклад в более

четкую артикуляцию социальных проблем, что является видимым шагом навстречу их решению.

Тема идентичности через призму телесности освещается в статье С.Д. Колдман «Куклы и возраст: телесность в игре». Для изучения отношения к стареющему телу, автор статьи берет очень нетривиальный источник. Автор в качестве объекта исследования выбирает кукол, изображающих возрастных и пожилых людей. Именно куклы, по мнению автора, отражают ряд важных изменений в обществе в отношении восприятия тела. Автор обращает внимание на феномены «бодипозитива» и «красивой старости». Именно с этими феноменами автор связывает появление совершенно нового типа кукол, создаваемых не для детей и игр, а для взрослых, когда основная цель покупки — коллекционирование. Именно через коллекционирование такого рода кукол, через их создание художниками и происходит легитимизация пожилого тела, поскольку от авторских единичных кукол есть возможность перейти к массовому производству и изменению восприятия старости. Свое исследование автор подкрепляет результатами анкетирования и собственного социального эксперимента в социальных сетях.

Секция «Гендер, телесность, сексуальность: пространство социокультурных вариантов» оказалась наиболее многочисленной и популярной. Работы участников демонстрируют нам многообразие подходов и концептуальных рамок в разработке данной темы. Прежде всего, хотелось бы выделить статьи, созданные в рамках междисциплинарного поля женской истории.

Т.В. Битокова значительно расширяет понимание социальных процессов, инициированных советской властью 1920–1930 гг. в республиках Северного Кавказа. В своей работе автор наглядно демонстрирует, как женщины Кабардино-Балкарии выступили против советского модернового проекта по формированию нового быта и нового советского человека, чувствуя в нем опасность социального отчуждения от детей и разрушения традиционного уклада семьи. Автор акцентирует внимание на том, что советская историография отказывалась видеть в антисоветских выступлениях 1920–1930-х гг. в республике важную составляющую, связанную с протестом женщин против формирования новых социальных институтов — яслей и детских садов.

Говоря о социализации, необходимо упомянуть статью О.И. Секеновой, посвященную первым русским женщинам-историкам, а именно анализу факторов, определивших выбор их профессионального пути. В дан-

ной работе автор анализируют эго-документы женщин-историков, чье детство пришлось на вторую половину XIX в.-20-е годы XX в. Рассматривая воспитание будущих женщин-историков, автор обращает внимание на роль отцов, которые заложили интерес к самореализации в профессиональной сфере. В то же время указывается на конфликт с их матерями, которые, следуя традиционным нормам, стремились в своем воспитании оставить дочерям только одну роль — жены и матери. Говоря о личных качествах, отмечается, что важную роль сыграла привычка самовыражения в литературном творчестве. Ее основаниями были как семейные традиции ведения дневников, так и образовательные практики учебных заведений.

Обращаясь к периоду начала XX в., следует отметить работу А. Н. Горячевой, в которой исследуется вопрос изменения повседневного быта русской интеллигенции в первые послереволюционные годы. В статье через анализ эго-документов рассматриваются женские стратегии выживания в постоянно меняющихся условиях гражданской войны. При этом автор прослеживает как материально-бытовой компонент таких стратегий, так и духовные вопросы, связанные со способами восприятия действительности и способами приспособления к переменам. Автор демонстрирует важность сильных социальных связей в периоды кризиса, а также подчеркивает различия стратегий выживания, связывая их с возрастными характеристиками, семейным положением и индивидуальными особенностями.

Продолжая тему быта, нельзя не отметить работу И. В. Богдашиной, посвященную отображению женской моды, телесности и гигиены в советских специализированных женских журналах 1955–1965 гг. Делается вывод о том, что журналы, поднимая тему ухода за телом и использования новых средств косметологии, с одной стороны, действуют в контексте хрущевских реформ по химизации народного хозяйства. Таким образом, журналы выполняют функцию демонстрации и обучения в связи с увеличившимся ассортиментом косметических средств. С другой стороны, журналами в период оттепели репрезентируются идеи культуры потребления и необходимости воспитания вкуса, которые встраиваются в советский женский дискурс.

Продолжая тему телесности и медицинского дискурса, а также исследований, построенных на материалах периодической печати, необходимо упомянуть статью О. Л. Лисицыной. В ней исследуются изменения статуса и социального положения женщины в пореформенный период в Российской империи. Исследование построено на анализе медицинско-

го дискурса о деторождении и материнстве. Анализируются периодические издания «Акушерка» и «Журнал акушерства и женских болезней», как наиболее непредвзятые источники для изучения трансформации отношения к материнству. Автор приходит к выводу о том, что расширение системы здравоохранения и врачебной практики на все сословия, привело к появлению в медицинском дискурсе обсуждений, касающихся места женщины в обществе. Ключевой в данном случае стала проблема ценности женщины не только как носительницы репродуктивной функции, но и как личности. Данный дискурс неизбежно повлек за собой развитие дискуссии об этичности контроля женщины над рождаемостью покидая, таким образом, плоскость репродуктивной медицины и переходя в дискуссию в социальном и этическом ключе.

Неординарный подход к выбору источников для исследования повседневной жизни женщин представлен в статье Д. О. Тюренковой «Семейные кинохроники как исторический источник по изучению истории женской повседневности в ГДР». В данной статье автор вводит в научный оборот в качестве источников кинохроники многочисленный и уникальный материал, размещенный на портале Openmemorybox. В статье Д. О. Тюренкова подробно разбирает специфику данного типа источников, особенности и технические детали работы с кинохрониками. Статья будет крайне полезна для тех, кто занимается изучением жизни женщин, поскольку подробно описывает структуру данных источников на портале, классификацию по темам и систему использования видео.

Проблемы, связанные с гендером и телесностью, становятся востребованы сейчас российским обществом: мы видим переосмысление очень многих явлений в этой области. Так, философскому осмыслению феномена трансгендерности посвящена работа Т. А. Ивановой. Автор настаивает на том, что в философии постструктурализма были утрачены метафизические основания трансгендерности. В статье указывается на возможность переосмысления трансгендерности через исследования предельных и рискованных практик традиционных культур и мифологические сюжеты. Т. А. Ивановой феномен трансгендерности рассматривается как стремление человека к выходу за пределы своего наличного состояния, к преодолению ограниченности и смертности собственной природы. Автор рассматривает практики изменения биологического пола, как способ преодоления конечности индивидуального бытия, дабы через коррекцию пола выйти за пределы собственной телесной фактичности, которая обесмысливает его уникальность и свободу.

Вопросам двигательной культуры, телесности и взаимоотношениям в малых социальных группах посвящена статья Е. В. Калашниковой. Автор исследует взаимоотношения и способы сетевых взаимодействий участников в творческой группе, занимающейся коллективными танцами. Для этого используется методология сетевого анализа и автоэтнографии. В статье делается попытка увидеть лежащие за спорадическим общением членов танцевальной команды сетевые паттерны, которые характеризуют социальность группы. Автор, исходя из мотивов участия члена команды в общей деятельности, разделяет индивидуальные стратегии на профессиональные и социальные.

Отдельно стоит упомянуть работу Ю. Цюй, посвященную категории «лица» в китайской культуре. Данное исследование находится на стыке социолингвистики и гендерных исследований. В статье анализируется понятие «лица» в сознании носителей китайской культуры. Автор отмечает влияние на данную категорию концепции моральных принципов конфуцианской традиции, обуславливающей почитание предков и неукоснительное послушание старшим, и придающей идейной основе лица человека ценностную значимость. В статье обсуждаются причины аксиологической значимости данной категории и ее семантические особенности. По мнению автора, в китайской культуре лицо человека, как сложный психологический и семиотический объект в своем онтогенезе, является социопсихологическим и культурным бытием.

Интересна статья К. А. Петрова, в которой анализируется феномен гендерной дискриминации в современной Гвинее. Автор правомерно отмечает, что до сих пор во многих странах мира дискриминация по гендерному признаку, социальная, экономическая, психологическая и физическая остается одной из самых острых социальных проблем. В статье автор подробно освещает разные типы гендерной дискриминации в постколониальной Гвинее, как в отношении женщин, так и в отношении детей и представителей ЛГБТ-сообщества. Образование, политика, медицина, институт семьи — те сферы, где депривация женщин и девочек проявляется наиболее заметно. В заключении автор делает вывод, что Гвинея является страной с одним из самых высоких уровней дискриминации, и изменить данную ситуацию в ближайшее время будет достаточно сложно.

Отдельно хочется отметить, что молодые ученые выбирают темой своих научных изысканий актуальные и острые темы. Так, например, в статье П. Е. Хлыновой «Электоральные предпочтения представителей

ЛГБТ-сообщества в России на примере Москвы и Санкт-Петербурга» объектом исследования является политическая активность ЛГБТ-групп. Автор подробно разбирает аспекты, связанные с политическими предпочтениями представителей ЛГБТ-сообществ, и тот факт, что политики и политические группы при проведении избирательных компаний выводят данные сообщества в серую зону. Ценность исследования заключается еще и в том, что автор использует собственные первичные материалы, полученные в результате социологического опроса.

Проблемам социальной дискриминации ЛГБТ-групп посвящена статья А. В. Головиной. Автор обращается к проблеме негативного отношения к представителям ЛГБТ-сообществ, к дискриминации представителей сообщества, работающих в сфере образования. Автор представляет статистику по увольнению педагогов и основания для их увольнения, свидетельствующие о росте случаев трудовой дискриминации. Приведенные автором случаи — это лишь то, что вызвало резонанс в СМИ, тогда как точной статистики, по всей вероятности, мы не знаем. Отдельно А. В. Головина указывает на агрессивное давление родителей учеников, администрации школ на педагогов, отмечая, что чаще всего педагогов вынуждали уходить «по собственному желанию», что автоматически выводит случай увольнения из поля дискриминации.

Секция «Антропология эзотеризма: история, методология, практика», посвященная проблемам изучения западного эзотеризма, впервые проходила в рамках Конференции молодых ученых ИЭА РАН и собрала исследователей из разных научных областей и дисциплин. Разноплановые работы освещают разные проблемы данного исследовательского направления — от истории и психологии до археологии. Открывает данный раздел работа Н. А. Кутявина, посвященная мировоззрению российского неоязыческого движения. Анализируя работы интеллектуальных лидеров неоязычества, автор сравнивает их с такими направлениями в рамках западного эзотеризма, как «интегральный традиционализм» Р. Генона и Ю. Эволи и «космическая религия» Э. фон Деникена и З. Ситчина. Анализируя раскол неоязыческого движения 2009 г., автор приходит к выводу о существовании внутри неоязычества двух стратегий «изобретения традиции»: традиционалистской и модернистской, которые, в свою очередь, соотносятся с идеальными типами религиозного традиционализма и религиозного модернизма.

Теме изучения прагматики обрядности в рамках частной практики специалистов в области эзотерики посвящена статья П. П. Кочегановой.

Автором собран богатый материал в ходе интервьюирования специалистов прикладной эзотерики: тарологов, рунологов, астрологов, хиромантов и др. Делается вывод о том что, с одной стороны, подобная практика, основанная на гадании и предсказаниях будущего, представляет способ самопрезентации индивида, актуализации его личностных особенностей. С другой стороны, данные специалисты выполняют роль снятия психологического напряжения у клиентов. Прагматика подобных эзотерических обрядов обусловлена снижением уровня тревожности у их клиентов и защитой психики от травматических событий в их жизни.

Переходя от современного времени к эзотерическим явлениям прошлого, необходимо обратить внимание на статью А. Р. Каспарова. В ней автор рассматривает вопрос прародины зороастризма. Анализируются некрополи Сапаллинской культуры (Бустон VI–VII), в которых были выявлены погребальные практики использования огня и огненной символики, характерные для зороастризма. Разбирая погребальный обряд, автор приходит к заключению о том, что практика выставления усопшего на территории Северной Бактрии складывалась задолго до авестийской традиции. Таким образом, делается вывод о том, что погребальные практики являются предтечей подобных практик в зороастризме, что позволяет поставить вопрос о бактрийском очаге культурогенезиса зороастрийской религии.

Секция «Глобальное и локальное в повседневных практиках горожан» представлена статьей В. В. Матвеева «Праздничная культура общины бахаи: универсалистские принципы и вернакулярные практики». В ней автор исследует коллективные и индивидуальные практики, совершаемые на праздничных мероприятиях бахаи. В начале статьи автор раскрывает феномен праздника как таковой, особенности праздничной культуры бахаи и переходит к основной цели статьи — анализу освоения общиной бахаи городского пространства в праздничные дни. В. В. Матвеев подробно останавливается на календаре под названием Бади, практике чтения молитв, программе развлекательной части празднеств. Автор делает вывод, что именно праздничная культура бахаи становится способом презентации себя миру, актуализации своей истории, поддержания связей внутри сообщества. Такой функциональный аспект праздников может быть полезен как образец для многих общин и социальных групп.

Разнообразие представленных тем делает данный сборник статей интересным не только для молодых ученых, но и для широкого круга читателей.

Редакторы сборника выражают искреннюю благодарность всем организаторам конференции и руководителям секций — Ангелине Власенко, Сергею Орешину, Анне Громовой, Дарье Трынкиной, Евгении Белоноговой, Нестору Маничкину, Татьяне Самариной, Павлу Серину, Александру Басову, Василисе Филатовой, Ольге Семеновой и Мурату Донежук, без чьего активного участия ни конференция, ни эта книга не могли бы состояться.

Мы также особо признательны за всем, кто поддерживал нас и помогал нам в процессе редактирования сборника и в решении организационных вопросов: Ольге Леонидовне Миловой, Светлане Станиславовне Крюковой, Юрию Дмитриевичу Анчабадзе, Кире Владимировне Цеханской, Дмитрию Вячеславовичу Громову, Шрайнер Андрианне Анатольевне, Михаилу Сергеевичу Козлову и Дмитрию Анатольевичу Функу.

Орешин Сергей Александрович

*Институт этнологии и антропологии РАН
к. и. н., научный сотрудник Отдела Кавказа*

E-mail: oreshin12345@yandex.ru

Концептуальные основы государственной национальной политики в постсоветской России¹

Аннотация. Статья посвящена разработке концептуальных основ государственной национальной политики (этнополитики) в Российской Федерации. Вплоть до 2010-х гг. теоретико-методологические основы российской этнополитики представляли собой смешение старых советских и западных принципов. Современная государственная национальная политика России базируется на концепции российской гражданской нации, трактуемой как совокупность граждан различной этнической, конфессиональной, расовой принадлежности, осознающих себя единой гражданско-политической общностью в пределах конкретного государства. В то же время в доктринальных документах отмечается необходимость оказания содействия этнокультурному развитию представителей всех народов, проживающих в России.

Ключевые слова: Российская Федерация; этнополитика; идентичность; Концепция государственной национальной политики; Стратегия государственной национальной политики; национально-культурная автономия; российская нация

Summary. The article describes the development of the conceptual basis of state national policy (ethnic policy) in the Russian Federation. Up until the 2010s, the theoretical and methodological foundations of Russian ethno-policy were the mixing of old Soviet and Western principles. The modern state national policy of Russia bases on the concept of the Russian civil nation, interpreted as a collection of citizens of different ethnic, confessional and racial backgrounds, who realize themselves as a single civil-political community within a particular

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

state. At the same time, doctrinal documents note the need to promote the ethnocultural development of a representative of all peoples, living in Russia.

Keywords: Russian Federation; ethnopolicy; identity; The Concept of state national policy; The Strategy of state national policy; national and cultural autonomy; Russian nation.

Российская Федерация — одно из крупнейших в мире полиэтнических и многоконфессиональных государств, поэтому национальный вопрос всегда приобретал в нашей стране особую актуальность. Распад Советского Союза, отказ от коммунистической идеологии и концепции «ленинской национальной политики» потребовал от новых российских властей поиска новых концептуальных основ отечественной этнополитики, способных дать ответ тем серьезным вызовам, которые стояли перед страной в начале 1990-х гг.

Конституция Российской Федерации 1993 г. объявила носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации ее многонациональный народ (ст. 3), представляющий собой совокупность всех граждан России, «соединенных общей судьбой на своей земле» и знающих себя «частью мирового сообщества». Конституция не содержала раздела «Национально-государственное устройство» в отличие от советских Конституций, она не содержала и градации субъектов федерации на национально-государственные, административно-территориальные и национально-территориальные. Конституция не предусматривает за субъектами федерации ни права, ни процедуры их выхода из состава федерации. Таким образом, однозначно трактуется право народа на самоопределение, как самоопределение в составе Российской Федерации.

Если в советское время национальная принадлежность каждого гражданина в обязательном порядке фиксировалась в паспорте на основании национальности его отца или матери, то Конституция РФ предоставила каждому россиянину (ст. 26) право свободно определять и указывать свою национальную принадлежность на основе принципа добровольности, зафиксировав, что никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности¹. Россиянам также гарантировалось право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Государственным языком на всей территории Российской Федерации был объявлен русский, в то же время республикам было предоставлено право устанавливать свои государственные языки, которые

должны были употребляться в публично-правовой сфере наряду с русским; а всем народам, проживающим на территории РФ, было гарантировано право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68). Статья 69 отдельно гарантировала права коренных малочисленных народов «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации».

Тем самым Конституция ввела концепцию «многонационального народа» в качестве главного теоретического конструкта государственной национальной политики, однако, анализируя текст Конституции, можно увидеть, что за термином «народ» в различных статьях скрывались два разных понятия: народ как «согражданство» и народ как «этническая общность».

В 1990-х гг. велся поиск теоретико-методологических оснований этнополитики, приспособленных к реалиям меняющегося общества. Утвержденная Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909 Концепция государственной национальной политики представляла своего рода компромисс между старыми и новыми концептуальными подходами. Россия признавалась многонациональным государством, преобладающее большинство народов — коренными, «сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности»; отмечалась объединяющая роль русского народа, благодаря которой на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов. В данной Концепции была впервые сформулирована своего рода магистральная «двуединая задача», которая будет воспроизводиться в том или ином виде в последующих доктринальных документах: развитие национальных культур и языков народов Российской Федерации и **укрепление духовной общности россиян** (выделено авт. — С. О.)². Основными целями государственной национальной политики Российской Федерации провозглашались создание условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов России и упрочение общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина, и признания его высшей ценностью. Однако доктринальный документ не содержал формулировки самого понятия «гражданская и духовно-нравственная общность», что оставляло возможность для придания ему разных смыслов в зависимости от политической позиции, занимаемой теми или иными чиновниками и экспертами.

Принятие в том же году Федерального закона «О национально-культурной автономии» означало существенный разрыв с советской концепцией национальной политики. Как известно, В.И. Ленин категорично возражал против самого принципа культурно-национальной автономии, полагая, что создание НКА, в которых на основе этнического принципа будут объединены и рабочие, и капиталисты, затруднит ведение классовой борьбы пролетариатом. Новые российские власти, напротив, видели в институте национально-культурных автономий действенный механизм, позволяющий, с одной стороны, институализировать и деполитизировать этнополитические движения народов России, а с другой, позволить малочисленным, разрозненно расселенным народам, национальным меньшинствам решать вопросы сохранения и развития своей самобытности, традиций, языка, культуры, образования. НКА должна была представлять собой экстерриториальное самоуправляемое общественное формирование.

Тем не менее, к началу XXI в. теоретико-методологические основы государственной национальной политики так и не были выработаны. Отчасти это объяснялось содержащимся в Конституции запретом утверждения единой идеологии, что приводило, с одной стороны, к сохранявшемуся плюрализму мнений и концепций, но, с другой, не позволяло разработать эффективную стратегическую программу модернизации российской этнополитики. Наиболее острые споры развернулись между условными «примордиалистами», по сути стоявшими на советских теоретико-методологических позициях и мыслившими «многонациональный российский народ» в виде совокупности «этнонаций», и условными «конструктивистами», предлагавшими трактовать понятие «нация» в гражданско-политическом смысле. Последняя позиция, казалось, со временем находила понимание в среде высшего руководства страны. В 2004 г. на встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в Казани Президент РФ В.В. Путин заявил о понимании российского народа как «единой нации»³. В 2008 г. со схожими идеями выступил новый Президент Д.А. Медведев⁴. Новая идеология гражданского нациестроительства не означала отрицание или растворение российских этнонаций в некой монокультурной общности под названием «российская нация». Последняя, по моему мнению, понималась как форма надэтнической гражданской идентичности россиян. К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин, на протяжении 2000-х гг. вопросы разработки концептуальных основ государственной национальной политики России не получили должного развития, а этнополитика оказалась на периферии

внимания органов государственной власти. Однако обострение межэтнических отношений и рост этнополитического экстремизма в начале 2010-х гг. побудили российские власти вплотную заняться указанной проблемой.

Начало было положено статьей В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», опубликованной в «Независимой газете» 23 января 2012 г. В ней было сформировано видение основных путей решения актуальных вопросов государственной национальной политики, определялись ее цели и задачи. В частности, В.В. Путин, назвав русский народ «государствообразующим — по факту существования России», а русскую культуру — «стержнем, скрепляющей ткань» уникальной российской цивилизации, в то же время подчеркнул необходимость разработки и принятия Стратегии национальной политики, «основанной на гражданском патриотизме». Таким образом, глава государства возвращался к мысли о необходимости идеологического оформления концепта государственной национальной политики. Кроме того, в данной статье формулировалась идея, которая затем легла в основу т.н. двуединой задачи российской этнополитики: «Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности»⁵. За неделю до президентских выборов на встрече с доверенными лицами и руководителями выборных штабов В.В. Путин обозначил необходимость «найти нечто такое, что станет объединительным фактором для всей многонациональной, но единой российской нации». Единственным фактором был назван патриотизм⁶.

В том же году были разработаны и подписаны Президентом РФ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года и Указ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Была обозначена стратегическая двуединая задача: содействие этнокультурному развитию представителей всех народов, проживающих в России, и укрепление единства российской гражданской нации. Но четкого определения того, что следует понимать под термином «российская нация», дано не было. В результате началась оживленная дискуссия, в ходе которой различные общественно-политические силы пытались дать определение этой важнейшей дефиниции российской этнополитики. Наиболее остро дебатировались два вопроса,

имевших прямое отношение к концептуальным, идеологическим основам этнополитики. Во-первых, о сущности понятия «нация»: трактовать ее в этническом или в гражданско-политическом смысле. Во-вторых, о придании русскому народу особого статуса.

В 2018 г. была проведена большая работа по актуализации Стратегии государственной национальной политики. Президент принял решение о сохранении прежнего курса государственной национальной политики. 6 декабря 2018 г. был подписан Указ Президента РФ № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. N 1666⁷». Откорректированный документ Стратегии государственной национальной политики впервые закрепляет концепт российской нации (понимаемой в гражданско-политическом смысле), основные цели действующей стратегии, среди которых — укрепление гражданского единства многонационального народа Российской Федерации; сохранение этнокультурного многообразия; поддержка языков, в том числе русского как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения⁸.

Впервые в доктринальном документе государственной национальной политики формулируются основные дефиниции как результат выполнения поручения Президента РФ Российской Академии наук о создании Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений (руководители — академики В. А. Тишков и Т. Я. Хабриева). Стратегия содержит восемь основных понятий:

— **«Многонациональный народ Российской Федерации (рос- сийская нация)** — сообщество свободных, равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием». Таким образом, в доктринальном документе было обозначено, что понятия «многонациональный российский народ» (являющийся источником и носителем суверенитета в стране согласно Конституции) и «российская нация» синонимичны;

— **«Гражданское единство** — основа российской нации, признание гражданами Российской Федерации ее суверенитета, государственной целостности, единства правового пространства, общегосударственного исторического и культурного наследия, этно-

культурного и языкового многообразия, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность в достижении целей и задач развития общества.

— **Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)** — понимание гражданами их принадлежности к своей стране, ее народу, государству и обществу, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, ответственности за судьбу страны, а также приверженность базовым ценностям;

— **Народы, национальности, этнические общности в Российской Федерации** — национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность людей;

— **Этнокультурное и языковое многообразие** — совокупность всех этнических культур и языков народов Российской Федерации»⁹.

Своеобразный научный компромисс был достигнут в дискуссии о сущности российского государства. Как считает академик В. А. Тишков, в данной стратегии был найден «этот непротиворечивый баланс между двумя концептами в оценке российской государственности, русского народа и русской культуры мирового значения», между понятием «государство-нация» и «государство-цивилизация»¹⁰.

В этот же ряд концептуальных положений было включено понимание содержания российской гражданской идентичности: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации, и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру». Данная запись является новацией и учитывает, что само по себе понятие «цивилизации» широко используется в политике и публицистике¹¹.

Подводя итоги, следует отметить, что к концу 2010-х гг., после долгих и оживленных дискуссий, были сформулированы концептуальные основы государственной национальной политики Российской Федерации, принципиально отличающиеся от тех идеологических установок, которые господствовали в сфере этнополитики в советское время. В определенной степени российская этнополитика базируется на западных концепциях «политической», «гражданской нации», трактуемой как совокупность граждан различной этнической, конфессиональной, расовой принадлежности, осознающих себя единой гражданско-политической общностью в пределах конкретного государства. В то же время новая этнополитическая идеология (полагаю, что данный термин к ней вполне применим) имеет существенную специфику, поскольку в значительной степени основана на т. н. «русских ценностях», которые, в свою очередь, представляют собой некий синтез русских культурно-бытовых и политических традиций (восходящих и к временам Российской империи, и Советского Союза) и исторического культурного наследия других народов, проживающих на территории России. В какой степени новая идеологическая концепция будет воспринята народами России и их элитами (прежде всего, самым многочисленным русским народом) и сможет решить актуальные вопросы сохранения межэтнической стабильности и территориальной целостности государства — покажет будущее.

¹ Конституция Российской Федерации: Энциклопедический словарь/Авт. коллектив: В. А. Туманов, В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин; Руководитель авт. коллектива С. М. Шахрай. — 2-е изд., перераб. и доп. В. А. Тумановым. — М.: Большая российская энциклопедия: Юристъ, 1997. Ст. 26.

² Концепция государственной национальной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/> (Дата обращения: 26.11.2019).

³ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства/Отв. Ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 439.

⁴ Там же. С. 440.

⁵ Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

⁶ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. С. 443.

⁷ Зорин В. Ю., Орешин С. А. Государственная национальная политика России: от традиций к инновациям // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М.: ИЭА РАН, 2019. № 269. С. 11–12.

⁸ Сборник законодательных актов в области государственной национальной политики и межнациональных отношений. Под редакцией В. Б. Тарасова. — Москва: ГБУ «МДН», 2019. С. 102–103.

⁹ Там же. С. 95–97.

¹⁰ Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов/под ред. Валерия Тишкова и Валерия Степанова. М., 2018. С. 24.

¹¹ Там же. С. 24–25.

Список литературы

Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации [Электронный ресурс] // <http://fond-sblizhenie.ru/strategiya-gosudarstvennoj-nacionalnoj-politiki-rf-tradicionnye-metody-i-innovacionnye-podxody-realizacii-na-sovremennom-etape/> (Дата обращения: 17.03.2019).

Зорин В. Ю., Орешин С. А. Государственная национальная политика России: от традиций к инновациям // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2019. № 269.

Конституция Российской Федерации: Энциклопедический словарь/Авт. коллектив: В. А. Туманов, В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин; Руководитель авт. коллектива С. М. Шахрай. 2-е изд., перераб. и доп. В. А. Тумановым. М.: Большая российская энциклопедия: Юристъ, 1997.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. М., 1996.

Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

Сборник законодательных актов в области государственной национальной политики и межнациональных отношений. Под редакцией В. Б. Тарасова. Москва: ГБУ «МДН», 2019.

Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Издательство Московского университета, 2011.

Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов/под ред. Валерия Тишкова и Валерия Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018.

Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства/Отв. Ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012.

Высоцкая Зоя Романовна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Факультет государственного управления

*аспирант кафедры управления в сфере межэтнических и
межконфессиональных отношений,*

E-mail: zoya_vysotskaya@list.ru

Восприятие целевых ориентиров государственной национальной политики молодежью Северного Кавказа

Аннотация. В представленной статье автор на основе выдержек из комплексного социологического исследования показывает отношение молодежи Северного Кавказа к проводимой государственной национальной политике, ее основным целевым ориентирам. Показано, что наибольший приоритет молодежь Северного Кавказа отдает тем целям государственной национальной политики, которые связаны с равенством прав и свобод человека, развитием демократических институтов. В дополнение автор дает свою оценку проводимой молодежной и национальной политике, и обосновывает необходимость усиления межведомственного взаимодействия по этому направлению.

Ключевые слова: молодежь, Северный Кавказ, молодежная политика, национальная политика, межэтнические отношения

Abstract. The submitted article is based on the extract of the complex sociological research on the North Caucasian young people as the core audience of state nationalities policy. The author points out how the youth of the North Caucasus attitudes to the Russian state nationalities policy and basic targets of this policy. It is stressed, that the North Caucasian youth gives a priority to the benchmarks closely connected to the equal human and civil rights and freedoms and the development of democratic institutions. Furthermore, the author gives an appraisal of pursued youth and nationalities policy and justifies the necessity to strengthen the joint-agency cooperation.

Keywords: youth, North Caucasus, youth policy, nationalities policy, interethnic policy, interethnic relations

Молодежь Северного Кавказа представляет собой неоднородную социальную группу, что, в первую очередь, обусловлено конфигурацией этнических, религиозных, региональных, гражданских и иных идентичностей у населения, проживающего в данном регионе. На состоянии и самочувствии молодежи Северного Кавказа также сказываются непростое социально-экономическое положение субъектов Северо-Кавказского федерального округа, активные процессы урбанизации и миграции, сосуществование стремления к модернизации и традиционалистских установок в ценностных ориентирах молодых людей на Кавказе. Молодежь Северного Кавказа перманентно находится в поле зрения власти в связи с пониманием того, что установки молодежи данного региона, а также траектории развития этой социальной группы во многом являются фактором национальной безопасности государства. Так, в Стратегии национальной безопасности России отмечается, что «укреплению национальной безопасности в сфере культуры способствует создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение принципов духовно-нравственного развития в систему образования, молодежную и национальную политику, расширение культурно-просветительской деятельности»¹. Особенно актуален в данной проекции вопрос межнационального согласия в молодежной среде.

В современных реалиях российской системы государственной власти молодежная и национальная политика разделены. Особенно ярко это проявляется в институциональной структуре управления данными сферами. Полномочиями по реализации мер государственной молодежной политики обладает Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь, или ФАДМ России), в том числе по направлению, связанному с укреплением общероссийской гражданской идентичности и гармонизацией межнациональных отношений, профилактикой экстремизма в молодежной среде. Росмолодежью проводятся соответствующие форумы и конференции. Однако аналогичная деятельность ведется и другим государственным ведомством — Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН России). Обилие мероприятий, направленных на воспитание патриотических чувств, способствующих активизации контактов между представителями молодежи различных национальностей и их интеграции в общероссийское культурное пространство, требует проведения значительной работы по координации усилий различных органов власти, что, к сожалению, на практике весьма ограничено.

В настоящее время именно формат форумов, конвентов, конференций и прочих аналогичных мероприятий стал одним из основных инструментов реализации государственной национальной политики в молодежной среде. Разбирая пример аналогичного формата мероприятия, проводящегося для молодежи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, В. А. Сажина отмечает, что «площадка форума зачастую становится первой большой ступенью для инициативной молодежи на пути к своей общественной и/или политической карьере. При этом формат форума позволяет организаторам вовремя разглядеть тех активистов, чьи интересы и «новаторские идеи» идут в разрез с целями национальной политики, не способствуют формированию гражданского единства, несут в себе идеи сепаратизма или в целом деструктивны для молодежной среды»². Наиболее представительными и крупными площадками, в которых активно принимает участие молодежь Северного Кавказа, сейчас являются следующие мероприятия: Северо-Кавказский молодежный форум «Машук», Молодежный этнокультурный лагерь «Диалог», Всероссийский патриотический межнациональный лагерь молодежи, Всероссийский форум тюркской молодежи «Золото тюрков» (все — мероприятия ФАДН России). Что касается Росмолодежи, то эта структура является одним из крупнейших грантодателей для реализации различных общественных молодежных проектов, многие из которых направлены на формирование российской идентичности, единства российской нации, содействие межкультурному и межконфессиональному диалогу.

Однако в дополнение к проблеме отсутствия разделяемого федеральными органами понимания в отношении основных направлений внутренней и внешней интеграции молодежи Северо-Кавказского федерального округа посредством форумных кампаний и грантовой поддержки очевидна проблема, связанная с тем, что разные форумы посещают одни и те же участники (это не столько проблема Северного Кавказа, сколько общедоказательная). Это резко сокращает и ограничивает круг молодежи, которая получает через форумы, слеты, конференции определенные идеологические послы со стороны власти. При этом стоит отметить, что, например, ключевыми показателями (индикаторами) государственной программы «Реализация государственной национальной политики» являются те, которые оценивают именно количественный охват участников разного рода мероприятий, например «количество молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, участвующих в проектах и про-

граммах в сфере реализации государственной национальной политики Российской Федерации»³. Таким образом, очевидной становится необходимость более тщательно подходить к отбору участников мероприятий, вести единую базу «форумчан» (такая база есть у Росмолодежи — АИС «Молодежь России», но нет у ФАДН России).

Тем не менее, большинство крупнейших мероприятий в сфере государственной национальной политики направлено на работу с подрастающим поколением и молодежью. В связи с этим возникает вопрос о необходимости получения своего рода «обратной связи» не только путем сухой оценки показателей госпрограммы, но и через прямой контакт с теми, на кого направлено внимание органов власти в рамках реализации тех или иных направлений национальной и молодежной политики страны. Молодежь Северного Кавказа в данном случае оказывается одной из наиболее предпочтительных целевых аудиторий в связи с тем, что проживает в межнациональной среде и обладает большим опытом межкультурного диалога, чем их сверстники в мононациональных регионах. В ходе полевого исследования социологического содержания, осуществленного представителями факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова совместно со Всероссийским межнациональным союзом молодежи в 2019 г., было проведено анкетирование двух с половиной сотен представителей «активной» молодежи Северного Кавказа — членов землячеств, некоммерческих организаций, активистов общественных движений и студенческих союзов и проч.⁴ Среди вопросов, задаваемых анкетирваемым, несколько касались актуальных аспектов реализации государственной национальной политики.

Так, им предлагалось проранжировать заданные в последней редакции Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. (в ред. от 06.12.2018 г.) цели государственной национальной политики в соответствии с личными представлениями о значимости той или иной из них⁵. Выяснилось, что ни одна из целей Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. не является приоритетной в сравнении с другими, указанными в данной редакции Стратегии, поэтому предположения о приоритетности целей используются только в академических целях исследования восприятия целевых ориентиров этнонациональной политики молодежью. Наибольший приоритет анкетирваемые отдают цели государственной национальной политики в следующей формулировке: «обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина (независимо от расы, национальности,

языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств)» (40,4% всех анкетированных поставили эту цель государственной национальной политики на I место среди прочих). Полученные данные вкупе с другими итогами социологического исследования свидетельствуют о разделении молодежью Северного Кавказа именно гражданских идеалов и ценностей, что соответствует основным заданным параметрам государственной национальной политики России на современном этапе.

Наименьшую значимость, по мнению молодежи Северного Кавказа, имеют вопросы социальной адаптации иностранных граждан и их интеграции в российское общество (менее 1% опрошенных поставили эту цель на I место при ранжировании).

Исходя из полученных данных, можно констатировать, что ни одна цель не превосходит по своему значению другие настолько, чтобы обозначить ее, по мнению опрошенных, как стержневую в конфигурации целей государственной национальной политики. Однако очевидно то, что цели, которые по своему содержанию соответствуют либеральным ценностям (равенство прав и свобод человека и гражданина, развитие демократических институтов, социальной стабильности и проч.), в совокупности были выдвинуты на I место более, чем 70% опрошенных. В то же время, например, укрепление общероссийской гражданской идентичности или гармонизация национальных отношений представляются анкетировемым куда менее значимыми целями. Исходя из этого, можно сделать предположение о том, что нынешнему молодому поколению для достижения в обществе межнационального согласия важно обеспечить доступность разнообразных политических, правовых, социально-экономических ресурсов, при которых этнокультурная идентичность человека не будет определяющим фактором его развития. К аналогичным выводам приходят авторы монографии «Истоки конфликтов на Северном Кавказе», в своей работе неоднократно обращающие внимание на необходимость создания условий для самореализации молодежи⁶.

Несоответствие ожиданий реальности становится фактором конфликтогенности в условиях Северного Кавказа, где стимулами зарождения и развития конфликтов становятся: нехватка социальных благ, отсутствие потребности в высококвалифицированной рабочей силе, ограниченность земельных ресурсов и иные причины. Все это способно легко спровоцировать межэтнические или межрелигиозные конфликты

путем подмены фактической социальной почвы конфликта на межэтническую почву, поскольку этническая мобилизация в ходе конфликта, как правило, оказывается молниеносной.

Данные предположения подтверждаются результатами ответов на следующий вопрос анкетирования, в ходе которого мы пытались определить, какие факторы конфликтогенности, связанные с проявлением несправедливости в обществе, видят опрошенные (рис. 1).

Каждый пятый считает, что неравномерное распределение доходов, а в связи с этим и соотношение бедных и богатых, — ключевое проявление несправедливости. Молодежь демонстрирует высокий уровень восприимчивости по отношению к социально-экономическим потребностям: преимущественно именно экономические проблемы называются ими в качестве основных проявлений несправедливости. А вот предвзятое отношение к представителям национальных меньшинств — наименее популярный ответ — 4,5%, что в очередной раз подтверждает тезис о том, что не сами по себе межэтнические и межрелигиозные противоречия являются основным фактором дестабилизации внутривнутриполитической ситуации. Однако нельзя полностью исключать этот фактор: поскольку проблемы этнорелигиозной сферы все же упоминаются опрошенными, хотя и небольшим количеством ответов, это свидетельствует о том, что конфликтогенный потенциал данной сферы сейчас находится в резерве, но не полностью исключен из сознания молодежи.

Наконец, еще в одном вопросе респондентам предлагалось в свободной форме дать трактовку понятию «русской нации». Распределение количества слов, которые встречаются чаще, чем десять раз, представлено в таблице ниже с указанием количества упоминаний слов. Грамматические формы одного слова, если это не влияет на значение, объединены в одну строку. Служебные части речи из ответов исключались, кроме случаев, описанных в комментариях к таблице.

Большинство ответов респондентов на вопрос об их трактовке понятия «русская нация» говорят либо о гражданско-политической общности людей, либо о совокупности народов, проживающих на территории России. Большое значение отводится «всеобщности», т.е. включенности всех людей, народов, граждан и т.д. (упоминание слов «все/всех») в те или иные институты соотносимо с их личными представлениями.

Распространенной интерпретацией понятия «русская нация» в ответах респондентов является этническое единообразие, например

«Российская нация — это этническая группа», «Российская нация — это Люди, относящиеся к одному (российскому) этносу», «Российская нация — это этнический совет» (здесь и далее — авторские орфография и пунктуация сохранены).

Переходя к итогам, необходимо отметить, что рассмотренные выше вопросы были только частью исследования, которое позволило выстроить достаточно целостную ценностную картину современной, а главное, активной молодежи Северного Кавказа. Представляется, что именно тот факт, что респонденты нашего исследования уже достигли определенных успехов, активно принимают участие в разнообразных мероприятиях, готовы брать на себя ответственность за будущее родного края, говорит о сформированных ценностях и наличии собственных представлений, которые нашли отражение в результатах нашего исследования.

Исходя из приведенного краткого обзора состояния дел в этнонациональной и молодежной политике и полученных результатов анкетирования, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, очевидной представляется необходимость совершенствования этнонациональной и молодежной политики в части объединения усилий в рамках данных полномочий по направлению формирования российской идентичности, единства российской нации, содействия межкультурному и межконфессиональному диалогу. Это же касается и обмена опытом между ответственными ведомствами для совершенствования функционирования отдельных механизмов реализации этнонациональной и молодежной политики.

Во-вторых, аналогично требуется интеграция целей и задач молодежной политики и этнонациональной политики по отношению к молодежи. Разведение полномочий между разными ведомствами не позволяет выстроить, а главное, грамотно отработать единую идеологическую линию, а соответственно, ценностная составляющая как бы «размывается», не достигая соответствующих целей по патриотическому воспитанию, формированию российской идентичности, содействию межнациональному согласию в стране.

В-третьих, несмотря на указанные недостатки, в целом проводимая в настоящее время молодежная политика в сфере этнонациональных отношений оказывается достаточно результативной. По крайней мере, глядя на результаты опроса той части молодежи СКФО, которая уже активно принимает участие в разного рода мероприятиях, многие из которых реализуются в рамках соответствующей госпрограммы, становится

очевидным, что межнациональные проблемы в молодежной среде практически отсутствуют.

Наконец, очевидным становится наличие запроса молодежи Северного Кавказа на развитие демократических институтов, социальных лифтов, иных механизмов самореализации. Именно на эту сторону молодежной политики стоит обратить внимание в обозримой перспективе, поддерживая тезис о том, что лучшая профилактика межнациональных конфликтов — это совместная деятельность представителей разных этнических групп ради достижения общих целей, в данном случае — развития всего Северного Кавказа.

Приложения

Рисунок 1. Ответ респондентов на вопрос: «На Ваш взгляд, как в современном российском обществе проявляется несправедливость? (Выберите не более трех вариантов ответа)». Всего по 6 субъектам РФ (нет выборки по Ингушетии), входящим в состав СКФО, %

Положение цели в ранжированном списке приоритетности целей национальной политики, по мнению молодежи СКФО	Формулировка цели в соответствии с текстом Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г.	Количество анкетированных в процентах, которые поставили цель на 1 место при ранжировании приоритетов
1	Обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина (независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств)	40,4%
2	Укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов	30,2%
3	Сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества	14,2%
4	Укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации)	11,6%
5	Гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений	2,6%
6	Успешная социальная и культурная адаптация иностранных граждан в Российской Федерации, и их интеграция в российское общество	1%

Таблица 1. Ранжированный список целей государственной национальной политики в формулировках Стратегии государственной национальной политики по итогам ответов респондентов на вопрос «Какая из целей наиболее значимая, на Ваш взгляд, для России? Расставьте приоритетность целей от 1 до 6 (1 — наиболее значимая, 6 — наименее значимая)».

Слово	Частота упоминаний, кол-во раз
РФ	52
Все/всех	52
Наций/нация/нации	16 + 15 + 13 = 44
России	26
Народов	23
Территории	20
Общность	16
Единство	15
Народ	14
Людей	11
Проживающие	11
Народы	11
Граждане	11
Совокупность	11

Таблица 2. Частота упоминаний слов при ответе респондентов на вопрос: «Сформулируйте своими словами, что Вы понимаете под «россиейской нацией»?», в свободной форме.

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. N 1 (часть II), ст. 212.

² Сажина В. А. Молодежные форумы в национальной и этнокультурной политике Российской Федерации/сб. ст. по результатам VII Межд. науч.-практ. конф. ФГУ МГУ имени М. В. Ломоносова «Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы», 01–02, 16 декабря 2017 года, Москва; [под общ. ред. С. Ю. Глазьева]. М., 2018. С. 818.

³ Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. N 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"» // Собрание законодательства РФ. 9.01.2017. N 2 (часть I) ст. 361. (С изм. и доп.).

⁴ ПМА. 2019 (Полевое социологическое исследование, проведенные научными сотрудниками факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова в Северо-Кавказском федеральном округе, апрель-май 2019 г).

⁵ Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2012. N 52. ст. 7477.

⁶ Стародубровская И. В., Соколов Д. В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография/И. В. Стародубровская, Д. В. Соколов. М., 2015 г. 280 с.

Список литературы и источников

Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. N 1 (часть II), ст. 212.

Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2012. N 52. ст. 7477.

Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. N 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"» // Собрание законодательства РФ. 9.01.2017. N 2 (часть I) ст. 361. (С изм. и доп.)

Сажина В. А. Молодежные форумы в национальной и этнокультурной политике Российской Федерации/сб. ст. по результатам VII Межд. науч.-практ. конф. ФГУ МГУ имени М. В. Ломоносова «Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы», 01–02, 16 декабря 2017 года, Москва; [под общ. ред. С. Ю. Глазьева]. М., 2018. С. 815–820.

Стародубровская И. В., Соколов Д. В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография/И. В. Стародубровская, Д. В. Соколов. М., 2015 г.

Долгих Дмитрий Александрович

Институт этнологии и антропологии РАН

аспирант I курса

*Российский государственный гуманитарный университет
преподаватель Учебно-научного центра социальной антропологии*

E-mail: dolgikh-dmit@yandex.ru

Из города в деревню: экопоселения в контексте социального взаимодействия «местных» и «пришлых»

Аннотация. В статье рассматривается феномен миграции из городов в сельскую местность с целью создания экопоселений и поселений родовых поместий. В районах, которые горожане часто выбирают для переезда, складываются различные модели взаимодействия общин новых переселенцев и коренного населения. Соседство экопоселенцев и традиционных крестьян приводит к разнообразным формам диалога — от взаимовыгодного сотрудничества до острых конфликтов, приводящих даже к физическому насилию.

Ключевые слова: экопоселения, сельские территории, внутренняя миграция, социальный конфликт, коренные жители, родовые поместья

Abstract. The article discusses the phenomenon of migration from cities to rural areas with the aim of creating eco-villages and settlements of patrimonial estates. In areas that city dwellers often choose to relocate, various models of interaction between new settlers and indigenous communities. The neighborhood of eco-settlers and traditional peasants leads to various forms of dialogue — from mutually beneficial cooperation to acute conflicts, even leading to physical violence.

Keywords: eco-villages, rural territories, internal migration, social conflict, native people, patrimonial estates

Несмотря на отток населения из деревни, доля сельского населения в России практически не снижается с 1970-х гг. и держится на уровне примерно 26%¹. На фоне депопуляции российской деревни и общей деградации сельских территорий переселение из крупных городов в сель-

скую местность становится все более и более устойчивым трендом. Однако для значительного числа переселенцев российская деревня является неприемлемой социальной средой для жизни. *«Люди, которые хотят переехать в сельскую местность, как правило, долго и тщательно ищут новое, подходящее место. Могут несколько лет ездить по разным областям, искать оптимальные для себя варианты: хутор, деревня, поселение»*². Их пугает соседство с потомственными жителями деревни, в массе своей, по мнению переселенцев, необразованными и «низкокультурными», зачастую ведущими маргинальный образ жизни, а также общая «депрессивность» российского села. В связи с этим возникают населенные пункты новых типов, такие как экопоселения и поселения родовых поместий.

На сегодняшний день организация подобных сообществ приобрела массовый характер. Первые экопоселения в России возникли в начале 1990-х годов. Сегодня на территории нашей страны насчитывается, по разным оценкам, около 400–500 экопоселений, большая часть из которых представляет собой поселения родовых поместий (поселения «анастасиевцев»). В них проживает около 50 тысяч человек. Сложно судить, насколько цифры точны и достоверны, поскольку далеко не все экопоселения и другие подобные сообщества заявляют о себе. Помимо них, существуют организованные на сельских территориях анархо-коммуны, общины «стерлиговцев» и т.п. С другой стороны, многие экопоселения остаются виртуальными проектами, сообществами, так никогда и не переселившимися «на землю», некоторые из них распадаются, некоторые — преобразуются в «дачные поселки» для летнего отдыха. Отдельно стоит упомянуть о тех, кто частично или полностью разделяет ценности экопоселенцев или «анастасиевцев», но переезжает в село или станицу, а не в экопоселение по финансовым причинам.

В большинстве случаев подобные поселения организовываются небольшой группой энтузиастов на сельскохозяйственных землях и имеют полулегальный статус. Уже отстроив дома, жители переводят землю в категорию для жилищного строительства. В связи с тем, что экопоселения не являются официальными населенными пунктами, их жители обычно прописаны в близлежащих городах или сохраняют прежнее место прописки и остаются «неучтенными» для местных администраций. Например, экопоселение «Славное» в Тульской области существует около двадцати лет и довольно давно безуспешно пытается получить статус населенного пункта, что дало бы возможность проживающим в нем

людям прописаться в своих домах. Насколько нам известно, пока еще ни одному экопоселению это не удалось.

Экопоселения кластеризуются, и в некоторых регионах расположены довольно плотно. Появились даже профессиональные организаторы, выкупающие территории одну за другой. Местность в радиусе 300 км вокруг крупнейших городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, куда можно быстро доехать на машине или общественном транспорте, пользуется особенной популярностью: сюда не только ездят на выходные, но и переезжают те, кто не готов окончательно разорвать все связи с городом. В Псковской области *«некоторые деревни буквально выкуплены питерскими дачниками и мурманскими пенсионерами»*³. Подобное можно наблюдать на востоке Смоленской области, севере Тульской и Калужской областей, юге Владимирской и Ярославской областей, западе Рязанской области — территориях, которые являются границами Московской городской агломерации. Также привлекательны курортные территории такие, как Крым или Алтай. Особенно много экопоселений в предгорных районах Краснодарского края.

В рамках исследования, проводившегося при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 18-09-00774 «Новые крестьяне России: социоантропологическое и этнокультурное исследование жизненных стратегий современных фермеров») в 2018–2019 гг., мы с коллегами посетили экопоселения в Тульской, Владимирской, Псковской областях и Краснодарском крае.

Мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении идеологии и организации жизнедеятельности экопоселенцев и осветим лишь ряд вопросов, кажущихся нам наиболее важными. Интерес к подобным сообществам со стороны исследователей растет, существует ряд отечественных работ, подробно описывающих экопоселенческое движение. Следует отметить статьи «Экопоселения — новая форма сельских сообществ в России», «От “дачников” к “поселенцам”: опыты сообщества в движении “Анастасия”» и кандидатскую диссертацию Ю.О. Андреевой, защищенную в 2017 г. в МАЭ РАН «Кунсткамера», — «Проекты преобразования мира в новом религиозном движении “Анастасия”: антропологические аспекты религии нью-эйдж в современной России»⁴.

Если на Западе экопоселения *«напрямую связаны с рациональным природопользованием, экологическими и социальными проектами»*, то в России наибольшее влияние на развитие поселений такого рода оказали цикл книг Владимира Мегре «Звонящие кедровые сосны России», опу-

бликованный с 1996 по 2010 гг., и возникшее в связи с ним движение «анастасиевцев», получившее название по имени главной героини книг⁵. Последователи Мегре даже создали политическую партию, требующую выделить каждому жителю страны гектар земли для создания родового поместья.

Отличительной чертой жителей экопоселений является следование здоровому образу жизни, вегетарианской диете или экспериментальным системам питания. Иногда подобный пункт прописывается в уставе, но за его соблюдением практически невозможно следить. Так, жители ближайших к поселению «Здоровому» станиц рассказывали нам о том, что в нем принят строгий веганский устав, но сами поселенцы, выбравшись в окрестные магазины, покупают колбасу и жадно поглощают ее на детских площадках и в такси. Кроме того, там они с большим наслаждением выкуривают вожделенные сигареты, пьют спиртные напитки, иными словами, *«пускаются во все тяжкие»*⁶.

Обычно жители экопоселений разделяют определенные идеологические и мировоззренческие установки. В первую очередь речь идет о новой религиозности, синкретическом комплексе религиозных идей. Недоверие к общепринятым источникам информации вкупе с эскапизмом приводит к негативным последствиям, прежде всего в сферах здравоохранения и образования. Зачастую жители поселений не прикреплены к медицинским учреждениям, на их территорию не выезжает скорая помощь, практикуются нетрадиционная медицина, домашние роды, многие являются антипрививочниками.

Большинство экопоселенцев, да и переезжающих в деревню горожан, — люди семейные, имеющие более одного ребенка. Иногда переезд продиктован нездоровьем детей, но чаще — стремлением оградить их от негативного влияния среды, как городской, так и сельской, подарить счастливое детство на природе, а не «за компьютером», а себя избавить от тревоги за их безопасность.

Качество образования, которое дает современная российская средняя школа, не удовлетворяет родителей. По мнению некоторых из них, в ней преподают «ненастоящую историю» и теорию эволюции, несогласующуюся с их убеждениями. В итоге образование детей носит экспериментальный характер, а порой и вовсе отсутствует.

В семейном поселении «Ясная слобода» выбор пал на Вальдорфскую систему, поскольку она достаточно проверена временем, и можно судить о ее достоинствах и недостатках. Среди основателей поселения есть пе-

дагоги, работающие в подобных школах в Москве. Благополучие детей является для местных жителей главным приоритетом. Одна из местных жительниц так описывает, почему выбор пал именно на семейное посещение:

«Мы ездили по всяческим родовым поместьям, потому что не было ничего другого, и понимали, что тот формат нам не подходит — маленьким детям заблудиться как делать нечего... И там сидишь один, заброшенный, как отшельник живешь... Да, там природа, да, там огромная личная территория, но человек — социальное существо, тем более, дети. Детям такие пространства преодолевать опасно, страшно⁷».

В «Здравом» каждая семья справляется с обучением по-своему: некоторые дети ходят в обычную школу в станицу (одна женщина объяснила это страхом перед органами опеки), другие состоят на домашнем обучении или прикрепляются к специальной школе в Петербурге и учатся заочно.

«Я разрешаю своему ребенку пользоваться “зуглом”, когда он тесты сдает. Зачем отнимать у ребенка детство? Подрастет, сам решит, если захочет — выучится. У меня старшая пришла, сказала: “Мама, хочу учиться!” За два года экстерном четыре класса закрыла, вот 9-й заканчивает», «Зачем в школу — чтобы он там выдуманные даты учил?»⁸.

Такой подход к образованию не может не вызывать тревогу. И если дошкольники выглядят в экопоселениях довольными, то дети подросткового возраста говорят: *«Не понимаю, что мы здесь делаем»⁹.*

Большая часть жителей пытается создать занятость непосредственно в поселении. При этом возделыванием земли или разведением животных занимаются немногие. Гораздо чаще встречается кустарное производство экологически чистых товаров ручной работы — мыла, керамических изделий, травяных сборов и т. п. Стремление начать в экопоселении свой «бизнес» присутствует практически у всех, но *«недостаток осведомленности в том деле, которым многие поселенцы пытаются заниматься, неизбежно приводит к недолговечности целого ряда их начинаний»¹⁰.*

Но, пожалуй, самое активное занятие в населенных пунктах такого рода — это распространение собственных идей и привлечение новых членов в сообщество. Экопоселенцы предлагают довольно широкий набор услуг: организуют на своей территории детские и семейные лагеря, проводят форумы, всевозможные тренинги и многочисленные фестивали.

Таким образом, экопоселенческое движение, превратившись в устойчивый тренд, стало оказывать существенное влияние на характер соци-

альных взаимоотношений в сельской местности, в том числе на хозяйствование. Кроме того, сами переселенцы являются носителями иной культуры, нежели жители сел и деревень. При этом неизбежно активное взаимодействие переселенцев с потомственным сельским населением — добрососедские отношения между ними складываются довольно редко.

Две социальные группы разительно отличаются. Жители экопоселений имеют на порядок более высокий доход по сравнению с потомственными крестьянами. Цена вхождения в сообщество составляет пять-шесть млн рублей в «Ясной слободе» (Тульская обл.)¹¹ и около десяти млн рублей в «Здравом» (Краснодарский край)¹². Они также имеют и более высокий в среднем уровень образования, правовой и «цифровой» грамотности.

«Местные» и «пришлые» относятся друг к другу с большим недоверием, из-за чего в местах концентрации поселений родовых поместий создаются условия внутрикультурного социального конфликта. Взаимная неприязнь коренного и пришлого населения в подобных условиях носит более выраженный характер по сравнению с переселенцами в традиционные деревни. Основной причиной служит разница в морально-этических представлениях одних и других. В ходе наблюдения и опросов, как жителей поселений родовых поместий, так и коренных селян выяснилось, что ни те, ни другие не рады взаимному соседству, и в большинстве случаев не пытаются наладить отношения. Нам удалось наблюдать различные модели взаимодействия экопоселенцев и коренных жителей территорий, где подобные проекты воплощаются в жизнь, — от довольно строгой изоляции и игнорирования друг друга до открытой агрессии.

Сложившаяся между поселенцами и коренными селянами ситуация совершенно неудивительна: первые считают, что местные жители ведут неосознанную, не «природосообразную» жизнь, называют их «быдлом», и т. п. Отношение к потомственным жителям деревень очень высокомерное и порой граничит с презрением. В свою очередь селяне также относятся к вновь прибывшим не лучшим образом: «анастасиевцев» считают сектантами, характеризуя их разными эпитетами: от ироничных «блаженные» или «дети солнца» до откровенно злых — «кедрозвоны» и т. п. В подавляющем большинстве случаев потомственные селяне недовольны продажей бывшей колхозной, в их понимании «общей», земли *«как-то странным сектантам»*.

В поселении «Ясная слобода», окруженном поселками московских дачников, конфликт носит односторонний характер. Недовольные тем,

что поселенцы выкупили землю и перекрыли удобную дорогу, жители соседних деревень и дачных поселков активно пишут жалобы и заявления в административные и правоохранительные органы по поводу любых нарушений, в том числе о нелегальной застройке, подключении к системам жизнеобеспечения и коммуникации. *«Да завидуют они, что землю дешевле купили, а условия те же, вот и бесятся»*, — говорит один из основателей поселения¹³.

На базе поселения создана строительно-ремонтная артель, которая создает дополнительную конкуренцию местным бригадам. Многие постройки созданы по собственным проектам и, к сожалению, совершенно не учитывают опыт, накопленный местными жителями, который мог бы очень помочь, в связи с чем их эксперименты часто оказываются неудачными. Но обратиться друг к другу за помощью ни те, не другие не пытаются.

Одно из самых активно развивающихся поселений родовых поместий «Здоровое» в Северском районе Краснодарского края реализует несколько бизнес-проектов. По мнению его лидера Дениса Шешина, *«в первую очередь, нужно налаживать контакты с местными, а то многие приезжают, покупают землю. У местных тут деды всю жизнь грибы и яблоки собирали, а теперь их гонят, говорят: “Здесь мое родовое поместье”, смешно... У меня на ферме несколько человек местных круглый год работают, а в сезон до 15 человек нанимаю»*¹⁴. Он сразу вступил в активное взаимодействие с администрацией, «иначе тебе жить не дадут», и пытался сам баллотироваться в местные депутаты. Если верить жителям соседней станицы, это подтолкнуло их к консолидации и активному участию в голосовании, лишь бы не пустить переселенцев к принятию решений.

В экопоселении довольно жесткие правила — в частности, строгий запрет на употребление алкоголя и табака, мяса в качестве пищи. Местные таксисты со смехом рассказывают, как экопоселенцы, приезжая в станицу, набрасываются на колбасу, уплетая ее в салоне такси, и сигареты, что подкрепляет негативное к ним отношение, ведь они не следуют своим собственным установкам.

Еще один показательный пример — село Новые поляны, ставшее центром притяжения для переезжающих из Москвы, Петербурга и городов Сибири, где сложилось сообщество переселенцев, выбравших для переезда обычный населенный пункт. Изначально сложилась конфликтная ситуация, доходило даже до физического насилия, однако потом местные поняли выгоду, и стали активно принимать участие в привлече-

нии новых переселенцев. По поводу главной проблемы — отсутствия какой-либо работы — местные говорят: «*придумай себе работу, везде можно найти, чем заниматься*»¹⁵. Однако сами они не создали ничего лучше, чем продажа земельных участков переезжающим. Большинство местных молодых парней зарабатывают на жизнь тем, что «режут траву» — они поднимаются в горы и заготавливают украшения для букетов, другой занятости для них просто нет. При этом отношение к жителям расположенных в округе экопоселений крайне негативное: «*Представляете, они голые на пляж ходят*» — их образ жизни радикально противоречит нравственным нормам и привычкам местного населения.

Еще одной важной темой, о которой следует сказать, являются внутренние конфликты. Очень часто семейные пары, перебравшиеся в экопоселения, распадаются. Высокий процент разводов, на наш взгляд, объясняется тем, что решение о переезде обычно принимается одним из супругов, а второй соглашается с ним, хотя оно не согласуется с его мироощущением. По некоторым оценкам самих представителей сообщества, уровень разводов среди экопоселенцев достигает 90%¹⁶.

Несмотря на многочисленные эксперименты с социальной организацией, реальное управление зависит от формы собственности на землю, которая различается от поселения к поселению. Для многих первостепенное значение имеет личная собственность. В таких случаях у основателей, организаторов, руководящих органов нет никаких рычагов воздействия на членов сообщества для привлечения их к участию в общих проектах. В то же время поселения, организованные на принципах кооперативного владения, сплоченнее и лучше организуются, но гораздо сложнее процедура входа и выхода из сообщества, а к межличностным конфликтам добавляются еще и имущественные споры.

Согласно исследованиям Д. Кристиан, до 90% всех подобных проектов по всему миру распадаются. В России количество экопоселений, переживших десятилетний рубеж, исчисляется единицами, однако их число продолжает расти¹⁷.

В условиях депопуляции деревни миграция из города в сельскую местность создает небольшой компенсаторный эффект, тем не менее, в некоторой степени связанный с замещением коренного населения новыми переселенцами, которые зачастую относятся к другим социальным слоям и являются носителями иной культуры, что значительно трансформирует сельский социальный ландшафт в тех районах, где создается достаточно много экопоселений.

¹ См.: Социально-демографический портрет России по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года.

² Аничкова О. М. Потомственные и «новые» крестьяне Псковской области [Электронный документ] // Новые российские гуманитарные исследования. 2018, № 13. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2026/> (Дата обращения: 20.03.2020).

³ Там же.

⁴ Кулясов И. П., Кулясова А. А. Экопоселения — новая форма сельских сообществ в России // Экология и жизнь. 2008, № 10. С. 20–26; Польский И. В. От «дачников» к «поселенцам»: опыты сообщества в движении «Анастасия»/«Звонящие кедров России» // Тр. Русской антропологической школы. 2013. № 12. С. 136–155; Андреева Ю. О. Проекты преобразования мира в новом религиозном движении «Анастасия»: антропологические аспекты религии нью-эйдж в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2017.

⁵ Крюкова Н. В., Архарова М. А., Коровина Е. Ю. Основные мотивы переезда горожан в сельскую местность. По материалам пилотажного выезда в экопоселения Ясногорского района Тульской области [Электронный документ] // Новые российские гуманитарные исследования. 2018, № 13. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2026/> (Дата обращения: 20.03.2020)

⁶ Полевые материалы авторов: Артемова О. Ю. (руководитель экспедиции), Аничкова О. М., Артемова Ю. А., Долгих Д. А., собраны в экспедиции в Краснодарский край в апреле 2019 г.

⁷ Полевые материалы авторов: Крюкова Н. В. (руководитель экспедиции), Антюфеев М., Архарова М., Долгих Д., Киселева К., Коровина Е., собраны в экспедиции в Тульскую область в июне 2018 г.

⁸ ПМА. 2019 г.

⁹ ПМА. 2018 г.

¹⁰ Артемова Ю. А. Некоторые итоги: размышления в стиле гуманистической психологии [Электронный документ] // Новые российские гуманитарные исследования. 2018, № 13. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2026/> (Дата обращения: 20.03.2020).

¹¹ ПМА. 2018 г.

¹² ПМА. 2019 г.

¹³ ПМА. 2018 г.

¹⁴ ПМА. 2019 г.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: D. L. Christian. Creating a Life Together. Practical Tools to Grow. Ecovillages and International Communities. В среде российских экопоселенцев используется «самиздатовский» перевод исследования на русский язык, выполненный под общей редакцией Дмитрия Ольхового.

Список источников и литературы

D. L. Christian. Creating a Life Together. Practical Tools to Grow. Ecovillages and International Communities. Canada, New Society Publishers, 2003.

Андреева Ю. О. Проекты преобразования мира в новом религиозном движении «Анастасия»: антропологические аспекты религии нью-эйдж в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2017.

Аничкова О. М. Потомственные и «новые» крестьяне Псковской области // Новые российские гуманитарные исследования. 2018, № 13. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2028/>.

Артемова Ю. А. Некоторые итоги: размышления в стиле гуманистической психологии // Новые российские гуманитарные исследования. 2018, № 13. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2025/>.

Крюкова Н. В., Архарова М. А., Коровина Е. Ю. Основные мотивы переезда горожан в сельскую местность. По материалам пилотажного выезда в экопоселения Ясногорского района Тульской области // Новые российские гуманитарные исследования. 2018, № 13. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2026/>.

Кулясов И. П., Кулясова А. А. Экопоселения — новая форма сельских сообществ в России // Экология и жизнь. 2008, № 10. С. 20–26.

Полевые материалы авторов: Крюкова Н. В. (руководитель экспедиции), Антюфеев М., Архарова М., Долгих Д., Киселева К., Коровина Е., собраны в экспедиции в Тульскую область в июне 2018 г.

Полевые материалы авторов: Артемова О. Ю. (руководитель экспедиции), Аничкова О. М., Артемова Ю. А., Долгих Д. А., собраны в экспедиции в Краснодарский край в апреле 2019 г.

Польский И. В. От «дачников» к «поселенцам»: опыты сообщества в движении «Анастасия»/«Звонящие кедры России» // Тр. Русской антропологической школы. 2013. № 12. С. 136–155.

Социально-демографический портрет России по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года/Федер. служба гос. статистики. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2012 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf(дата посещения — 25.02.2020).

Гущина Кристина Сергеевна

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова,

Высшая школа современных социальных наук; магистрант

E-mail: kristina5855@yandex.ru

Украинские трудовые мигранты в России

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, целью которого было выяснить количественные данные трудовой миграции украинцев в Россию, а также качественные характеристики данного явления. По данным ГУМВД РФ, в период 2016–2019 гг. в Российскую Федерацию въехало несколько миллионов украинцев, и около 1 миллиона остаются жить и работать в РФ. В результате исследования были выявлены причины, а также издержки миграции украинцев. Кроме того, в ходе эмпирического исследования респондентам был задан ряд вопросов касательно их дальнейших миграционных установок.

Ключевые слова: украинцы, трудовая миграция, факторы миграции, социальные связи, миграционные установки

Abstract. This article presents the results of a study whose purpose was to find out quantitative data on labor migration of Ukrainians to Russia, as well as qualitative characteristics of this phenomenon. According to the Central Internal Affairs Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, several million Ukrainians entered the Russian Federation in the period 2016–2019, and about a million remain to live and work in the Russian Federation under a temporary residence permit and residence permit. The reasons for the migration of Ukrainians and the costs of moving were highlighted. In addition, in the course of empirical research were asked a series of questions about their future migration settings.

Keywords: Ukrainians, labor migration, migration factors, social networks, migratory installations

Согласно данным органов Федеральной миграционной службы (позднее — ГУВМ МВД РФ), в период с 2016 по 2019 гг. миграционный поток из Украины в Российскую Федерацию постепенно идет на убыль. Если в 2016 г. доля украинцев, первично поставленных на миграционный

учет, составляла около 13% (1,93 млн человек из 14,3 млн всего миграционного потока), в 2017 г. — 11,4%, в 2018 г. — около 10%, то за 2019 г. — 8,4% (1,6 млн человек из 19,5 млн всего миграционного потока)¹. Данные цифры наглядно показывают снижение интереса украинцев к приезду в Россию, что, вероятно, может быть связано с введением безвизового режима между Украиной и странами ЕС.

Особую категорию составляют мигранты, въехавшие на территорию России с целью — «работа». В указанный период доля рабочих мигрантов снизилась с 11,7% (504096 чел.) в 2016 г. до 7,9% (213207 чел.) в 2019 г.² Но следует учесть, что большинство видов миграции несет в себе трудовой компонент — в процессе учебы, например, молодые люди могут подрабатывать).

Поэтому учтем также украинцев, проживающих в России по разрешению на временное проживание и виду на жительство. В первом случае доля украинцев в общем потоке мигрантов снизилась с примерно 38% (237111 чел.) в 2016 г. до 27% (141455 чел.) в 2019 г. Во втором же случае доля украинцев увеличилась с 21,9% (108676 чел.) в 2016 г. до 24,8% (172018 чел.) в 2019 г.³ Что касается украинцев, получивших гражданство Российской Федерации, то ситуация принимает совершенно неожиданный оборот. Если в 2016 г. их доля составляла 37,9% (100696 человек из 265319 общего потока), в 2017 г. — 33% (85119 человек из 257822 общего потока), в 2018 г. — 30,8% (83081 человек из 269362 общего потока), то в 2019 г. ожидаемого снижения численности принятых в гражданство РФ не произошло. Наоборот, доля украинцев в общем потоке резко возросла до 60% (299422 человек), а общее количество принятых в гражданство возросло почти в 2 раза (497817 человек)⁴.

Таковыми являются количественные характеристики украинской миграции. В качестве выводов по данным органов ГУВМ МВД РФ в период с 2016 г. по 2019 г. можно отметить следующее: несмотря на явное снижение общего миграционного потока из Украины в Россию, в нашей стране наблюдается явное увеличение числа украинцев, желающих принять гражданство Российской Федерации, а также желающих остаться в РФ на более длительный срок с помощью разрешения на временное проживание или вида на жительство. Этот вывод можно объяснить политическими событиями, происходившими на территории Украины в последние годы.

Последний тезис подтверждается данными, полученными в ходе проведения социологического исследования⁵. Было опрошено двадцать украинцев, регулярно приезжавших в Россию на заработки в период

с 2007 по 2018 г. Возраст респондентов варьировался от 25 до 59 лет, все они имели среднее специальное или высшее образование.

Причины переезда

В качестве причин переезда украинцы называли такие, как «недостаточно средств для обеспечения семьи» и «боевые действия вблизи дома». Оговоримся, что в первом случае респондент говорил о периоде своей жизни до 2014 г., когда некоторые украинцы не могли найти достойно оплачиваемую работу, и им приходилось приезжать в Россию на заработки. Во втором случае респонденты уезжали из Украины именно по соображениям безопасности: «<...> *лучше жить непонятно где и впроголодь, чем подвергать опасности своего ребенка*» (ж., Луганск)⁶.

Почему Россия?

Ответы оказались ожидаемыми. У каждого респондента были приятные ассоциации касавшиеся России, которые во многом были основаны на многочисленных родственных или дружеских связях, близости менталитета и языков: «*Потому что проще <...> поехал к своим же*» (м., Луганск). «*У меня тетя живет здесь <...> Помогала в начале <...>*» (ж., Луганск)⁷. Поэтому можно сделать вывод, что социальные сети между нашими странами значительно упрощают процесс переезда для подавляющего числа украинцев. При этом обратим внимание на то, что украинцы не приезжают в Россию спонтанно. Благодаря тем же социальным связям они заранее понимают, где будут жить и работать.

Подводя небольшой итог этому блоку вопросов, повторимся, что украинцы приезжают на работу в Россию, в первую очередь, ввиду тяжелой социально-экономической ситуации, которую они не в состоянии решить у себя на родине. Но после событий 2014 г. к факторам миграции добавляется также «настоящая политическая ситуация», которая поставила жизнь некоторых респондентов под реальную угрозу. Тем не менее, даже чрезвычайная ситуация не побудила украинцев собрать свои вещи и бежать в Россию необдуманно. Это было взвешенное решение, которое приняли все члены их семей. «<...> *Мы решили, что все вместе должны быть, а не порознь <...> остальное, прорвемся*» (м., Донецк)⁸.

Хотели бы вернуться в Украину?

В ходе количественного исследования было выяснено, что подавляющее большинство украинцев, приезжая в Россию, предпочитают оформ-

лять разрешение на временное проживание, вид на жительство или вообще со временем принимать гражданство РФ. В рамках эмпирического исследования стояла задача выяснить миграционные установки украинцев, которые в данный момент живут и работают на территории Российской Федерации. В процессе проведения интервью стало ясно, что украинцы не видят большой разницы между жизнью в России и на своей родине. Это, в первую очередь, как уже было сказано, обусловлено сходством языков и менталитета, а также обширными социальными связями между двумя государствами. Во-вторых, социально-экономические ситуации в ряде регионов России и Украины довольно схожи, поэтому респонденты не видят большого смысла оставаться почти в том же месте, откуда они сами уехали в поисках «лучшей жизни»: *«Нормально платят только в крупных городах <...> и то, на жизнь порой не хватает. Боюсь представить, что творится в провинциях»* (м., из Львова, работает в Москве); *«Мы с семьей, пока что решили остаться здесь <...> Но мне тяжело думать о будущем <...> Цены постоянно растут, зарплаты не меняются»* (ж., из Донецка, работает в Ульяновске)⁹.

Тем не менее, у некоторых украинцев в России жизнь стала намного лучше, по их собственным заверениям: *«Пока все хорошо складывается, поэтому не думаю о возвращении»* (м., Львов); *«Да, скоро получу гражданство»* (м., Луганск)¹⁰. Таким образом, нельзя однозначно утверждать только о положительных или отрицательных сторонах переезда. Все зависит от самого человека, его умения приспособиться к меняющимся условиям жизни. Кроме того, прослеживается зависимость между возрастом респондента и его желанием/нежеланием оставаться в России на более продолжительный срок. Молодые люди в возрасте 25–35 лет, в большинстве своем, гораздо мобильнее, и думают о переезде в более крупные города России или возвращении в Украину (в поисках карьерного роста). В то же время респонденты среднего возраста и старше предпочитают остаться работать (и в перспективе получить гражданство) в Российской Федерации. По их словам, это обусловлено уже устоявшимся образом жизни. *«Даже не представляю, стоит ли возвращаться обратно в Винницу <...> с работой там сложно <...>»* (ж., Винница)¹¹.

Изменились ли взаимоотношения с теми, кто остался жить в Украине?

Также в ходе исследования была поставлена цель — определить характер взаимоотношений между украинскими работающими мигран-

тами в России и их родственниками и друзьями в самой Украине. Это было необходимо ввиду информационных войн, ведущихся в средствах массовой информации обоих государств¹². В этом блоке вопросов ответы респондентов зависели от нескольких факторов.

Во-первых, от времени миграции из Украины. До 2014 г. приезжать на вахтовую работу в Россию было обычным делом для украинцев, живущих вблизи границы: «<...> никто не волновался» (м., Донецк, приезжал на работу в Москву)¹³.

Во-вторых, от места жительства в самой Украине. Респонденты родом из восточной части страны продолжают регулярное общение со своими родственниками и друзьями по телефону или через социальные сети: «<...> общаться продолжаем, конечно. Я к маме в Луганск на праздники приезжаю» (ж., Луганск)¹⁴. Совершенно противоположную ситуацию можно наблюдать у респондентов, которые приехали на работу в Россию из западной части Украины. Они говорят о конфликтах или полном прекращении общения со своими родственниками и друзьями на идеологической почве. В адрес украинцев, работающих в РФ, периодически поступали оскорбления или обвинения в «пособничестве оккупантам» или «предательстве родины». «Мы раньше часто общались, праздники вместе справляли <...> Но после всего этого как отрезало <...>» (ж., Винница); «Все сводилось к тому, что Россия — это оккупант, она напала на Украину <...> Теперь и на праздники не созваниваемся» (м., Львов)¹⁵.

Таким образом, для некоторой части украинцев, работающих в России во время и после событий 2014 г., данное решение стало определяющим во взаимоотношениях с друзьями и родными, несмотря на то, что лично они никаким образом не имели связи со всем происходившими событиями.

Некоторые выводы

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что украинцы являются уникальной группой мигрантов в современной России. С одной стороны, они близки российским гражданам по менталитету, языку, территории. Украинцы приезжают в Россию на работу и, в большинстве своем, оформляют разрешение на временное проживание, вид на жительство или получают гражданство Российской Федерации (понимая, что могут однажды вернуться на родину). С другой стороны, исследователям понятно, что подобные миграционные установки во многом обусловлены сложившейся нестабильной политической ситуацией

(особенно в 2014–2016 гг., когда большинство респондентов принимали решение о миграции в Россию). Тем не менее, в 2018–2019 гг. украинцы все еще остаются жить и работать в нашей стране, что подтверждают данные и статистики, и эмпирического исследования.

¹ ГУВМ МВД РФ: URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/> (Дата обращения: 22.01.2019)

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Полевые материалы автора (далее — ПМА), 2019.

⁶ ПМА, 2019.

⁷ ПМА, 2019.

⁸ ПМА, 2019.

⁹ ПМА, 2019.

¹⁰ ПМА, 2019.

¹¹ ПМА, 2019.

¹² Снежкова И. А. Особенности информационной войны Украины против России: способы, приемы, методы// Власть, 2018 (3), с. 125–129.

¹³ ПМА, 2019.

¹⁴ ПМА, 2019.

¹⁵ ПМА, 2019.

Гулынская Елена Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет

Факультет истории, политологии и права

к. и. н., доцент кафедры современного Востока

E-mail: evgoulynskaya@yandex.ru

Влияние напряженности на Ближнем Востоке на миграционную ситуацию в регионе (Первая четверть XXI в.)

Аннотация. Фундаментальные социально-политические преобразования последнего десятилетия, которые претерпел и продолжает переживать Ближний Восток, оказали негативное влияние на экономику многих арабских стран. Вследствие этих процессов изменениям подверглись характеристики миграционной ситуации, не только в рамках рассматриваемого региона, но и за его пределами. На основе статистических данных и докладов международных организаций в данном исследовании проводится сравнительный анализ причин и направлений миграционных потоков до 2011 г. и после, выявляющий, что в начале XXI в. миграция населения Ближневосточного региона имела причины преимущественно экономического характера, оправданные тем, что рынок труда одних стран не позволял их гражданам получить желаемый источник или уровень заработка, в то время как другие арабские государства обеспечивали возможность трудоустройства мигрантов, решая таким образом собственную проблему нехватки рабочей силы. Однако в нынешних условиях, когда в отдельных странах региона идут военные действия, а целый ряд других переживает период внутривосточной нестабильности, можно говорить о том, что именно кризисные явления стимулируют миграцию населения из неблагополучных или опасных для жизни регионов. В статье рассматриваются новые вызовы, с которыми сталкивается не только региональное, но и мировое сообщество, ключевым из которых и наиболее комплексным является проблема беженцев. Авторский вывод заключается в наличии корреляции региональной напряженности и проблем, связанных с перемещением населения, как-то: на-

рушение этноконфессионального и половозрастного баланса отдельных районов.

Ключевые слова: миграционные процессы, Ближний Восток, беженцы, лица, перемещенные внутри страны, «Арабская весна», вынужденная миграция

Annotation. Fundamental socio-political transformations that the Middle East has undergone during the later decade and continues to experience at the present had negative impact on the economies of many Arab countries. Because of these processes, characteristics of the migration situation have changed, not only within the region itself, but also beyond its borders. Based on statistical data and reports of international organizations, this study compares causes and directions of migration flows before the year 2011 and after, revealing that at the beginning of the XXI century migration of population of the Middle Eastern region predominantly had economic reasons, caused by the fact that labor market of some countries did not allow their citizens to get desired source or level of income, while other Arab states provided the opportunity for migrant employment, thus solving its own problem of a working forces. However, in the current conditions, when hostilities are ongoing in some countries of the region, and a number of others are experiencing a period of political instability, it can be said that it is crisis that stimulate migration of people from disadvantageous or life-threatening regions. The article considers new challenges that are faced not only by the regional, but also by the international community, the key problem of which is that of refugees. The author's conclusion is that there is a correlation of regional tension and problems associated with population displacement, such as radical shifts in ethno-confessional and gender-age balance of some regions.

Key words: migration processes, the Middle East, refugees, internally displaced persons, "Arab spring", forced migration

За последнее десятилетие характеристики миграции населения на территории Ближнего Востока претерпели существенные изменения, которые отразились и на соседних регионах, например на странах Европейского союза. Причины этих изменений связаны с масштабными трансформациями политического и, как следствие, социально-экономического характера, произошедшими в целом ряде Ближневосточных стран начиная с 2011 г., на который пришлось основные события

так называемой «Арабской весны». Этим термином определяют волну протестных движений, в той или иной степени охвативших большинство государств региона в период конца 2010 — нач. 2012 г. Главным требованием демонстрантов было смещение с поста глав государств либо проведение социально-политических и экономических реформ¹. При этом верхняя граница указанной периодизации знаменует лишь конец этапа «пробуждения» арабской политической воли, но не переход региона на новую стадию конструктивного развития. Из четырех стран, где события «Арабской весны» привели к смене правящего режима, только Тунис и Египет смогли относительно быстро и полно стабилизировать внутреннюю ситуацию, а в Ливии и Йемене продолжается гражданская война. Также в состоянии вооруженного конфликта остается Сирия. С конца 2019 г. по настоящее время центрами массовых выступлений под политическими и социально-экономическими лозунгами являются Багдад и Бейрут, что доказывает сохранение протестного потенциала арабских стран. Все эти события стали причиной изменения характера миграционных потоков, их направлений, повлекли возникновение новых острых проблем, основной из которых является проблема беженцев.

Чтобы точнее охарактеризовать произошедшие перемены, требуется провести сравнительный анализ. На протяжении 2000-х годов перемещения населения внутри Ближневосточного региона стимулировались преимущественно экономической ситуацией, сложившейся в арабских странах, за исключением нефтедобывающих государств Персидского залива, не позволявшей их гражданам получить желаемый источник или уровень заработка. В качестве основных составляющих этой ситуации можно назвать отсутствие современных производств, недиверсифицированную экономику, перенасыщение специалистами отдельных сфер деятельности, влекущее безработицу, минимальные возможности улучшения социального статуса благодаря широко распространенным явлениям коррупции и nepотизма, и пр. При этом система высшего образования ряда стран, например Сирии, Египта и Иордании, обеспечивала подготовку высококвалифицированных специалистов, которые не находили применения на родине². Другую крупную категорию мигрантов начиная с 1980-х годов составили иракские беженцы, вынужденные покидать места проживания по политическим и экономическим мотивам, а также в результате ряда военных конфликтов в Персидском заливе³. Следует отметить, что последний из них — военная операция 2003 г.

в Ираке сил международной коалиции во главе с США, положившая конец авторитарному правлению Саддама Хусейна, как и последовавшее американское присутствие для содействия становлению новой иракской государственности и устранения проблем безопасности, не привели к заявленным целям, как и не способствовали укреплению экономики страны. В связи с этим до настоящего времени, одной из наибольших по численности групп беженцев остаются именно иракцы.

Учет глобальных и региональных миграционных потоков и их изменений ведет Международная организация по миграции, представляющая комплексный итог своей работы в виде ежегодных докладов. В соответствии с этим источником информации странами-донорами в 2000-е годы являлись в первую очередь Ирак, Египет, Марокко, Сирия, Судан, Палестинская Национальная Администрация (ПНА), Иордания, а принимающими мигрантов были государства Персидского залива: Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Катар, Кувейт, Бахрейн, Оман. Они обладали быстро развивающимися экономиками с тенденцией к диверсификации при недостатке собственных человеческих ресурсов и предоставляли возможность трудоустройства как квалифицированным специалистам, так и рабочему персоналу. Одновременно перемещения населения происходили и между другими странами региона, из которых лидерами по числу принятых мигрантов были Иордания, ПНА (с учетом палестинских беженцев), Сирия и Ливан⁴. Однако после 2011 г. экономическая миграция в рамках Ближнего Востока отходит на второй план, уступая место вынужденной, когда к переселению людей подталкивают кризисные явления и необходимость переезда из неблагоприятных или просто опасных для жизни районов. Наряду с палестинцами и иракцами основные по численности группы мигрантов на арабском Востоке формируют сирийцы, суданцы, египтяне, сомалийцы и йеменцы. Странаи и регионами-реципиентами становятся Иордания, Египет, Ливан; за пределами региона — Турция и Европейский союз. При этом центрами притяжения трудовых мигрантов, не только по региональным, но и по общемировым меркам, остаются Саудовская Аравия и ОАЭ⁵.

Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) предоставляет информацию именно по этой категории мигрантов, благодаря чему можно составить представление о масштабе влияния кризисных явлений на перемещения населения. Согласно данным УВКБ, по ситуации на август 2019 г. результатом вооруженного конфликта в Сирии стало самое высокое в глобальном масштабе число лиц, пере-

мещенных внутри страны, зафиксированное на территории именно этого государства — 5,9 млн чел. Еще 5,6 млн сирийцев зарегистрированы в качестве беженцев на территории Египта, Ирака, Иордании, Ливана и Турции⁶. Эти цифры несколько ниже соответствующих параметров за 2018 г.: 6,2 млн. внутренне перемещенных лиц, что составляло около трети населения страны, в целом насчитывавшего 16,9 млн. чел. по данным Международного банка⁷, и 6,6 млн беженцев⁸. Количество иракских беженцев постепенно сократилось за последние годы благодаря их возвращению на родину, но численность лиц, перемещенных внутри страны, по-прежнему составляет крупную величину, а именно около 1,6 млн чел. Более 250 тыс. иракцев находятся в статусе беженцев в соседних странах и 32 тыс. размещены без регистрации в лагерях сирийской провинции Хасака. Ситуацию в Йемене УВКБ характеризует как гуманитарный кризис, поскольку более 80% населения страны, а это 24,1 млн чел., находятся на грани голода, лишены постоянного доступа к питьевой воде и не имеют возможности получать медицинскую помощь. 4 млн чел. в этой стране являются внутренне перемещенными лицами⁹.

В июле 2016 г. был опубликован доклад Лиги арабских государств, посвященный вынужденной миграции в регионе арабского Востока. Здесь основной категорией вынужденных переселенцев по ситуации до 2010 г. названы палестинцы. Это соответствует действительности, однако необходимо отметить, что основные события, вызвавшие переселение, а именно арабо-израильские войны, относятся к периоду 1930-х — 1970-х годов, и к текущему моменту проблема палестинских беженцев, оставаясь насущной, не является новой. Радикальное изменение гуманитарной и миграционной обстановки не только в Ближневосточном регионе, но и за его пределами начиная с 2010 г. повлекли именно внутригосударственные катаклизмы в арабских странах. В качестве основных кризисов, вызывающих переселение людей, названы сирийский, иракский, ливийский, йеменский, ситуация в Сомали и Судане¹⁰. В результате региональное и мировое сообщество столкнулось с целым рядом новых вызовов.

Проблемы, связанные с изменением миграционной, демографической и гуманитарной обстановки в регионе Ближнего Востока, многоплановы. Тяжелым бременем для государственных экономик является задача обеспечения базовых потребностей беженцев и лиц, перемещенных внутри стран в жилище, питании, воде, лекарствах и медицинской помощи. Особую значимость эти обязанности обретают в периоды

зимних холодов и летней жары, в зависимости от районов размещения переселенцев. Справиться с ними без помощи международного сообщества арабские страны, особенно пребывающие в состоянии кризиса, не в состоянии. Отдельную проблемную группу формируют вопросы безопасности. Это и необходимость контроля границ с целью пресечения проникновения на территорию принимающих государств под видом беженцев лиц, причастных к террористической либо криминальной активности, и обеспечение правопорядка в местах размещения беженцев, обычно представляющих собой палаточные лагеря либо городские анклавы, которые в отсутствие должного контроля легко становятся зоной деятельности различных преступных элементов. Еще одну большую категорию включают личностные проблемы: разделенные или неполные вследствие гибели одного из родителей семьи, дети-сироты, психологические травмы различного происхождения, сложности адаптации беженцев в новом социуме, иногда недружелюбном по отношению к ним, в новых природно-климатических условиях, и многие другие. Доля женщин и детей от общего числа беженцев всегда велика, к примеру, в случае с сирийцами она составляет $\frac{3}{4}$ ¹¹. Выработка подходов к подобным проблемам и реализация практических шагов для помощи нуждающимся в ней людям требует участия узкопрофильных специалистов: медиков, психологов, педагогов.

Отдельным новым вызовом, с которым столкнулся ближневосточный регион, стало развитие в районах, плохо контролируемых центральной властью, либо находящихся за пределами этого контроля, таких форм криминальной деятельности, как работоторговля и нелегальная переправка людей из неблагоприятных для жизни стран в более благополучные, в частности за пределы арабского Востока. Европейский союз стал одним из центров притяжения нелегальных мигрантов, куда они стремятся попасть, используя два пути: по суше, через Западные Балканы и морской путь — через Средиземное море, в основном пользуясь ливийским побережьем в качестве точки отправления. Оба эти пути сопряжены с большими трудностями и риском для жизни самих мигрантов и представляют собой насущную проблему для властей ЕС. Российский исследователь Е. И. Филиппова отмечает, что за 2015 г. оборот преступных сетей, причастных к нелегальной доставке мигрантов на евразийском направлении, составил, по разным оценкам, от 3 до 5 млрд. евро. Здесь процветают такие противозаконные действия, как подделка документов, подкуп представителей правоохранительных органов, сексуальная эксплуатация

несовершеннолетних, принудительный труд¹². С точки зрения трудовой миграции также произошли существенные изменения. В странах, переживших политические потрясения и усугубление экономической ситуации, ухудшились и возможности рынка труда, что спровоцировало отток квалифицированной рабочей силы и трудоспособного населения в целом, рост безработицы, возникновение половозрастного дисбаланса, обострение социальных проблем. Принимающие страны сталкиваются с проблемой нелегальной миграции, при том, что ограниченность возможностей собственной экономики не позволяет обеспечить всем желающим рабочие места, в результате чего прибывающие пополняют ряды незанятого населения и криминальных структур.

Неоднократно звучали высказывания отечественных и зарубежных политиков и общественных деятелей, подчеркивающие, что решение миграционных и гуманитарных проблем современности напрямую зависит от эффективности борьбы с кризисными явлениями через содействие международного сообщества урегулированию военных конфликтов, стабилизации внутривнутриполитической ситуации, подъему и развитию экономики тех стран, которые в этом нуждаются. Однако необходимость уважения суверенитета государств, оказавшихся в состоянии кризиса, и соблюдения принципа невмешательства во внутригосударственные дела, часто затрудняет возможность оказания такого рода помощи. Существует и обратный процесс прямого или косвенного вмешательства в дела Ближневосточного региона, всегда являвшегося центром интересов крупных мировых игроков. В качестве примера можно назвать содействие стран Запада свержению власти Муаммара Каддафи в Ливии, после чего в этой стране установилась обстановка политического и экономического раскола. С точки зрения миграционных потоков она стала зоной транзита мигрантов из стран Африки в Европу. В связи с сохраняющейся политической и социально-экономической нестабильностью на Ближнем Востоке и отсутствием перспектив скорого устранения комплексных причин ее возникновения можно уверенно прогнозировать сохранение в ближайшем будущем существующих миграционных параметров в регионе и за его пределами. В свою очередь, невнимание к проблемам, связанным с перемещением населения, к которым в первую очередь следует отнести нарушение половозрастного и этноконфессионального баланса населения отдельных районов, будет являться дополнительным фактором дестабилизации региональной обстановки.

¹ Сапронова М. А. Политический процесс в арабских странах. Учебное пособие. М., 2017. С. 23–27, 30–31.

² Там же. С. 24–26.

³ Бочарова Л. С. Иракские беженцы в 1990-е годы: масштабы, направления и причины эмиграции // Иракский кризис. Международный и региональный контекст. Материалы круглого стола ИСАА МГУ. М., 2003. С. 158–168.

⁴ World Migration Report 2008 [Электронный ресурс] // https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_1.pdf (дата обращения — 25.02.2020). С. 471–477.

⁵ World Migration Report 2020 [Электронный ресурс] // https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения — 25.02.2020). С. 26, 34, 39–40.

⁶ Update on UNHCR's operations in the Middle East and North Africa. September 2019 [Электронный ресурс] // <https://www.unhcr.org/excom/excomrep/5d8e11477/70th-session-executive-committee-regional-update-mena.html> (дата обращения — 25.02.2020).

⁷ The World Bank. World development indicators: population dynamics [Электронный ресурс] // <http://wdi.worldbank.org/table/2.1> (дата обращения — 25.02.2020).

⁸ UNHCR Global report 2018. Middle East and North Africa [Электронный ресурс] // <https://www.unhcr.org/publications/fundraising/5e4ffaec7/unhcr-global-report-2018-middle-east-north-africa-mena-regional-summary.html?query=the%20Middle%20East%20and%20North%20Africa%202018> (дата обращения — 25.02.2020).

⁹ Update on UNHCR's operations in the Middle East and North Africa. September 2019 [Электронный ресурс] // <https://www.unhcr.org/excom/excomrep/5d8e11477/70th-session-executive-committee-regional-update-mena.html> (дата обращения — 25.02.2020).

¹⁰ Доклад Лиги арабских государств: «Вынужденная миграция в регионе арабского Востока» (на ар. языке). 2016 г. [Электронный ресурс] // <http://www.lasportal.org/ar/sectors/dep/PublishingImages/Lists/Versions/aemigrant/%D8%A7%D9%84%D9%87%D8%AC%D8%B1%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%B3%D8%B1%D9%8A%D8%A9%20%D9%81%D9%8A%20%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%86%D8%B7%D9%82%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9.pdf> (дата обращения — 25.02.2020).

¹¹ Там же.

¹² Филиппова Е. И. Миграционный кризис и его последствия для Европы // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений/ред. Степанов В. В. М., 2015–2016. С. 334.

Список литературы

Сапронова М. А. Политический процесс в арабских странах. Учебное пособие. М., 2017.

Бочарова Л. С. Иракские беженцы в 1990-е годы: масштабы, направления и причины эмиграции // Иракский кризис. Международный и региональный контекст. Материалы круглого стола ИСАА МГУ. М., 2003. С. 158–168.

Филиппова Е. И. Миграционный кризис и его последствия для Европы // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений/ред. Степанов В. В. М., 2015–2016. С. 334–344.

Севастьянов Иван Владимирович

Институт этнологии и антропологии РАН

к. и. н., научный сотрудник

Центра по изучению межнациональных отношений

E-mail: rushd-al@yandex.ru

Россия–Украина: столкновение этнополитических представлений и перспективы их критического анализа¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме противостояния концепций украинской истории, национальной памяти, сложившихся по разные стороны политических баррикад, актуализированных и обостренных кризисом российско-украинских отношений с 2014 г. Дается попытка проследить начало формирования рассматриваемых этнополитических представлений и их современную трансформацию, показанную как в зеркале СМИ, так и в представлении отдельных людей. Представлен краткий теоретический разбор обоих противоборствующих концепций на основе современных конструктивистских, отчасти инструменталистских, этнологических подходов.

Ключевые слова: Украина, Малороссия, этнонационализм, идентичность, примордиализм, языковая политика, русская национальная идея, русины, национальный миф

Abstract. The article describes the problem of opposition of concepts of Ukrainian history, national policy, and national memory, established on different sides of political barricades caused by the crisis of Russian-Ukrainian relations since 2014. The author attempt to trace the beginning of formation of the ethnopolitical representations and their modern transformation, shown both in the mirror of the media and in the representation of individuals. Researcher presents a brief theoretical analysis of both opposing concepts, based on modern constructivist, partly instrumentalist, ethnological approaches.

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Keywords: Ukraine, Malorossiya, ethno-nationalism, identity, primordialism, language policy, Russian national idea, Rusyns, national myth

Одна из основных сложностей рассматриваемого в данной статье вопроса заключается в крайней политизированности тематики, касающейся этнополитического дискурса современной «украинской проблемы», чьи составляющие сложились, в основном, после 2014 г. Этот год был ознаменован вхождением Республики Крым в состав РФ, началом вооруженного конфликта на Донбассе и общим осложнением политических отношений между Россией и Украиной. Названные факторы, с одной стороны, предопределили острую актуальность данной этнополитической проблематики, с другой — способствовали ее крайней политизации. Последнее обстоятельство не может не препятствовать более объективному пониманию сущности происходящих процессов по причине известной ангажированности источников и вовлеченности аналитического сообщества, создающего информационный контент.

Учитывая вышеозначенные обстоятельства, актуальной задачей представляется разбор и исследование определенного комплекса мнений, составляющих основание определенных интеллектуальных (или «околоинтеллектуальных») течений через процедуру их деконструкции. Следует оговориться, что сам термин «деконструкция», употребляемый применительно к философским понятиям и комплексам идей, здесь используется с большой долей условности. В данном случае под этим термином подразумевается критический анализ нарративов, связанных с упомянутыми выше течениями и понятиями и стереотипными представлениями, с точки зрения современных этнологических теорий (определяемых как конструктивистские или инструменталистские).

В данной работе ставится задача проследить зарождение дискуссии по означенной проблеме, словесные формулировки, аргументы, в которых артикулировались доводы сторон противостояния. Предметом анализа выступает конфликт этнополитических представлений, касающихся вопросов этнической истории украинского и русского («великорусского») народов. Объектом исследования стали комплексы представлений, сложившиеся у носителей и апологетов обоих противостоящих друг другу этнополитических взглядов на означенную проблему. Цель данной работы — показать контекстуальную обусловленность и предпосылки формирования рассматриваемых взглядов, их роль в этнополитической повестке взаимоотношений двух стран.

Исследование основано на разнообразных источниках: литературные произведения, интернет ресурсы, углубленные интервью. Что касается последнего типа источников, то в данном случае меня интересовало мнение людей (наших современников и соотечественников) с высшим образованием, осознанной позицией, использующих глубоко обдуманые аргументы для обоснования и выражения своей позиции.

Начало дискуссий по «украинскому вопросу» (сюда входит проблема «малороссийского языка», «малороссийской истории» и ее связи с собственно русской историей), приходится на середину XIX в. Эти дискуссии проходили в общем контексте интеллектуальных течений времени таких, как политический панславизм, интеллектуальное противостояние западников и славянофилов, которые во многом можно связать с поисками формулы национального самосознания русской интеллектуальной элитой того времени. Названные процессы не могли обойти стороной и часть элиты «малороссийского» происхождения, озабоченной осмыслением своего прошлого и путей дальнейшего развития Украины.

Одними из первых в дискуссию по «украинскому вопросу», в том числе о значении и статусе «малороссийского» языка и литературы на нем, судьбах Украины-Малороссии в составе Российской империи, включаются такие значимые для отечественной культуры фигуры, как критик В. Г. Белинский и писатель Н. В. Гоголь. Величина этих имен заставляет обратить особое внимание на их точку зрения по интересующему нас вопросу. Наибольшей категоричностью отличалась позиция В. Г. Белинского. Он проводил линию последовательного отрицания всякой самостоятельности Малороссии: по его мнению, она — побочная река русской истории, цель ее — слиться с «единокровной Россией». Сами «малороссы» не могут создать свою государственность, т. к. у них нет нужного «характера»¹. Это была реакция на появление первых ростков самостоятельной украинской литературы.

В том же русле можно воспринимать суждения Н. В. Гоголя, высказанные им в дискуссии с профессором О. М. Бодянским о стихах Т. Г. Шевченко: «Дегтю — много, даже, прибавлю, дегтю больше, чем самой поэзии [...] Нам-то с вами как малороссам это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы как наши. Нам надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. [...] единая святыня — язык Пушкина». Эта дискуссия с историком и литературоведом «малороссийского» происхождения О. М. Бодянским, известная нам из воспоминаний писателя Г. П. Данилевского, много мо-

жет сказать о взглядах Н. В. Гоголя на «украинский вопрос». «Русский и малоросс — это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные» — слова Н. В. Гоголя, сказанные им в финале этой дискуссии².

Вышеприведенные сведения могут служить ярким примером истоков формирования того, что можно условно назвать «русской идеей для Украины», во многом вызревшей на почве национального романтизма XIX столетия и порожденного им российского имперского панславизма николаевского времени (1825–1855 гг.). Данная концепция по-прежнему дает о себе знать в российском информационном пространстве и продолжает озвучиваться в различных СМИ и публицистических сочинениях. Так, например, утверждение о том, что украинцы не справились с имперским наследием СССР, и не смогли стать имперской нацией (вспомним суждение В. Г. Белинского об отсутствии «нужного» характера у «малороссов»), принадлежит известному российскому писателю З. Прилепину, в последние годы много высказывающемуся по «украинской проблеме».

В свою очередь, в ту же самую эпоху (XIX в.) не могли не появиться идейные конструкты, представляющие собой антитезу указанной «русской идее для Украины». Учитывая исторический контекст того времени, следует указать на известную политическую обусловленность этих идейных конструктов, определяемую соперничеством Российской Империи и габсбургской Австро-Венгрии за влияние на определенные пограничные территории (бывшая Речь Посполитая) и известными амбициями определенной части польских элит, оказавшихся в силу объективных обстоятельств вовлеченными в это соперничество.

Так, в частности, подхваченная идеологами «украинства» (т. н. «укаинофильская партия» Австрийской Галиции) концепция Ф. Духинского о «туранском происхождении москвитов» содержала в себе идею категорического противопоставления славян-украинцев и «финно-татар» (т. е. туранцев, по терминологии XIX столетия) москвитов, собственно, русских³. Наследие данной этнополитической идеологемы продолжает существовать вплоть до настоящего времени и пользуется известной популярностью в националистически настроенных кругах современных украинских «активистов», представляющих радикальные движения правого толка, с выраженной антироссийской позицией. Ими эксплуатируются псевдоисторические концепции об украденном Москвой культурном наследии Киевской Руси (вплоть до названия), принадлежащем

«Древней Украине» (крещенной в христианство Владимиром Святым). Из последних современных примеров проявления указанных взглядов можно указать на волну возмущения установкой в 2016 г. памятника князю Владимиру Святому в Москве на Боровицкой площади. Само появление в Москве памятника этому киевскому князю было представлено как посягательство России на историческое наследие «Украины-Руси», о чем сообщает, например, сайт газеты «Известия»⁴. Кроме того, известны примеры оспаривания права на само название Россия (Русь) со стороны активных украинских поборников национальной идеи, пытающихся указывать на то, что, якобы, это название должно принадлежать именно Украине как государству, а не Российской Федерации. В частности, этим вопросом в 2016 г. озаботилась Верховная Рада Украины, взявшись за рассмотрение законопроекта о переименовании России в «Московию», о чем сообщал сайт Вести. Ru⁵.

Другая линия этнополитической самоидентификации, присутствующая в информационном поле современной Украины, имеет несколько иную направленность и строится на ином типе интерпретации и, главным образом, мифологизации исторического прошлого. В этом случае работающая на противопоставлении Украины и России аргументация пытается строить совершенно иные мифы о происхождении Украины. Здесь в ход идут откровенно курьезные (даже эпатажные) гипотезы. Можно указать на «концепцию Великих Укров», от которых якобы и пошло название страны и государства. В похожем ключе развиваются и идеи «Арийской Украины» и «украинцев-ариев», стоявших у истоков мировой цивилизации⁶.

В орбиту идейной конфронтации об украинской идентичности оказывается вовлечен вопрос о происхождении названия территории страны: откуда пошло имя страны, собственно Украина? С одной стороны, доказывается исконность, со ссылкой якобы на летописные источники, этого названия для южных земель Руси с XI в. Об этом недвусмысленно заявляется в книге бывшего президента Украины Л. Д. Кучмы «Украина — не Россия». Согласно этому сочинению, название «Украина» было неофициальным, просторечным названием земель Руси в Средние века. Мол, куда более «родным и понятным» для людей того времени было название страны «Украина», а не официальное «Русь»⁷. По сути, через такого рода наукообразную аргументацию обосновывается и легитимируется «правильность» этнического названия народа, населяющего ныне территорию украинского государства.

С другой стороны, апологеты «русской идеи для Украины» утверждают обратное: Украина — название польского происхождения («у края» Речи Посполитой). Русь, Русь Малая (территории вокруг Киева и Киевского княжества) — исконное с раннего Средневековья название прежних южнорусских земель. Нередко как развитие данной темы говорится даже о «предательстве» исконного «русского имени» в пользу «польской клички»⁸.

Все перечисленное можно считать показательной иллюстрацией войны за этнонациональную идентичность, где с обеих сторон в ход идут «исторические» аргументы со своеобразной интерпретацией, уже заранее предполагающей выводы в пользу определенной политизированной исторической концепции.

Отсюда проистекает вся дискуссия о правильном названии народа, что можно назвать своего рода интеллектуальными войнами за «русскую» и «украинскую» идентичности. Сторонники «русской идеи» указывают на политику Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны (подавление «москвофильской» партии русин Галиции и беспощадные репрессии против ее сторонников, трагедия концлагеря Талергофа), концепцию польских мигрантов-«русофобов» (упомянутая «туранская» концепция Ф. Духинского), породивших идею «украинства», восторжествовавшую в Галиции после Первой мировой⁹.

Представление об украинской идее как об «антирусском» интеллектуальном концепте встречалось мне и у людей, далеких от политических кругов, но живо интересующихся данным вопросом в свете событий последних лет. Например, приходилось слышать критическое суждение по отношению к расхожей идее о русских и украинцах как «двух братских народах»: «Человек, который будет говорить, что это, мол, братские народы — мне враг; пусть лучше это будет один (русский — прим. автора) народ»¹⁰. Кроме того, указывается на Киев как исконный центр русских земель и Софию Киевскую как особый сакральный центр: «Оттуда все и пошло, и православие, и наше искусство»¹¹.

Подобной точке зрения противостоит мнение украинской стороны, судя по всему, отчасти популярное в кругах «идейных» украинцев о том, что название «русские» было украдено «москалями» у предков украинцев. В то же время в современной Украине давно наблюдается неприятие русинского движения в Закарпатье, поскольку правящие круги этого государства не хотят признавать русинскую идентичность в правомочном общественном статусе, видя в этом движении опасный этнический сепар-

ратизм, очередное проявление «имперского гнета на Украине» и «один из способов раскола украинского народа»¹².

Еще большее неприятие вызывают такие исторические названия, как «Малороссия» и «малороссы», по отношению к Украине и украинскому народу. При этом следует заметить, что подобное отношение к указанным названиям уже имеет свою историю. Это подтверждают слова отдельных украинских общественных деятелей национальной ориентации, для которых, по их собственным словам, «малороссиянство — уникальный по своему уродству ублюдок и символ национального пораженчества»¹³.

Также в этом контексте неоднократно заявлялось о неуместности существования на Украине какой-либо политической русской партии или движения. Такого рода суждения можно было услышать от известного украинского политического аналитика М. Погребинского, имеющего репутацию весьма умеренного и просвещенного интеллектуала, представляющего «русскую Украину». «Русская Украина — это не Россия (...) это отдельная маленькая цивилизация» — в таких словах М. Б. Погребинский выразил свою позицию по этому вопросу в интервью В. В. Познеру на Первом канале российского телевидения¹⁴.

В интересующей нас сфере этнополитического противостояния особенно много копий сломано вокруг вопроса об украинском языке. По моим собственным наблюдениям, у части российского образованного общества получила определенную популярность идея об «искусственности» украинского языка. Указывается, опять же, на происки Австро-Венгрии и деятельность профессора М. С. Грушевского, служившего своей общественной деятельностью в начале XX в. проводником габсбургского влияния в Галиции. Определенные идеологи «русской идеи» (опять же, сайт Alternatio.org) даже предрекают «страшное будущее» для основной массы «украиномовных»¹⁵. В частности, для обоснования такого рода позиции приводятся данные филологической науки — указывается на то, что в Древней Руси и на юго-западе, и на северо-востоке был один диалект. Отсюда выводится тезис об общих культурных, этнических корнях русских и украинцев, представляющих собой единый народ.

Антитеза вышеприведенной идеологеме с украинской стороны — воспроизведение концепции Ф. Духинского о восприятии московитами славянского языка только XVIII столетии, «угро-татарских» корнях московитов как наследников Орды, а не Киевской Руси. Симптоматично то, что, несмотря на не вызывающую сомнений научную несостоятельность данной «концепции», она продолжает воспроизводиться в совре-

менном украинском этнополитическом дискурсе. Причина тому — ее инструментальная применимость в текущей политической конъюнктуре, основанной на максимальном (по крайней мере, риторически) дистанцировании Украины от России и дрейфе в сторону Запада.

Кратко обрисовав здесь позиции обеих сторон, попытаюсь представить заключительные выводы с общим разбором идейных комплексов оппонентов. В обоих случаях можно наблюдать крайнюю степень политизированности. Стороны данного этнополитического конфликта используют во многом похожую аргументацию, которая вращается вокруг таких концептов, как исконность, изначальность, кровная связь (аргументы о кровно-этнических корнях), этнонациональное единство. Она носит на себе черты явного примордиализма, применяемого с инструментальными целями. Риторика, противостоящая аргументам и доводам украинского националистического дискурса, не учитывает фактора стадиальности исторического развития государственных образований, соответствующих им этнических сообществ. Тому, что можно назвать «русскостью» («русской этничностью»), придается неизменная сущность, которая будто бы не меняется в течение веков, вплоть до наших дней, и трактуется вне того или иного исторического контекста, соответствующего определенной эпохе. Здесь участниками этнополитического процесса (а также их сочувствующими наблюдателями) привлекается аргументация, не имеющая отношения к сфере научных понятий: говорится о неизменном чувстве глубокой сопричастности «русскости» как особому историко-культурному феномену через такие вещи и явления, как, например, русское православие, центром зарождения и распространения которого называется София Киевская. Отсюда — восприятие территории Украины как части «исконно русских земель». Это можно назвать «примордиализмом участников», по Р. Брубейкеру¹⁶. В то же время можно предположить, что существование данного чувства — объективная вещь, основа, на которой создаются исторические конструкты с их специфическим толкованием прошлого. Еще только предстоит разбираться, что представляет собой названный «примордиализм участников», анализируя корни этого явления как основополагающую вещь чувства сопричастности к тем или иным историко-культурным общностям, этническим сообществам и т. п.

Особый вопрос — причины нынешней востребованности примордиалистской этнонационалистической риторики, ее инструментальный смысл в контексте современных общественно-политических реалий. Возможно, причина заключается в том, что данная риторика исполь-

зуется как инструментальный ресурс противопоставления, разделения этнических общностей и государств, через которое легитимируются практики институционализации национальной (этнической) идентичности в современных условиях урбанизации, глобализации, миграций населения, стирания этнографических различий. В случае Украины и России эти процессы набрали мощный оборот в советское время, несмотря на официальное признание и утверждение украинской государственности и национальной идентичности. В тоже время данная риторика оказывается востребована для целей этнической мобилизации в современных противоречивых условиях, порождаемых означенными процессами.

¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 44–65.

² Вересаев В.В. Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Московский рабочий, 1990. С. 528–529.

³ Неменский О. Историческая концепция Франтишека Духинского. Часть первая // Вопросы национализма. 2016. № 4. С. 49–65.

⁴ Захарова с иронией ответила Киеву на слова о памятнике князю Владимиру [Электронный ресурс] // <https://iz.ru/news/642923> (Дата обращения: 18.02.2020).

⁵ Рада хочет переименовать Украину в Россию, а Россию в Московию [Электронный ресурс] // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2722120> (Дата обращения: 18.02.2020).

⁶ Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 160–161, 169.

⁷ Кучма Л. Украина — не Россия. М.: Время, 2004. С. 66–67.

⁸ В поисках украинской нации [Электронный ресурс] // <http://alternatio.org/articles/item/55803-v-poiskah-ukrainskoj-natsii> (Дата обращения: 18.02.2020).

⁹ Ваджра А. Украина, которой не было: мифология украинской идеологии. М.: Книжный мир, 2019. С. 31–32.

¹⁰ Полевые материалы автора (ПМА). 2016 г.

¹¹ ПМА. 2016 г.

¹² Шевченко К.В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX — перв. половине XX вв. М.: Regnum, 2011. С. 15.

¹³ Барабаш Ю. Почва и судьба: Гоголь и украинская литература. М.: Наследие, 1995. С. 64.

¹⁴ Гость Михаил Погребинский. Познер. Выпуск от 22.04.2019. URL//<https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-mihail-pogrebinskiy-pozner-vypusk-ot-22-04-2019>

¹⁵ О страшном будущем украиномовных [Электронный ресурс] // <http://alternatio.org/articles/item/53063-andrey-vadzhra-o-strashnom-buduschem-ukrainomovnyh> (Дата обращения: 18.02.2020).

¹⁶ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. С. 163.

Список литературы

Барабаш Ю. Почва и судьба: Гоголь и украинская литература. М.: Наследие, 1995.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.

Ваджра А. Украина, которой не было: мифология украинской идеологии. М.: Книжный мир, 2019.

Вересаев В.В. Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Московский рабочий, 1990.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кучма Л. Украина — не Россия. М.: Время, 2004.

Неменский О. Историческая концепция Франтишека Духинского. Часть первая // Вопросы национализма. 2016. № 4. С. 49–65.

Шевченко К.В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX — перв. половине XX вв. М.: Regnum, 2011.

Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Michael A. Morgan

*Senior UX Researcher, UX Writer
E-mail: michael.a.mrgan@gmail.com*

Entry points: Uncovering what turns us onto experiences

Abstract. People may begin to like things that they once ignored or disliked. How does that happen? What are some of the factors that help push people “over the edge”? What can we learn from principles of social and pleasure psychology to help inform delightful products and experiences which, at first, seem unpleasant or challenging? While this paper does not attempt to provide a complete cultural anthropological lens through which to examine peoples’ preferences and perspectives, one cannot ignore how some of the cultural universals that we all experience in our daily lives (e. g. social organization, food taboos)¹ might influence our perspective and opinion about an object or issue. How our individual cultures would affect our ability to “learn to like” something would certainly be an area for further study.

Keywords: user experience, social psychology, pleasure psychology, cultural anthropology, mere exposure effect, principle of tuned perception, motivation

Аннотация: Люди могут начать любить вещи, которые они когда-то игнорировали или не любили. Как это происходит? Какие факторы подталкивают людей «за черту»? Как могут принципы социальной психологии и психологии удовольствия помочь в создании великолепных продуктов и переживаний, которые на первый взгляд могут показаться неприятными или сложными? Хотя в этой работе не делается попытки представить всеобъемлющую культурно-антропологическую оптику, с помощью которой можно изучать предпочтения и перспективы людей, нельзя игнорировать то, как некоторые культурные универсалии, с которыми мы все сталкиваемся в нашей повседневной жизни (например, социальная организация, запреты на определенные типы пищи), могут влиять на нашу точку зрения и мнение о тех или иных вещах. То, как наши индивидуальные культуры влияют на нашу способность «учиться любить» что-то, определенно станет областью для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: пользовательский опыт, социальная психология, психология удовольствия, культурная антропология, эффект простого предъявления, принцип настроенного восприятия, мотивация

Entry points: an unconscious epiphany into pleasure

Do you remember the first time you tried a cup of coffee? What was it like? Was it good? Or, did you spit it out? I remember one of the first times I tried coffee. It was really bitter and made me wonder “how on earth could anyone drink this stuff?!” It wasn’t until after trying it a few more times (in small amounts) that I began to enjoy it. Coffee makes us feel energized and focused (although too much of it may have the opposite effect)². Whenever I need a pick-me-up to get me through the day, I now make myself a cup.

How did I go from abhorring coffee to becoming someone who thoroughly enjoys it, and then to someone who can’t live without it? According to psychologist Paul Bloom, the journey of pleasure is like that of an inverted U³; first, we may find something challenging to appreciate or hard to process, but then, through repeated exposures, we may begin to find pleasure in the thing we once disliked. Sometimes, we “slide down” this curve and begin to find it boring or even annoying.

Let’s consider music. I have begun to love bands that I once thought were just a cacophony of useless wasted noise. Back in the early 2000s, an experimental indie band out of San Francisco caught my attention⁴. After several listens (and then some!), my mind began to make sense of, untangled the noise, and appreciated the percussive explosions paired with the sweet-sounding voice of the lead singer. There were connective points — let’s call them entry points — within the musical experience, where a shift in my mindset occurred. I moved from a state of displeasure to curiosity, and then to delight.

What are some of the underlying factors that push people to these entry points? The principles and phenomenon within the field of pleasure and social psychology may help explain why we change our mind about things. Two of these factors, familiarity and motivation, will be examined in this paper. These factors may give us insight into strategies for designing delightful experiences that even the most ardent naysayers come to adore.

Mere exposure effect: The magnetism of the familiar

Much has been studied within academic circles about the phenomenon called the mere exposure effect. The principle behind this effect is that we tend

to prefer the things that we are familiar with or have been exposed to, rather than things we are less familiar with or have had less exposure to⁴.

In a study at the University of Toronto male undergraduate students were asked to rate their taste preference for previously unfamiliar tropical fruit juices after tasting them at varying intervals of 20, 10, 5 and 0 times. The juices that were rated the highest in terms of preference were the ones tasted more frequently⁵. This study suggests that the mere exposure effect may play a role in developing food preferences. While this study was mainly focused on food preferences, there is also a body of research which suggests that visual appeal is also impacted by the mere exposure effect⁵.

Are we even aware of our choices? Research has demonstrated that we aren't even aware that we are forming these positive attitudes. A study from the University of Basel showed that unconscious familiarity plays a greater role in forming attitudes through mere exposure than conscious recognition⁶. After enough exposures to someone or something we were previously unfamiliar with, we unconsciously convince ourselves that we find these people or things appealing.

Why are we drawn to the more familiar when deciding what we like and dislike? Is there a comfort and safety that we seek out in these experiences? Perhaps in the experiment mentioned earlier, people were unconsciously finding relatable aspects of the flavors they were tasting in the juices? Maybe one of the juices reminded them of another familiar fruit. This may have given them comfort.

This familiarity is also applicable to people. When I meet someone new for the first time, I know I am unconsciously seeking familiar aspects in those people so that I can relate to them more easily. If they remind me of a good friend, then I find myself being more drawn to those people in my social circles.

In addition to unconsciously seeking the familiar to breed pleasure, we may also have unconscious goals that help shape our preferences and desire for something. When these unconscious goals surface to awareness, we begin to form an opinion about the desired object or issue.

Motivation: a goal-focused mindset motivates us to care

Another factor at play which may nudge us into the realm of entry points — into liking an experience or product — is motivation. The social psychology principle of tuned perception states that when we have a goal in mind that we want to fulfill, we become more aware of — attuned to — things relevant to that goal in our environment⁶.

Research on measuring the effect of goals on perception suggests that when people are conditioned to satisfy a basic need — say thirst — that they are more likely to be aware of things in their environment that would help satisfy that need⁷.

This tuned perception is very evident around us today (April 2020). The COVID-19 pandemic is affecting the entire globe⁸. The virus has sparked a panic and need for us to want to cover our eyes, nose, and mouth from any possible exposure. Prior to this pandemic, we were less aware of people wearing masks, even though there were still people (albeit significantly fewer) wearing them. With health and safety as a goal, we become more aware of people wearing masks, bandanas, goggles, or anything else to protect themselves from infection.

Simply becoming attuned to trying to protect ourselves certainly doesn't give us pleasure. What it does is force us to take action and consciously reflect on setting boundaries and rules around what is considered safe versus dangerous. However, other contexts might suggest that when we focus on a goal, when we convince ourselves to form an opinion about something (say, a product that others are using which might be useful for your own purposes), we strive to satisfy that decision by paying more attention to elements in our environment that correspond to those things.

Growing up in the era of Michael Jackson, I certainly became a fan of his music (mere exposure effect at its best!). However, as I grew older, my musical preferences were defined by my desire to explore less explored artists, what you might call independent music. With the goal of “discovering” new artists before others, I plugged into underground indie blogs writing about artists who were trying to get their music out to the rest of the world. The artists I have “discovered” are ones that have drastically shaped the music that I have listened to as I've gotten older.

Research suggests that musical preferences are driven by the goal of enhanced social identity in people³. Psychologist Daniel Leviton's research suggests that people's musical tastes solidify during a time in their life when an individual affiliates themselves with a certain social group⁸. The awareness of what a particular social group prefers becomes what you prefer. With the goal of enhancing one's social identity with a specific group of people, their entry point into their love for a particular artist or genre becomes fulfilled.

Can we design experiences that people can learn to like, using familiarity and motivation as factors for driving pleasurable experiences, that they once ignored or desired less? Let's explore possible design implications based on these factors.

Design Implications

Design for, at a minimum, the faintly familiar, even if it's, at first, a little painful for users. Users may forgive you later on, after they have learned to like the experience they've been exposed to over time. The faintly familiar may affect a user unconsciously. Over time, this may surface to awareness. Advertising is a great example of this.

The things we see in our environment sometimes influence our thinking more than we realize. When I am on the subway going to work, I see advertisements for a product that may help me get fit in the comfort of my own home. Initially, I may think I am used to going to the gym to do my 45-minute workout on the treadmill. The thought of exercising from home does not seem so appealing, especially since I live in such a small dwelling in New York City. (There is barely any room for a mirror, let alone fitness equipment!)

But, after seeing the advertisement for this product not just on the subway, but also on television, you are forced to see the product in a different context. Two different views. Two different states of mind at the time of exposure. What they have in common is the exposure itself.

It's the power of exposure through advertising in various contexts. It's the seed of an idea planted into my brain: work out the way you want to in the comfort of your own home. The seed might sprout. Or, it might shrivel up and disappear. If there is something even faintly familiar to me though (I do like a good workout!), I will have internalized the concept and considered changing my desire for the product.

Take calculated risks in your designs. The mere exposure effect would suggest that we take some level of risk in our designs. After all, we are asking users to get used to something they are not accustomed to initially. The experiences we produce may not necessarily be the most appealing to our users, but as long as they begin to breed familiarity with them over time, they will stand a chance of being accepted. Through repeated exposures of a once unfamiliar metaphor, we may nudge users into beginning to like an experience.

A great example of taking chances is Microsoft's redesign of its menus in Office, its ubiquitous productivity application. I remember the first time I tried using the new ribbon interface within Word. It was an utter disaster! I couldn't find anything I was looking for within the menus. "Where the heck did my Save as... option go?!" I thought to myself. It took me a while to get accustomed to the ribbon layout.

Microsoft had calculated their release of this new feature by allowing customers a fallback plan of using the Classic View (in fact, I would revert to

this view for a while.). With repeated use and frequent bouts of frustration, I eventually forced myself to use the ribbon. Time has passed and now the ribbon is more familiar to me than the original, more semantic vertical menu structure (ironically, in recent years, Microsoft is reverting back to a more simplified version of its ribbon!)⁹.

Make the path to the goal visible through ancillary support. Ensure in your designs that the goal is clear and foremost in the minds of users. Anything that doesn't support the user's goal should be considered secondary or visual clutter. Provide visibility throughout the process for users so that they can track progress with their goal.

A great example of goal-supported usability is a grocery delivery app I used recently. After adding the items I wanted to my shopping cart, the app provides secondary recommendations in case the items I originally wanted are unavailable. The app goes even further and asks me for approval for items that the shopper suggests when they can't find the specific items I requested. These ancillary services provided support for the ultimate goal of getting shopping done without having to deal with unfilled shopping carts and last minute emails from vendors saying "Sorry, but out of the 24 items you requested, 3 of them were in stock and are on their way to your door!" Because this service supports my goals throughout the experience, I will continue to use it for its convenience and efficiency.

¹ Chamberlain, Robert B. Introduction to Cultural Anthropology. R. B. Chamberlain, PhD, ThD, 2013.

² Anderson, K. J. (1994). Impulsivity, caffeine, and task difficulty: A within-subjects test of the Yerkes-Dodson law. *Personality and Individual Differences*, 16 (6), 813–829. doi: 10.1016/0191-8869 (94)90226-7.

³ Bloom, P. (2011). *How pleasure works why we like what we like*. London: Vintage.

⁴ Deerhoof. (2020, April 27). Retrieved from <https://en.wikipedia.org/wiki/Deerhoof>.

⁵ Pliner, P. (1982). The Effects of Mere Exposure on Liking for Edible Substances. *Appetite*, 3 (3), 283–290. doi: 10.1016/s0195-6663 (82)80026-3.

⁶ Hansen, J., & Wänke, M. (2009). Liking What's Familiar: The Importance of Unconscious Familiarity in the Mere-Exposure Effect. *Social Cognition*, 27 (2), 161–182. doi: 10.1521/soco.2009.27.2.161.

⁷ Carey, B. (2015). *How we learn the surprising truth about when, where, and why it happens*. New York, NY: Random House.

⁸ Coronavirus Disease (COVID-19) — events as they happen. (n. d.). Retrieved from <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/events-as-they-happen>.

⁹ Protalinski, E. (2018, June 16). ProBeat: Microsoft finally admits the Office ribbon is overkill. Retrieved from <https://venturebeat.com/2018/06/15/probeat-microsoft-finally-admits-the-office-ribbon-is-overkill/>.

List of Literature

Anderson, K. J. (1994). Impulsivity, caffeine, and task difficulty: A within-subjects test of the Yerkes-Dodson law. *Personality and Individual Differences*, 16 (6), 813–829. doi: 10.1016/0191-8869 (94)90226-7.

Bloom, P. (2011). *How pleasure works why we like what we like*. London: Vintage.

Carey, B. (2015). *How we learn the surprising truth about when, where, and why it happens*. New York, NY: Random House.

Chamberlain, Robert B. *Introduction to Cultural Anthropology*. R. B. Chamberlain, PhD, ThD, 2013.

Coronavirus Disease (COVID-19) — events as they happen. (n. d.). Retrieved from <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/events-as-they-happen>.

Deerhoof. (2020, April 27). Retrieved from <https://en.wikipedia.org/wiki/Deerhoof>.

Hansen, J., & Wänke, M. (2009). Liking What's Familiar: The Importance of Unconscious Familiarity in the Mere-Exposure Effect. *Social Cognition*, 27 (2), 161–182. doi: 10.1521/soco.2009.27.2.161.

Pliner, P. (1982). The Effects of Mere Exposure on Liking for Edible Substances. *Appetite*, 3 (3), 283–290. doi: 10.1016/s0195-6663 (82)80026-3.

Protalinski, E. (2018, June 16). ProBeat: Microsoft finally admits the Office ribbon is overkill. Retrieved from <https://venturebeat.com/2018/06/15/probeat-microsoft-finally-admits-the-office-ribbon-is-overkill/z>.

Maria I. Bell

Senior UX Researcher

E-mail: ethnographux@gmail.com

Evolving role of applied anthropology in the business

Abstract. This article focuses on the transformation of anthropology with its growing involvement with the technology industry, starting almost 50 years ago from a sporadic, experimental engagement with a few technology corporations, to becoming the greasing wheels of innovation behind the scenes. It goes on to discuss the latest development when anthropologists are gearing towards a prominent role of strategy and business leaders, stepping into a new level of partnership with businesses, and chartering the new territory for anthropology as a field.

As business anthropology and the whole field of applied anthropology is making sense of this new realm and opportunity, the experience of Soviet ethnographers and Russian anthropologists that have worked with businesses, even state-run businesses on a strategic level since the formation of the profession, is a unique and valuable example of forging collaboration, while overcoming many obstacles.

At the same time, the example of how anthropology becomes an integral part of product development, can be a template for Russian anthropologists to leverage their experience and expertise to step into leadership roles in the area of User Experience and Service Design in Russia influencing product development holistically and with empathy.

Keywords: anthropology, business anthropology, techno-anthropology, ethnography, user experience, UX research, Russian anthropologists, Soviet ethnographers, anthropology in Russia, ethics in anthropology, UX research methods, service design

Аннотация. Статья посвящена трансформации антропологии, произошедшей в связи с ее вовлеченностью в работу с технологическими инновационными компаниями и изобретениями. Начавшись почти 50 лет назад с эпизодической работы, в последние десятилетия участие антропологов в создании технических инноваций стало нормой. В самые

последние годы антропологи продвигаются к активной роли в формировании стратегии и руководстве бизнесами, создавая новое поле деятельности и перенося отношения между бизнесом и антропологией на новый партнерский уровень.

Для осмысления новых возможностей, опыт советских и российских этнографов и антропологов, с момента возникновения профессии этнографа работавших с бизнесом, пусть государственным, является уникальным и ценным примером преодоления препятствий для налаживания сотрудничества. Пример антропологов США и других стран, добившихся ведущей роли и места в бизнесе, может помочь российским антропологам занять соответствующее место в UXResearch в России, где их опыт и знания важны. В настоящее время социальная жизнь почти полностью перешла в режим онлайн, и антропологи всегда востребованы там, где происходит жизнь общества.

Ключевые слова: антропология, бизнес-антропология, техно-антропология, этнография, UXresearch, Российские антропологи, Советские этнографы, userexperience, антропология в России, этика в антропологии, методы и методология исследований, servicedesign.

This article is the culmination of multiple discussions during several very thought-provoking conferences in Moscow in December 2019. The section («Антропологи, бизнес и организации») spurred a discussion reflecting the present situation in practical anthropology in Russia and abroad.

Anthropology, as a field, often has to evaluate and reinvent itself and its alignments and allegiances. This has never been more true than in the last two decades¹. The demand for social scientists in technology has grown in the last twenty-five years as «being online» has become integral to everyday life (if not the predominant part of people's lives). This demand is fueling the need to evaluate and re-examine the role of fields of anthropology, ethnography, and its practitioners.

Technology innovators started to understand the value of a human approach and the need to study consumers very closely right from the start of the Internet and mobile technology booms. Between 1970 and 2000 the dominant approach to unveiling new technology was to educate the consumer. In that period, only few big corporations, such as Xerox, hired anthropologists to partake in research and development. For an anthropologist, it was an exotic employment opportunity, and for corporations, a very rare practice.

The approach slowly shifted from «educating the consumer» to wanting to understand and respond to their real needs. As with every innovation, it is important to understand how people react to it, and if new social norms emerge as a response. A question at the start of every new business with disruptive potential or that turned out to be disruptive in retrospect: how will people accept a new way of doing things? Over and over, businesses would call on social scientists to study product adoption, predict outcomes and suggest ways to ease the transition to new ways of thinking. In response to this call, the question of how to align ourselves with technology development, business and corporations has become dominant in US anthropology for the last 25 years². It should be emphasized that the goal of this work on alignment was not to understand technology or learn how to work in the tech sector, but how to convince businesses as an entity in our value as anthropologists to solve their problems and those of their products. Anthropologists kept pushing the acceptable boundaries of the field, tackling a plethora of issues that would come their way while integrating their practice with business and expanding the acceptance of anthropology outside of the field³. They learned to adapt to business and technology practices, incorporating the quantitative knowledge, and the use of analytics and metrics into their domain.

The most known manifestation and result of this push is the application of the now flourishing field of User Experience (UX), which has become the largest area of professional engagement for anthropologists and others in related social science fields⁴. There are a multitude of professions within this field: UX Designer, UX Researcher, UX Strategist, UX Content writer, UX Architect and most recently Service Designer and Design Strategist.

Since the time UX Research was coined, it has been the most fitting area for anthropologists, as it comes very close to the list of the primary activities of anthropologists. As defined, UX Research is a process of conducting research with people — usually qualitative but with some quantitative aspects — questions about human behavior and motivations so that a team can design a product or an experience that best fits the needs of the people who might use it⁵. Presently, UX Research relies heavily on anthropological methodology.

Of particular interest to ethnographers, ethnography was one the first methods to gain acceptance in UX Research. It is still defined and redefined within UX Research, and there is still confusion and ongoing discussions around such key questions: «Is ethnography an observation?», «Does any observation constitute ethnography?»⁶. The biggest milestone for ethnography was the coining and pronouncement of Ethnographic Thinking as a new business concept, and set of principles as well as prediction, that Ethnographic

Thinking will replace the Design Thinking paradigm that is currently dominating operational philosophy in product development⁷. Ethnographic Thinking is defined as the approach of looking together with the users on their tasks within their environment, taking into account the full context of their concerns and considerations, functioning as a participant observer for more empathy and understanding from within.

Interpretation of anthropology in new contexts

As UX researchers, anthropologists became the key actors — though often behind the scenes, never credited in write-ups of successful businesses — in the biggest story of techno-social transformation⁸. Academic anthropologists who were trained and historically remained as observers and chroniclers of stories of technological transformation now had an unusual opportunity to apply their theoretical, foundational knowledge in order to enact a large scale techno-social transformation while collaborating with the typical key catalysts for this change — inventors, developers, marketers and even CEOs. While their training and skills in observation never preclude them from taking on an active role, this was the first time they could step out of the academic role of reflecting on societal transformation, into actually being able to shape this transformation.

At the beginning of the 2010's, a widespread belief began to emerge that technological advancement is a solution to large swaths of problems across many industries. Eventually it evolved into an expectation that technological progress would be an answer and solution to many societal issues. This philosophy, informally termed as «techno-optimism» is now prevalent in many societal strata, but it originated among those actively employed in technology and related sectors, and has spread to other areas of knowledge and to other parts of the society⁹. Hope for a better world was placed on developing new technologies that would disrupt one clumsily organized difficult issue after another. It was just a matter of the time before another entrepreneur would come to improve and disrupt communication, commerce, travel, personal finance, accounting, pharmaceutical drug development, productivity, and the list goes on¹⁰.

Has UX optimism — the belief that a great user experience is an answer to many shortcomings of technology — become its own philosophy and ideology within a subset of the tech sector? At the center of UX Optimism is a tenet, that a great User Experience saves the product and brings corporations closer to their users, and that UX research is a way to achieve it¹¹: «Do UX research, and you get to the bottom of your business problems and make your products successful!», «Have empathy for your users, and you get great UX design!».

At the opening of the present decade, this belief in technology turned sour, manifesting techno-frustration instead of techno-optimism¹². While no one is yet blaming the social scientists, employed by corporations for this frustration, they were the very people who promised to get into the users' minds and uncover valuable insights. They generated these insights for corporations, for ultimate profit, without having a voice in their application to company strategy.

UX research still stands as a positive pillar, even while the latest in tech innovation, for example the utilization of biofeedback, brings us closer to a complete surveillance society. While UX researchers always operate with the consent of their users, and treat their users with respect and, hopefully, with empathy, the profit-driven products they helped build violate norms and expectations of privacy, respect and, in certain cases, harm the health of their consumers. Some examples would be vaping, or electronic cigarettes, CLEAR (fingerprints), AI face and body movement tracking and many others. The latest in cutting edge innovation is about increasing surveillance and control of all aspects of human lives, all with explicit or implied consent, but often with consent that is acquired without proper choice.

Anthropologists and social scientists now have an opportunity to take on an even bigger role in business and innovation as businesses are willing to listen to anthropologists, and are open to giving them a seat at the leadership desk. The community of practicing, applied, or business anthropologists sense this, and are working on aligning with this opportunity by institutionalizing themselves through newer forums and by identifying, formulating and influencing an even bigger line of occupation, like Service Design¹³. This opportunity coincides with the fading away and stagnation in the field of management consulting, which has acquired a reputation, especially in the technology sector, of being able to only cut costs rather than create value¹⁴.

There are a few innate concerns with these developments:

- Anthropology is concerned with the preservation of cultural communities and ecosystems.
- Anthropologists do take responsibility for the community of their participants and ecosystem they study.
- Anthropologists do study people to understand and preserve their culture, not to just get information or insights.

How would this integral, fundamental philosophy translate into the dynamics of product development in profit-driven industries¹⁵? It is important to emphasize that voicing this concern is not equal to suggesting that businesses are not attempting to be responsible for the impact of their products, but this responsibility usually comes second to the imperative to make a profit.

If we, as anthropologists, are to sit with CEOs, how do we preserve the integrity of our foundational training and respect towards the subjects we study, while bringing strategic insights to the companies that need to make a profit? These are big shoes to fill from a practical as well theoretical and epistemological point of view. As ethnographers and storytellers, we have the power of knowledge and methods¹⁶. We opened these doors for ourselves — we have sufficient ground to be leaders. How should we develop a new practice of giving strategic, leadership advice while preserving our core values?

While anthropologists in the USA, Europe, and other countries where UX practice has been aligned with academic anthropology, are trying to define these new opportunities, they would benefit from learning from the considerable experience of practical anthropologists in Russia and the former Soviet Union. There is an established practice of anthropologists working with governmental and business structures in Russia. Even though this practice was often defined by the special, often confining conditions, the experience in forging these productive working relationships is very much present, and after studying and observing these practices¹⁷ and comparing them to the practice of business anthropology practitioners and User Experience practitioners, I found them very relevant, advanced and exemplary. However, this experience is not framed in the way anthropologists of the West would present it. Many Russian anthropologists found this experience painful and not full of victories¹⁸. Through almost a century of practice, since the inception of ethnography as an institution, Soviet and Russian anthropologists brought huge benefits to many communities they touched, but they are very humble about this achievement¹⁹. They rightfully divide the academic, observational inquiry and research, from the practical, applied impact that many did not attempt to measure.

There is a great opportunity for Russian anthropologists to create a productive relationship with the newest technology companies flourishing in Russia. These arenas and industries are now missing out by blindly adopting the methods, copying only the formality of conducting research, without understanding the theory that the research is based upon²⁰. The anthropologists in Russia should be concerned that their methods and practice are co-opted and

appropriated by technology without the theoretical foundational knowledge that is a key part in practicing these methods; this is another important reason to step in. This process as it develops in the Russian Federation can still be altered, and academic anthropologists still can link their practice with business for a successful partnership. The seat of the social advisors, influencers of innovation, and of people's future rightfully belongs to anthropologists, and this seat is vacant now. Paraphrasing the very popular saying from present ethnography's in praxis domain: it is time for Russian anthropologists to make sense of their STRENGTHS²¹. The world, as well as any endeavor or industry, can reap great benefits when anthropologists are involved.

¹ Bezaitis M. Products and the Future of Ethnographic Work. Intel Corporation Practice, 2016.

² Blomberg J., Karasti H. Reflections on 25 years of ethnography in CSCW. CSCW. V. 22. Is. 4–6. 2013. P. 373–423.

³ Amirebrahimi S. The Rise of the User and the Fall of People: Ethnographic Cooptation and a New Language of Globalization. EPIC Proceedings, 2016. P. 71–103.

⁴ <https://www.americananthro.org/>

⁵ Baxter K. Evolution of User Experience Research. EPIC. November 10. 2019.

⁶ Cefkin M. Introduction: Business, Anthropology, and the Growth of Corporate Ethnography/Ethnography and the Corporate Encounter. Ed. by M. Cefkin, 2010. NY. P. 1–40.

⁷ Hasbrouck J. Ethnographic Thinking: From Method to Mindset. London: Routledge, 2017.

⁸ Tian R. Business Anthropology, September 2018; Pratt A.. Do Economists Make Innovation; Do Artists Make Creativity? The Case for an Alternative Perspective on Innovation and Creativity, January 2015

⁹ O'Mara M. The Church of Techno-Optimism. NYT Opinion. September 28, 2019.

¹⁰ Tierney J. Disrupting the Pharmacy. Innovative technology could eliminate the inflated costs that Americans pay for drugs. City Journal. 2019.

¹¹ User Defenders (n. d.). Retrieved from <https://userdefenders.com/>

¹² A Decade of Distrust. NYT, December 29. 2019.

¹³ Smith I. Design Anthropologists: An emerging group of Design Thinkers focused on innovation. June 20, 2019.

¹⁴ Report with data from CB Insights, Killing Strategy: The Disruption Of Management Consulting, 2019; Schein M. 5 Ways Consultants Can Kill Your Business, Jan. 16, 2016.

¹⁵ Amirebrahimi Sh. The Rise of the User and the Fall of People: Ethnographic Cooptation and a New Language of Globalization. EPIC Proceedings, 2016. P. 71–103.

- ¹⁶ Tomer S. Validating Product Ideas: Through Lean User Research, 2015.
- ¹⁷ Ежегодный выпуск отчетов Института этнологии и антропологии РАН, Москва <http://iea-ras.ru/>
- ¹⁸ Докладные записки сотрудников ИЭА РАН 1950-е-1990-е гг./Архив Института этнологии и антропологии РАН, Москва.
- ¹⁹ Полевые исследования, Институт этнологии и антропологии. 2007–2008/Отв. ред. З. П. Соколова — М.: ИЭА РАН, 2011. –354 с. и др.
- ²⁰ Lombardi G. The De-skilling of Ethnographic Labor: Signs of an Emerging Predicament. EPIC, 2009. P. 41–49.
- ²¹ Flynn D., Lovejoy T. Tracing the Arc of Ethnographic Impact: Success and (In) visibility of Our Work and Identities. EPIC, 2008. P. 238–250.

List of Literature

- Amirebrahimi S. The Rise of the User and the Fall of People: Ethnographic Cooptation and a New Language of Globalization. EPIC Proceedings, 2016. P. 71–103.
- Baxter K. Evolution of User Experience Research. EPIC. November 10. 2019.
- Bezaitis M. Products and the Future of Ethnographic Work. Intel Corporation Practice, 2016.
- Blomberg J., Karasti H. Reflections on 25 years of ethnography in CSCW. CSCW. V. 22. Is. 4–6. 2013. P. 373–423.
- Cefkin M. Introduction: Business, Anthropology, and the Growth of Corporate Ethnography/Ethnography and the Corporate Encounter, 2010. NY. P. 1–40.
- A Decade of Distrust. NYT, December 29. 2019.
- Flynn D., Lovejoy T. Tracing the Arc of Ethnographic Impact: Success and (In) visibility of Our Work and Identities. EPIC, 2008. P. 238–250.
- Hasbrouck J. Ethnographic Thinking: From Method to Mindset. London: Routledge, 2017.
- Lombardi G. The De-skilling of Ethnographic Labor: Signs of an Emerging Predicament. EPIC, 2009. P. 41–49.
- O'Mara M. The Church of Techno-Optimism. NYT Opinion. September 28, 2019.
- Pratt A. Do Economists Make Innovation; Do Artists Make Creativity? The Case for an Alternative Perspective on Innovation and Creativity, January 2015.
- Report with data from CB Insights, Killing Strategy: The Disruption Of Management Consulting, 2019.
- Schein M. 5 Ways Consultants Can Kill Your Business, Jan. 16, 2016.
- Schroeder B. Entrepreneurs, What's Next? Here Are Seven Industries That Will Be Disrupted In Next Ten Years. Forbes, 2019.
- Polaine A. Service Design: From Insight to Implementation. 2013.
- Smith I. Design Anthropologists: An emerging group of Design/Thinkers focused on innovation. June 20, 2019.
- Tian R. Business Anthropology, September 2018.

Tierney J. Disrupting the Pharmacy. Innovative technology could eliminate the inflated costs that Americans pay for drugs. City Journal. 2019.

Tomer S. Validating Product Ideas: Through Lean User Research, 2015.

Unequal Coverage: The Experience of Health Care Reform in the United States/Ed. by J. Mulligan NYU Press, 2017.

Докладные записки сотрудников ИЭА РАН 1950-е — 1990-е годы. Архив Института этнологии и антропологии РАН, Москва.

Ежегодный выпуск отчетов Института этнологии и антропологии РАН, Москва <http://iea-ras.ru/>.

Полевые исследования, Институт этнологии и антропологии. 1971–2014. <http://iea-ras.ru/>.

Грицкевич Дарья Сергеевна

*аспирантка Института истории
Национальной академии наук Беларуси
E-mail: grickevichdasha@tut.by*

Феномен знахарства в традиционной культуре белорусов Подвинья: прошлое и настоящее

Аннотация. В статье автор рассматривает роль и трансформацию знахарской традиции на территории Белорусского Подвинья, где народномедицинская практика была распространена на протяжении веков, обращает внимание на место магических специалистов в обществе и выделяет наиболее типичные представления об их сверхъестественных способностях. На примере Поставского района (Витебская область, Республика Беларусь) прослеживаются существование, использование и возможности сельского знахарства на современном этапе, рассматривается практика и значение знахарской династии Доломановых, которая имела влияние не только в изучаемом регионе, но и далеко за его пределами. Автором представлен уникальный случай сосуществования и взаимодействия народной и официальной медицины. Результат исследования свидетельствует о том, что знахарская практика была широко распространена среди сельского населения Белорусского Подвинья, и имела большое значение в жизни традиционного общества.

Ключевые слова: знахарство, болезнь, древнее население, Белорусское Подвинье, Долман, народная и официальная медицина

Abstract. The article discusses the role and transformation of the medicine tradition in the territory of the Belarusian Dvina region, where folk medical practice has been widespread for centuries. Attention is drawn to the place of magic specialists in society and the most typical ideas about their supernatural abilities are highlighted. On the example of the Pastavy district (Vitebsk region, Republic of Belarus), the existence, use and result of rural medicine at the present stage is traced. The article considers the practice and significance of the Dolman dynasty of medicine men, which had an influence not only in the studied region, but also far beyond its borders. The author presents a unique

case of coexistence and interaction of folk and official medicine. The result of the study shows that the practice of medicine was widely spread among the rural population of the Belarusian Dzvin'sk region and was of great importance in the life of traditional society.

Keywords: medicine, disease, ancient population, Belarusian Dvina region, Dolman, folk and official medicine

Спецификой Белорусского Подвинья, как историко-этнографического региона, является поликонфессиональность: на его территории проживают представители католической, православной конфессий, русские старообрядцы и верующие ряда других религий. Более того, в регионе наблюдается активное межэтническое взаимодействие и, как следствие, присутствуют отличительные особенности традиционной культуры. На протяжении веков единственно доступную для сельского населения лечебную помощь составляли средства и методы народной медицины. В течение длительного периода население накапливало знания о системе заболеваний, их происхождении. В результате понимания болезни как следствия сверхъестественного воздействия на организм человека в народной культуре сформировалось знахарство.

Знахарство — магический способ познания окружающего мира и практическое использование этих знаний, направленное на активное взаимодействие со сверхъестественными субъектами и стихиями. Оно являлось неотъемлемым атрибутом традиционного общества¹.

Сфера деятельности белорусских магических специалистов довольно обширна. П. В. Шейн пишет, что магом называют того, кто умеет насыщать чары, проводить таинственные обряды, заклинания, которым подчиняются стихийные и другие силы, с помощью которых можно отвести беду, изгнать беса, лечить болезни, создать счастье и достаток, а с другой стороны — насыщать на других всевозможные несчастья, смерть или болезни, напускать на людей нечистую силу, наводить тоску, бешенство, припадки, нарушать лад и согласие в семье, делать многое другое. Но большинство магов умеет что-то одно: одни — лечить и насыщать болезни, другие — разлучать семьи, третьи — наводить град и засуху. А. Браубский ставит магов, знахарей и колдунов в один ряд: «Значительную роль в жизни крестьянина Витебского уезда играют «маги», «знахари» и «колдуны». Белорус их наделяет одинаковой тайной силой, одинаковой способностью оказывать влияние на других лиц. А сила эта, как думает крестьянин, слишком велика. Они все могут. Они мо-

гут на корню испортить хлеб, помешать всходам, напустить на зерно гниль, отравить мышами зерно, напустить злого человека, который обрет до нитки, испортит скотину, найдет на нее болезнь, отнимет молоко, а то и саму скотину сведет со двора. Но еще сильнее проявляется эта сила магов, знахарей и колдунов на самых крестьянах, с которыми они могут сделать все. Напустить болезнь, лихоманку, ломоту в костях, гниль, глаза испортить, наслать клин на детей, падучую или даже и саму смерть»².

Образ знахаря, пользующегося услугами «нечистой силы», начал формироваться в белорусской традиции в позднем Средневековье и в раннее Новое время под влиянием доктрины, ставшей идеологическим фундаментом «охоты на ведьм» в Западной Европе. Белорусские исторические источники XVII в. показывают своеобразное разделение, когда сначала «ворожки», «волхвиты» трактовались вполне позитивно и вообще не привлекали внимание судов, а потом их знахарские знания начинают оцениваться как чародейские и преступные.

Показательным было дело пощады Раины Громычиной, которая честно признавалась в своих знахарских способностях к врачеванию («детей покуреньем», «знакомостью разных зел»), так как была убеждена, что это снимет обвинение во вредной магии, но суд постановил иначе: «То умеет не из жадных порядочных наук, не из цвиченья докторского и школьного, но из цвиченья зла, шкорливого, и конечно ест со всех мер подейзроная»³.

Раину Громычину обвинили в способности к разным чарам — страшным и необычным для того времени, хотя и безвинным на сегодня: к выливанию олова, подкуриванию детишек, лечению тоски, готовке трав, шептанию, подливанию воды и др. Ее обвинили в чудовищных уголовных преступлениях: в уничтожении стад в результате волшебства; в уничтожении огнем замка Слонимского, и в покушении на жизнь самого маршалка Сапеги (Яна Станислава Сапеги). Процесс длился два года (март 1630 г. — декабрь 1631 г.) и закончился смертным приговором шляхтянке Громычиной.

Во время допросов пощаду спрашивали, чем бы та лечила определенную немощь, и получили ответ, что, прежде всего, нужно «wypisać na karcie» («выписать на карту»). Выписывание болезни, когда заклятие или молитва буквально писались на просвире (хлебе), которую затем съедали, или на бумаге, которую жгли, а пепел пили, неоднократно упоминается как в средневековых зельниках, так и в ритуальном лечении вплоть до XX века⁴.

Одним из наиболее распространенных занятий деревенских врачей была помощь при родах. Раина Громычина во время суда по обвинению ее в колдовстве говорила, что «не может мужчина принимать детей «при родах», а только женщина». Интересен и такой сохранившийся в литературе обычай, как накрывание дежой (деревянной кадушкой для приготовления хлебного теста) младенцев во время родов. Об этом написала около 1740 г. врач, уроженка Новогрудчины Саломея Русецкая в Петербурге, когда принимала роды у бригадирши Карауловой⁵.

В дальнейшем это привело к тому, что образ знахаря/мага стал близко соприкасаться с образом ведьмы (гораздо реже колдуна), проявляя сходство по признаку наделенности ирреальными качествами⁶.

Согласно классическим этнографическим источникам XIX-начала XX вв., роль специальных врачей в традиционной сельской общине Белорусского Подвинья, как правило, выполняли колдуны и знахари. Следует отметить, что точной функциональной границы в народном сознании между данными культурными персонажами проведено не было. Это отражено в работах белорусских этнографов XIX — начала XX вв. Н. Я. Никифоровский пишет: «Сложно уловить оттенки, по которым, например, “знахарь” отличается от колдуна»⁷. В том же источнике приводятся мнения других ученых, полагающих, что, хотя колдун и знахарь оба действуют с помощью нечистой силы, народ строго различает их, поскольку знахарь никому не делает зла, а, напротив, избавляет от того зла, которое наслал колдун. Существуют и представления о связи знахарей с благами, божественными силами. Так в своей работе характеризует знахарей Ф. Веренько: «Знахари — «профессиональные врачи», лечащие травами, заговорами, а некоторые — исключительно заговоренной водой. Они все делают с Богом»⁸.

Согласно народным представлениям, знахарь — это человек, наделенный сверхъестественными способностями, которые он используют для помощи людям. Знахари разделяются на «природных» и «наученных». Передача магических знаний и приемов в пределах рода позволяет рассматривать «природных» знахарей как представителей одной династической линии, чья сила распространялась по ближайшей сельской округе. Характерно, что в XIX–XX вв. «сильные» знахари никогда не жили на близком расстоянии друг от друга. В отличие от них, «наученные» знахари использовали приемы (заговоры) от некоторых болезней, знания ими были получены случайно⁹.

Сильные знахари, согласно народным представлениям, могут вылечить любую болезнь. Но обычно знахари занимались и занимаются ти-

пично «народными», «деревенскими» болезнями, которые врачи, представители официальной медицины, «не понимают» и поэтому «не лечат». Наиболее широко в пределах знахарства представлено лечение детских болезней (зубище, ночницы), кожных болезней (рожа) и воспалительных процессов (скула, волосень), внутренних болезней (грыжа, подрыв, золотник), а также болезней, которые научная медицина определяет как заболевания психоэмоциональной системы (сглаз, испуг)¹⁰.

Обычно знахарство — поле деятельности женщин. По этнографическим источникам XIX — начала XX вв., как подвинских и шире — белорусских, так и восточнославянских (также общеславянских), женщины составляли подавляющее большинство народных целителей. Однако среди знахарей своей особой магической силой отличались мужчины¹¹.

На примере Поставского района, который является частью Белорусского Подвинья, можно проследить существование и трансформацию знахарских практик в XX-начале XXI вв.

Самой знаменитой знахарской династией, которая практиковала свою помощь на Поставщине, а именно в деревне Веретеи, была семья Доломановых. Сохранились данные о том, как эта семья оказалась на белорусских землях: «Их предок — православный воронежский помещик, столбовой дворянин — приобрел земли, получив в подарок Веретеи от царя в качестве вознаграждения за борьбу с унией. А свой дар лекарь получил на поле битвы»¹².

Знахарская сила охватывала большой объем заболеваний: болезни из ветра, испуги и укусы змей, кожные заболевания, заболевания нервной системы и психические расстройства.

Кроме традиционной процедуры — заговора на воду, Доломановы широко практиковали пускание заговора по ветру. Этот способ лучше подходил в том случае, когда человек не мог лично присутствовать у знахаря.

Сохранились воспоминания о самом процессе заговора: «Вадой загаварваў. Над вадой маліліся, бралі ваду толькі ў ягонай студні. Бярэш бутэчку з дому, ці баначку, ці слоік. Вот ваду папросіш, яны не пытаюцца што табе баліць, толькі скажаш, колькі гадоў чалавеку і імя. Ён скажыць, а пасля дзеці ж замаўлялі, схадзі вады набяры у студню. І нясеш у дом да іх. Там асобая комната ў яе. Яна бярэ з тваіх рук, загаварвае, моліцца над ёй і праз нескалькі мінут яна пастукаіць у дзвяверы — ужо захадзіць забіраць. І кажыць, што так, прыйдзіце яшчэ праз дзве нядзелі. Хоць і палепшаіць, бывае не сразу палепшаіць. Гэдак прыйдзеш і другі раз праз дзве нядзелі, а яна кажа не, трэба яшчэ раз прыйсці. І трэці раз прый-

дзеш. Тады ўжо кажа, што не нада. Яна раскажыць, што тры глыточкі выпіць, памазаць запясці, на грудзях, шыю зверху і ўсе гэта раз да ўсхода сонца і раз пасля захода сонца»¹³. Таким образом, знахарь имел свою программу заговора, которая была привязана к месту, предмету, на который заговаривали, и времени его использования.

Лекарская сила рода Долмановых была известна и за пределами района, а то и страны. Как утверждают, на прием к знахарю всегда стояли очереди, люди ждали встречи сутками, приезжали и из бывших республик СССР: «Очэрэдзь у яго была агромная пры Польшчы, ва врэмя вайны, а вот пры савецкай (власти — прим. автора), паток людзей. Караван машын усегда стаяў. Раньшэ не было астаноўкі Верацеі, дабіліся. У Навадруцке дажэ кварціры снімалі, далекія як прыязджалі»¹⁴. «Ну а да Далмана ўся акаліца, тут жа і з Саюза ездзілі»¹⁵.

Оплаты за свои услуги Долман не определял, местные люди сами несли угощения, а когда и помогали по хозяйству: «Ну людзі благодарылі. Не было таксы такой, аплаты, а вот сколько там рублей ілі злотых паложуць на стол. Еслі денег не было то яічкі, там масла, сыр. Вопшчэм плацілі, так сказаць, па совесці»¹⁶. «Як мы тут месныя дык памагалі тут. Пойдзеш то, мама казала, то жалі, то сена для скаціны. Вот хто спросіць, сколькі бярэць, ен не казаў. Толькі сілай яму у руку дасць і ўсе. На стала паложыць і пойдзець»¹⁷. Деньги, которые оставляли люди, семья жертвовала в местную церковь: «Далману я помню грошы давала. Ну тожа браць не хацеў. Казалі Далман у цэркву ахвераваўся»¹⁸. «Хто капейку якую дасць дык гаворуць на цэркву клалі. Гэта казалі афяра на цэркву. Яны грошаў не бралі. Яны не былі багатымі»¹⁹.

Несмотря на то что в Веретях уже много лет никто не заговаривает и не выдает воды, людей привлекает это место. По округе и далеко за ее пределами знают, что много лет назад старый Долман заговорил колодец, и его лечебный дар остался на земле: «То асталася студня цудоўная, яна не закрытая. І вось нядаўна ехаў чалавек, і запытўся дарогу ў Верацеі да Далмана. Дык мы кажам, што іх ужо няма. А ен кажа ўсе раўно, як былі самыя старыя Далманы казалі, што нас не будзець, а вада будзець дапамагаць. Бярыце. Бярыце калі ў патрэбе будзе, яна дапамагае»²⁰.

На Поставщине также зафиксирована уникальная ситуация сосуществования и взаимодействия народной и официальной медицины.

На протяжении веков единственной лечебной помощью в сельской местности была народная медицина. Не удивительно, что возникновение и деятельность института официальной медицины сельскими жите-

лями были восприняты с настороженностью. Селянин — по своей сути традиционалист, ментальность которого не склонна к кардинальным изменениям. В свою очередь недоверие местных жителей, обращение к «шептунам», которые, по мнению медиков, лечили сомнительными методами, сформировало отрицательное отношение официальной медицины к народной практике.

Несмотря на стремительный прогресс официальной медицины, сельский человек продолжал обращаться к народным методам. Этому способствовало несколько факторов.

Во-первых, это традиционное мировоззрение, когда причиной ряда болезней виделось сверхъестественное воздействие. В таком случае сельские жители выражали скептическое отношение к официальной медицине, которая, по их мнению, не понимала природы происхождения заболеваний, а значит, не могла их вылечить. Отсюда возникает широко распространенное представление о «своей» и «не своей» болезни. Согласно народному мнению, каждый из представителей своего направления был в силах вылечить только понятный ему спектр заболеваний: «Дохтар — дохтарскае, Далман — далманскае. Далман не зробіць аперацыю, дохтар не зробіць ат ветра, не паможыць»²¹. Характерное мнение: «Врачи ня вылечуць ні рожу, ні испуг, ні з вока, гэта толькі шаптуны вылечуць, каторыя ўмеюць загаварываць гэта. А врачы гэта ня вылечуць. І еслі граматыны врач, ен увідзіць, што рожка, скажыць каб абрашчаліся к бабкам»²².

Во-вторых, на фоне официальной медицины народное лечение виделось селянам более безопасным. Такое мнение сложилось из-за средств и методов, которые использовали каждый из представителей своей сферы: «І я думаю, еслі бабка дала ваду і памалілася малітвай то гэта вада нічога благога ня зробіць, а еслі ў бальніцы начнуць калоць ня тыя ўколы? Тут з двух зол выбіраіш»²³. Очевидно, механизм воздействия народных методов был более привычным для местных жителей, чем лечение с помощью медикаментов.

В большинстве случаев с возникновением трудностей во время лечения представители народной медицины, не начиная лечебного курса, предлагали больному обратиться к представителю официальной медицины. Такой вариант событий свидетельствует о наличии в народной лечебной традиции основных методов диагностики заболеваний, по результатам которой лекарь мог сложить картину болезни и оценить свои возможности. В основном неизлечимыми, по мнению знахарей, были онкология, тяжелые заболевания внутренних органов.

Можно говорить о богатом опыте местных лекарей, большом объеме знаний, рационально использовавшимся в отношении пациентов. Действия знахарей, которые отказывали в проведении ритуалов и направляли больного к профессиональным медикам, содействовали скорейшему проведению диагностики и лечению заболевания: «Далман замаўляў ад ўсяго. А вот глянecь, скажыць — гэта не мая хвароба, ідзі да дохтара. Вот я пашла швагру свайму, ен сразу только глянуў кажыць — гэта не мая хвароба. Точна, у Ленінград завязлі врачы зрабілі. Як не ягоная хвароба значыць не ягоная»²⁴.

Однако зафиксированы и противоположные обращения со стороны официальной медицины. Медики направляли население к знахарям, поскольку не могли диагностировать болезни «сверхъестественного» происхождения: «Прыехаў врач ці то з Глыбокага, ці то за Глыбокім — прывез дачку. Няверыў ні в коём случаі. Баліць, баліць, нейкі валаснік быў, адрэзаў палец врач дачцэ. Тады яна гвалт крычыць, а ен хірург, врач, няверыць у гэта. Ну і што, яна не даець болі. Ен прыехаў і гэдак і гаворыць — сам врач: «Я табе не веру, но я к табе прышоў». Гаворыць (Далман): «Правільна, ты врач, а я па свайму врач. Лажы на тарэлку руку дачцэ і паглядзіш, што будзець». Ен стаў загаварываць, у яе сталі валасы конскія лесці праз палец. Тры валасіны вылезлі і толькі яна ўздыхнула і кажыць: «Папа, што ты мне здзелаў, зачэ́м ты палец мне адрэзаў!» Гаворыць: «Дочка, не верыў, а як на свае вочы увідзеў — паверыў». Врачы ж тожэ не веруць ім. І цяпер врачы гледзяць, вот ўвiдзяць — рожа на назе і гаворучь — гэта не мая хвароба, едзьце ніхай замовіць»²⁵.

Нельзя не отметить, что через больницы распространялось не только биомедицинское знание, но порой и народные способы лечения: «І мяне палажылі ў інфекцыонную. А ў мяне і жаўтуха і васпаліўся апендзіцыт, забалеў живот. А апендзіцыт во жанчына падказала, разам ляжалі ў палаце, рэцэпт: лыжка меду і лыжка масла слівачнага, жэлацельна свайго. Растапіць і выпіць. Тры разы выпіла, дажэ і двух хваціць! Я тады ўсю веску так лячыла»²⁶.

Большинство пациентов — это сельские жители, которые, пребывая в больницах, активно делились своим опытом использования методов и рецептов народной медицины, и впоследствии эти знания распространялись в разные части региона.

Особенно интересной является ситуация, когда люди брали с собой в больницу народные средства лечения, таким образом гарантируя себе спокойствие и программируя сознание на позитивный исход: «І Марына

маленькая як была, захварэла. Схадзіла я вады да Далмана, але прыйшлося ў бальніцу паехаць. Ну ўзялі ваду з сабой. У яе было нешта ў плечках траслося, дактары і не пазналі што за хвароба, прадзержалі дзве няздзі і ўсе з гэтым вярнуліся. Як там заглядзіла санітарка і сказала дактарам, што ў нас бутылка з вадой пэўна загаворанай. Ну дакторка прыйшла як бы мне выгавар даваць, што рабенку каб піць не давалі, што гэта сырая вада. Казала, еслі хочым ў быльніцы лячыцца, то нада выкінуць»²⁷. Такой жест свидетельствовал об открытом недоверии со стороны сельских жителей к профессиональной помощи. Поэтому не удивительно, что медицинский персонал негативно относился к подобным пациентам.

Таким образом, проанализировав письменные и этнографические материалы, освещающие один из главных аспектов традиционной культуры, можно проследить процесс трансформации народномедицинской практики. Несмотря на судебные преследования, которым подвергались носители народных знаний в Средневековье и в раннее Новое время, знахарство было широко и достаточно долго распространено среди сельского населения. В конце XX-начале XXI в. знахарство постепенно утрачивает свою актуальность. Общий уровень официальной медицины повышается до оптимального, исчезают некоторые заболевания, сокращается количество носителей традиции, растет уровень доверия к медикам. Технический прогресс, который влияет не только на развитие мира, но и на социум в общем, способствует упадку традиционной лекарской практики. Он же формирует мировоззрение современного человека, который меньше доверяет народным методам. Преобладает нейтральное отношение представителей официальной медицины к лечению народными средствами. Безусловно, медики не поддерживают самолечения, и постепенный упадок ритуально-магической практики выделяет профессиональную медицину как предпочтительную модель помощи. Постепенно методы народного лечения теряют актуальность, однако в местности, где еще сохранились носители традиционных знаний, народная медицина продолжает свое существование. В большинстве случаев к помощи специалистов народной медицины прибегают сельские жители.

¹ Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Ч. 1: Народная медыцына беларусаў Падзвіння: у 2 ч. Ч. 1/Склад. У. А. Лобач, У. С. Філіпенка. Наваполацк: ПДУ, 2006. С. 50.

- ² Валодзіна Т. В., Лобач У. А. Знахарства і чарадзеіства ў культурным ландшафце беларускай вескі // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV — пачатку XX ст. Кн. 2. Духоўная культура/А. І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка. Мінск: Беларуская навука, 2016. С. 65.
- ³ Валодзіна Т. В., Лобач У. А. Знахарства і чарадзеіства ў культурным ландшафце беларускай вескі // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV — пачатку XX ст. Кн. 2. Духоўная культура/А. І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка. Мінск: Беларуская навука, 2016. 65–66.
- ⁴ Валодзіна Т. В. Народнае рытуальна-магічнае лекаванне // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV — пачатку XX ст. Кн. 2. Духоўная культура/Навук. рэд. А. І. Лакотка. Мінск: Беларуская навука, 2016. С. 110.
- ⁵ Валодзіна Т. В. Народнае рытуальна-магічнае лекаванне // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV — пачатку XX ст. Кн. 2. Духоўная культура/Навук. рэд. А. І. Лакотка. Мінск: Беларуская навука, 2016. С. 111.
- ⁶ Валодзіна Т. В., Лобач У. А. Знахарства і чарадзеіства ў культурным ландшафце беларускай вескі // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV — пачатку XX ст. Кн. 2. Духоўная культура/А. І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка. Мінск: Беларуская навука, 2016. С. 66.
- ⁷ Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Ч. 1: Народная медыцына беларусаў Падзвіння: у 2 ч. Ч. 1/Склад. У. А. Лобач, У. С. Філіпенка. Наваполацк: ПДУ, 2006. С. 51.
- ⁸ F. Werenko. Przyczynek do lecznictwa ludowego. Kraków, 1896. S. 3.
- ⁹ Лобач У. А., Санько С. І., Знахар/Беларуская міфалогія: энц. Слоўнік. Склад. І. Клімковіч; гал. рэд. І. Санько. Мінск, 2006. С. 190.
- ¹⁰ Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Ч. 1: Народная медыцына беларусаў Падзвіння: у 2 ч. Ч. 1/Склад. У. А. Лобач, У. С. Філіпенка. Наваполацк: ПДУ, 2006. С. 55–56.
- ¹¹ Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Ч. 1: Народная медыцына беларусаў Падзвіння: у 2 ч. Ч. 1/Склад. У. А. Лобач, У. С. Філіпенка. Наваполацк: ПДУ, 2006. С. 52.
- ¹² Зямчонак І. В. Ваколіцы Парыжа. Гродна: Ратуша, 2000. С. 66.
- ¹³ ПМА (Полевые материалы автора). Записано Грицкевич Д. С. в 2014 году от Букато Янины Ивановны, 1943 г. р., в д. Луцк-Козловский Поставского района, Витебская область РБ.
- ¹⁴ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2016 г. от жителя д. Ласица Поставского района, Витебская область РБ.
- ¹⁵ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2017 г. от Красилович Елизаветы Иосифовны, 1939 г. р., в д. Ковали Поставского района, Витебская область РБ.
- ¹⁶ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2016 г. от жителя д. Ласица Поставского района, Витебская область РБ.
- ¹⁷ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2014 г. от Подрес Нины Антоновны, 1938 г. р., в д. Большие Веретеи Поставского района, Витебская область РБ.
- ¹⁸ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2017 г. от Красилович Елизаветы Иосифовны, 1939 г. р., в д. Ковали Поставского района, Витебская область РБ.

- ¹⁹ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2014 г. от Букато Янины Ивановны, 1943 г. р., в д. Луцк-Козловский Поставского района, Витебская область РБ.
- ²⁰ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2014 г. от Букато Янины Ивановны, 1943 г. р., в д. Луцк-Козловский Поставского района, Витебская область РБ.
- ²¹ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2016 г. от Кудряшовой Кристины Станиславовны, 1942 г. р., в д. Козловщина Поставского района, Витебская область РБ.
- ²² ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2017 г. от Самкович Веры Иосифовны, 1942 г. р., в д. Прусы Поставского района, Витебская область РБ.
- ²³ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2017 году от Краси́евич Елизаветы Иосифовны, 1939 г. р., в д. Ковали Поставского района, Витебская область РБ.
- ²⁴ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2016 г. от Кудряшовой Кристины Станиславовны, 1942 г. р., в д. Козловщина Поставского района, Витебская область РБ.
- ²⁵ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2016 г. от Кудряшовой Кристины Станиславовны, 1942 г. р., в д. Козловщина Поставского района, Витебская область РБ.
- ²⁶ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2017 г. от Терлюк Вячеславы Титусовны, 1938 г. р., в д. Ретьковщина Поставского района, Витебская область РБ.
- ²⁷ ПМА. Записано Грицкевич Д. С. в 2015 г. от Букато Янины Ивановны 1943 г. р., в д. Луцк-Козловский Поставского района, Витебская область РБ.

Список литературы

Валодзіна Т.В., Лобач У.А. Знахарства і чарадзеіства ў культурным ландшафце беларускай вёскі // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV — пачатку XX ст. Кн. 2. духоўная культура/А.І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А.І. Лакотка. Мінск: Беларуская навука, 2016. С. 60–91.

Валодзіна Т.В. Народнае рытуальна-магічнае лекаванне // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV — пачатку XX ст. Кн. 2. духоўная культура/Навук. рэд. А.І. Лакотка. Мінск: Беларуская навука, 2016. С. 92–141.

Зямчонак І.В. Ваколіцы Парыжа. Гродна: Ратуша, 2000.

Лобач У.А., Санько С.І., Знахар/Беларуская міфалогія: энц. Слоўнік. Склад. І. Клімковіч; гал. рэд. С.І. Санько. Мінск, 2006. С. 190.

Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Ч. 1: Народная медыцына беларусаў Падзвіння: у 2 ч. Ч. 1/Склад. У.А. Лобач, У.С. Філіпенка. Наваполацк: ПДУ, 2006.

F. Werenko. Przyczynek do lecznictwa ludowego. Kraków, 1896.

Маничкин Нестор Александрович

*Институт этнологии и антропологии РАН,
к. и. н., научный сотрудник Центра медицинской антропологии,
E-mail: nes.pilawa@gmail.com*

Традиционные знания и трансформации медицинской политики Кубы на рубеже XX–XXI веков¹

Аннотация. Статья посвящена изменениям культурно-социального статуса афрогенных культов и традиционных знаний на Кубе на рубеже XX–XXI веков, когда сантерия, пало и другие религиозно-магические традиции стали вести свою деятельность открыто и беспрепятственно. В качестве причин таких изменений называются политико-экономические преобразования т. н. «специального периода». Повышение статуса традиционных знаний увязывается с правительственными реформами, направленными на использование этнофармакологических знаний и диверсификацию системы здравоохранения.

Ключевые слова: Куба, медицинский плюрализм, этнофармакология, сантерия, традиционное знание, специальный период, здравоохранение.

Annotation. The article is devoted to changes of the cultural and social status of afrogenic cults and traditional knowledge in Cuba at the turn of XX–XXI centuries, when Santeria, Palo and other religious and magical traditions started to practice openly and freely. These changes were determined by political and economic transformations during the so called special period. The raising status of traditional knowledge is linked to the governmental reforms aimed at using ethnopharmacological knowledge and diversifying the health care system.

Keywords: Cuba, medical pluralism, ethnopharmacology, santeria, traditional knowledge, special period, healthcare.

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Важную роль в формировании сложной этнокультурной структуры кубинского народа сыграла работорговля, за время которой (XVII–XIX вв.) на остров были ввезены представители более чем сорока африканских этносов и субэтносов. Сравнительно многочисленным группам колониальные власти позволили сформировать т.н. *кабильдо* — объединения, в рамках которых африканцы могли устраивать праздники, танцы, собрания, оказывать друг другу ту или иную помощь. *Кабильдо* действовали под опекой Римско-католической церкви, что способствовало синкретизации традиционных африканских культов¹. Вместе с нелегальными поселениями беглых рабов (*симаронов*) легальные *кабильдо* долгое время формировали среду, которая аккумулировала и передавала знания в области религии, магии, музыки, целительства и натуропатии. Благодаря деятельности таких организаций и семейной передаче традиционные знания афрокубинцев не исчезли, но оформились внутри религиозно-магических систем, наиболее значимыми из которых принято считать *сантерию* (*регла де оча*), *абакуа* и *пало* (*регла де конго*).

Сантерия основана на традициях *йоруба*. Ее приверженцы почитают *ориша* — сущностей, между которыми распределены различные сферы бытия. Члены тайного общества *абакуа* поддерживают мистериальный культ, корни которого находятся в этноисторическом районе Калабар (Западная Африка). А палеро (приверженцы *пало*), конструирующие свою религиозно-магическую деятельность вокруг духов мертвых и сущностей *нкиси*, сохраняют наследие целого ряда народностей *банту*. Также на Кубе существуют традиции *арара* и *вуду* (обе наследуют культуре народов Гвинейского залива, но *вуду* транслирует таковую уже через опыт соседнего Гаити) и различные вариации спиритизма, в той или иной степени подверженные влиянию африканских культов.

Представители афрокубинских традиций отождествляют духов из своих пантеонов с католическими святыми, а также признают и почитают единого бога-творца. В ритуалах часто задействуются различные природные компоненты и ингредиенты, особенно растительного происхождения. Культы влияют друг на друга, причем многие адепты имеют «перекрестные посвящения» сразу в нескольких традициях, а спиритизм представляет собой систему, аффилированную со всеми традициями².

Сложный синкретический континуум обуславливает плюральную картину мира. Будучи многосоставной, она имеет некоторые характерные, общие для большинства афрогенных карибских культов черты: первостепенная роль духов мертвых, которые могут передавать свою волю

в трансе одержимости или посредством мантических практик, наличие пронизывающей мироздание и человека силы или энергии (*аче в сантерии*), богатый свод этноботанических знаний, сложная система жертвоприношений и подношений, ранжирование натурального мира (растений, животных, минералов) в соответствии с видами и родами духовных сущностей. Перекосы в функционировании энергии аче, козни злых духов, гнев предков и святых, как считают приверженцы афрокубинских культов, могут быть причиной неудач и болезней, для обозначения которых в *сантерии* существует общее понятие *осорбо* (*осогбо*). Напротив, благорасположение духов и следование человека рекомендованному пути формируют благо — *ире*. Баланс *аче* поддерживается при помощи развитого религиозно-магического инструментария, целительских и очистительных ритуалов, соблюдения табу, проведения спиритических практик.

От «черной магии» к «позитивному фольклору»

Правящие круги Кубы долгое время сохраняли негативное отношение к афрогенным культам и традиционным знаниям, которые те несут. В колониальный период это отношение было следствием религиозной политики: испанская монархия, верная католицизму, стремилась к эвангелизации подданных, устранению следов язычества и колдовства. После освобождения от испанского владычества и с наступлением секуляризации «языческие пережитки» превратились в «следы варварства и примитивных культов». Не вникая в частности, господствующие слои трактовали традиционное знание афрокубинцев как черную магию (при этом аристократы и буржуа сами нередко обращались за помощью к африканским целителям и прорицателям). Это отношение начало меняться в первой половине XX в., когда кубинские интеллектуалы, в первую очередь литераторы и ученые, обратили внимание на культуру чернокожих, и попытались вписать ее в новые, призванные противостоять экспансионизму США конструкции национальной идентичности Кубы. Особую роль в этом процессе играли первые кубинские этнографы и фольклористы (Фернандо Ортис, Ромуло Лачатаньере), а также их ученики и позднейшие продолжатели (Лидия Кабрера, Наталия Боливар и другие). Благодаря деятельности кубинских интеллектуалов афрокубинские культы стали определяться через призму фольклора, а не через призму колдовства³.

Позднее, уже в коммунистические времена, этот подход использовался для деления африканского наследия на «позитивный фольклор» (полезный для производства идеологически выдержанных образов) и «нега-

тивный» («пережитки» архаических культов). В первую категорию попали преимущественно образы и практики *сантерии*, несколько более комплексные европейской культуре. Культурно-социальный статус *пало, вуду* и *абакуа* — сравнительно ниже. Образы и практики этих традиций реже используются в туристической сфере и торговле, обычно не актуализируются в политической повестке дня, а некоторые их аспекты и вовсе дезавуируются. В то же время все афрогенные культы Кубы давно завоевали себе место в музыкально-танцевальной индустрии страны.

После прихода к власти Фиделя Кастро в 1959 г. и торжества марксизма на Кубе традиционные знания, народная медицина и духовное целительство долгое время рассматривались через призму исторического материализма. *Сантерия* и другие культы трактовались как «отсталые» культурные формы, подпитывающие себя безграмотностью, негативными последствиями социального и расового неравенства — всеми теми вещами, которым кубинская революция объявила войну. Религия в целом, будь то католицизм или различные афрогенные культы, рассматривалась как несовместимое с марксизмом и отживающее свой век явление⁴. Хотя конфронтация с католической церковью велась куда активнее, под удар попали и общины афрокарибских традиций. Открытое проведение обрядов и церемоний было зачастую затруднительно или невозможно, рынок религиозно-магической параферналии и колдовских услуг действовал подпольно, а многие кубинцы скрывали свою принадлежность к тем или иным культам, демонстрируя на работе и в обществе приверженность генеральной линии партии. Это положение вещей стало меняться только во время так называемого *специального периода*. Во многом религиозную либерализацию подстегнул визит папы римского Иоанна Павла II на Кубу в 1998 г., когда Ватикан выступил против торгового эмбарго США, а коммунистическая Гавана в ответ освободила часть политзаключенных и пошла на примирение с католицизмом.

Так называемый *специальный период в мирное время* был введен на Кубе для преодоления тяжелейшего экономического кризиса, постигшего страну в результате распада СССР и международной социалистической системы с одной стороны и ужесточения действия экономических санкций США — с другой. Оставшись без финансовой, продовольственной и топливной поддержки Советского Союза, Куба была вынуждена срочно реформировать и диверсифицировать национальную экономику и при этом частично отступить от принципов социализма. В 1995 г. был принят закон об иностранных инвестициях, который привлек частный

капитал в специально созданные для этого зоны. Правительство открыло страну для туризма, ввело двойную финансовую систему, перестроило ориентированный на экспорт сахара аграрный комплекс, разрешило гражданам вести мелкий бизнес, а также провело ряд реформ в области здравоохранения.

Падение экономики в 1991–1995 гг. привело к голоду, повальному авитаминозу, росту детской смертности, увеличению показателей по целому ряду заболеваний, нехватке медицинских средств и лечебных препаратов. В период 1990–1995 гг. каждый взрослый кубинец потерял от 5% до 25% массы тела⁶. В пиковый 1993 г. 27% взрослых кубинцев потеряли более 10% массы тела⁷.

В 1991 г. власти острова приняли программу «Цели, задачи и рекомендации по улучшению здоровья населения Кубы 1992–2000 гг.». В стране появились корпорации, возникли платные медицинские услуги для иностранных туристов, оформилась сеть международных аптек⁸. Для внутреннего потребителя были проведены реформы, в первую очередь направленные на обеспечение медицинскими услугами и лекарствами уязвимых слоев населения. Было запущено импортозамещение в фармацевтической сфере. В рамках этой стратегии западная медицина в государственном здравоохранении была дополнена другими медицинскими системами: восточной традиционной медициной и натуральной медициной, основанной на традиционных знаниях, отношение к которым теперь изменилось⁹.

Вместе с реформой здравоохранения и развитием туризма государственные и общественные структуры пересмотрели отношение к афрокубинским религиозным обрядам, которые все чаще стали рассматриваться как фольклорный материал, полезный для развития яркой, зрелищной музыкально-танцевальной культуры и привлечения поступлений в бюджет. Постепенно этот процесс зашел так далеко, что на продажу для иностранцев стали «выставляться» и сами обряды: прорицания, исцеления, очищения и инициации — эти процессы осуществляются как в частном порядке, так и под контролем государства. В стране произошел бурный рост религиозности, причем афрогенные культы смогли серьезно повысить свой социальный статус: в 1991 г. возникла Культурная ассоциация кубинских йоруба, а в 1992 г. — Бюро абакуа. Обе структуры финансируются и контролируются правительством. Расцвету афрогенных культов способствовали не только религиозный туризм, общая духовная либерализация и признание государством медицинской актуальности тра-

диционных знаний, но также рост городского населения и появившийся во время специального периода кластер неформальной экономики — изнуряющий граждан дефицит, подпольный рынок, спекуляция, увеличение общего стресса и конкуренции способствовали бурному возрождению магических практик, способных структурировать и канализировать энергию бытовой и социальной напряженности.

Этнофармакология: афрокубинские травники выходят из подполья

Альтернативные западной медицине практики, включая фитотерапию, на Кубе исследовались и внедрялись в отдельных областях, прежде всего в оборонной сфере, задолго до *специального периода*, однако на общенациональный уровень они вышли только в 1995 г., когда была принята *Национальная программа традиционной медицины и натуропатии*. Подготовкой к внедрению такой программы стала реализация инициатив 1989 г., когда правительство поставило государственным службам задачу обеспечить доступ населения к безопасным и эффективным растительным лекарственным средствам.

Ключевая фигура традиционного кубинского травничества — *йерберо* (травник). Другое название *йерберо* — *осаиниста* (osainista), т. е. посвященный ориша Осаина, хозяина дикой природы, покровителя колдовства. Как и другие ориша, Осаин представлен в виде определенных сакральных объектов, которые «кормятся» кровью жертвенных животных и «обслуживаются» в ходе сложных религиозных церемоний. Осаин дает благословение на сбор растений, принимает подношения, наполняет своих адептов энергией *аче*, необходимой для составления целительских средств. Он может помогать своим адептам в разных целях, как в положительной магии, так и во вредоносной. Осаин крепко связан не только с миром леса, но и с духами мертвых. Подобно иным *ориша*, Осаин имеет своего католического аналога (св. Сильвестр) и свои синкретические параллели в других традициях (*пало*, *арара*). Травники считаются людьми, которым Осаин даровал особые умения и знания.

Долгое время *осаиниста* действовали подпольно. Им удалось сохранить и передать богатую этноботаническую традицию, и они закономерным образом стали основным источником информации для исследователей, получивших в ходе реформ *специального периода* государственное задание изучить и проверить эмпирическим путем народные знания о целебных свойствах природных материалов, главным образом растительности. С разрешением на Кубе мелкого частного предпринима-

тельства деятельность *осаиниста* была узаконена, подвергнута профессиональному надзору и налоговому контролю. Травникам разрешили легальный сбор и продажу растений и некоторых препаратов из них, однако сначала каждый *осаиниста* должен пройти курсы этнофармакологии, на которых его познакомят со списком разрешенной к реализации продукции, а также проинструктируют относительно мер безопасности при обращении с токсичными растениями.

В 1990-е гг. количество травников на Кубе сильно увеличилось: дар Осаина обнаружили в себе не только уже погруженные в традиционное знание *йерберо*, но и представители самых разных профессий. В условиях возродившейся религиозности и недостаточности аптек профессия травника стала прибыльной, даже несмотря на чрезвычайно высокие налоги и разнообразные ограничения со стороны государства. В настоящее время далеко не все травники придерживаются ритуального распорядка при сборе целебных и священных растений, не все из них посвящены в *сантерию* (или иные культы), не все имеют святыни, воплощающие Осаина. Государство, разумеется, таких требований не предъявляет, а массовый потребитель все чаще полагается не на духовность и религиозный статус продавца, а на его грамотность, законопослушность и аккуратность. Тем не менее, многие кубинцы все еще предпочитают покупать травы у *йерберо*, работающих «по старинке» — с ритуальными песнопениями и приношениями, соблюдением суточного цикла в сборе растений, следованием табу.

Растительный мир Кубы очень богат, а этнофармакологическая традиция все еще полностью не изучена. По данным исследователей, травники Гаваны предлагают населению не менее 420 видов растений¹⁰, а травники провинции Камагуэй — не менее 184 видов растений¹¹.

Медицинский плюрализм под контролем государства

В 1991 г. личным распоряжением Фиделя Кастро фитотерапия была внедрена в программу семейной медицины. Вслед за этим Министерство народного здоровья опубликовало подробный обзор допущенных к реализации лекарственных растений. Этот документ периодически обновляется. В 1992 г. в качестве пособия для дипломированных фармацевтов и народных травников была опубликована брошюра, в которой описывается 233 фитотерапевтических средства. В 1996 г. был учрежден Центр по контролю и качеству лекарственных средств. Он, в свою очередь, разработал специальную форму для заявок на регистрацию, продление или изменение регистрационного статуса лекарственных средств.

В 2002 г. правительство Кубы выпустило положение о внедрении народной медицины в государственное здравоохранение. Эти шаги были сделаны в рамках *Национальной программы традиционной медицины и натуропатии*. В 1999 г. данная программа была обновлена и дополнена. В обосновании программы лежит принцип разделения медицинских систем по культурно-антропологическому признаку на три категории: научная или доказательная медицина, традиционная медицина и местная медицина. К традиционной медицине отнесены системы знаний, имеющие письменный свод текстов (восточные медицины), а к местной — медицинские системы Африки и Америки, то есть традиционное знание, накопленное и переданное в рамках афрокубинских культов. Реализация программы подразумевает упорядоченное, сертифицированное и контролируемое производство, распространение, назначение и использование натуральных препаратов, реализацию образовательной деятельности и подготовки кадров, развитие соответствующих исследований.

Выводы

Трансформация медицинской политики Кубы, ставшая следствием политико-экономических и культурных преобразований специального периода, вывела из подполья травников *осаиниста* и упорядочила их деятельность по сбору и реализации целебных и священных растений. Вместе с тем многие травники отошли от традиционных, религиозно-магических практик и ограничивают свою деятельность только соблюдением требований государственного контроля.

Апроприация этнофармакологических знаний, проведенная государством в целях создания развитого рынка растительных препаратов, способствовала легитимации традиционного знания и общему повышению культурно-социального статуса афрогенных культов Кубы. Другим фактором стала политика, направленная на развитие туризма. Коммерциализация *сантерии* и иных афрокубинских культов видится неизбежным следствием экономических и культурных процессов, постигших Кубу в конце XX — начале XXI вв.

Пройдя путь от религиозной и расовой дискриминации через отвержение со стороны «просвещенного общества» до обретения статуса этнокультурного и фольклорного наследия, традиционное знание афрогенных культов вместе с легитимацией и эмансипацией таковых в наше время стало одной из важных, репрезентативных составляющих кубинской действительности. К этому знанию теперь обращаются не только за

действовавшие в его сфере люди, жрецы и члены афрокубинских общин, не только антропологи, фольклористы, музыканты, литераторы и художники, но и исследователи, занимающиеся проблемами фармакологии и этноботаники. Традиционное знание афрогенных культов стало важной составляющей медицинского плюрализма, сформированного прагматичной политикой кубинских властей, направленной на диверсификацию медицинских и фармакологических услуг и сохранение социалистической (общедоступной и бесплатной) медицины. Государство задействует широкий пласт фармакологических и иных эмпирически подтвержденных народных знаний, преобразуя и стандартизируя их, но оставляет вне рамок национальной системы здравоохранения ту часть традиционного знания, которую можно назвать спиритуальной или религиозно-магической. Однако эта составляющая не остается невостребованной, она привлекает не только население Кубы, но и многочисленных религиозных туристов.

¹ Bolívar Aróstegui N., González Díaz de Villegas C., del Río Bolívar N. *Ta Makuende Yaya y las Reglas de Palo Monte: Mayombe, Brillumba, Kimbisa, Shamalongo*. La Habana: Editorial José Julián Martí, 2013; Cabrera L. *Reglas de Congo: Palo Monte Mayombe*. Miami: Ediciones Universal, 1986.

² Espirito Santo D. *Developing the Dead*. Miami: University Press of Florida, 2015.

³ Schmidt J.D. The Antidote to Wall Street? Cultural and Economic Mobilizations of Afro — Cuban Religions // *Latin American Perspectives Issue*, 2016. Vol. 43, № 3. P. 164–159.

⁴ Moret E. S. Afro-Cuban Religion, Ethnobotany and Healthcare in the Context of Global Political and Economic Change // *Bulletin of Latin American Research*. 2008. № 27 (3). Pp. 333–350.

⁵ Espirito Santo D. *Developing the Dead*. Miami: University Press of Florida, 2015. P. 22–23.

⁶ Franco M., Orduñez P., Caballero B., Tapia Granados J.A., Lazo M., Bernal J.L., Guallar E., Cooper R.S. Impact of Energy Intake, Physical Activity, and Population-wide Weight Loss on Cardiovascular Disease and Diabetes Mortality in Cuba, 1980–2005 // *Oxford Journals Medicine American Journal of Epidemiology*. 2007. Vol. 166, Issue 12. P. 1374–1380.

⁷ Franco M., Ordunez P., Caballero B., Cooper R.S. Obesity reduction and its possible consequences: What can we learn from Cuba's Special Period? // *Canadian Medical Association Journal*. 2008. Vol. 178 (8). Pp. 1032–1034.

⁸ Brotherton, P.S. Health and Health Care: Revolutionary Period // *Cuba*. 2011. Vol. 1. P. 483.

- ⁹ Appelbaum D., Kligler B., Barrett B., Frenkel M., Guerrero M.P., Kondwani A., Lee B.B., Tattelman E. Natural and Traditional Medicine in Cuba: Lessons For U.S. // Medical Education, MEDICC Review. 2008. Vol. 10, № 1. P. 43–48.
- ¹⁰ Melander M. Endangered plants on the market in Havana City, Cuba // Minor Field Study. Biology Education Center, Department of Systematic Botany, Uppsala University, Sweden, 2007 (<http://files.webb.uu.se/uploader/858/MFS-127melander-marie.pdf>) (Дата обращения: 07.01.2019).
- ¹¹ Godínez-Caraballo D., Volpato G. Plantas medicinales que se venden en el mercado El Río, Camagüey, Cuba // Revista Mexicana de Biodiversidad. 2008. № 79. P. 243–259.

Список литературы

- Appelbaum D., Kligler B., Barrett B., Frenkel M., Guerrero M.P., Kondwani A., Lee B.B., Tattelman E. Natural and Traditional Medicine in Cuba: Lessons For U.S. // Medical Education, MEDICC Review. 2008. Vol. 10, № 1. Pp. 43–48.
- Bolívar Aróstegui N., González Díaz de Villegas C., del Río Bolívar N. Ta Makuende Yaya y las Reglas de Palo Monte: Mayombe, Brillumba, Kimbisa, Shamalongo. La Habana: Editorial José Julián Martí, 2013.
- Brotherton P.S. Health and Health Care: Revolutionary Period // Cuba. 2011. Vol. 1. Pp. 478–485.
- Cabrera L. Reglas de Congo: Palo Monte Mayombe. Miami: Ediciones Universal, 1986.
- Espirito Santo D. Developing the Dead. Miami: University Press of Florida, 2015.
- Franco M., Ordunez P., Caballero B., Cooper R.S. Obesity reduction and its possible consequences: What can we learn from Cuba's Special Period? // Canadian Medical Association Journal. 2008. Vol. 178 (8). Pp. 1032–1034.
- Franco M., Orduñez P., Caballero B., Tapia Granados J.A., Lazo M., Bernal J.L., Guallar E., Cooper R.S. Impact of Energy Intake, Physical Activity, and Population-wide Weight Loss on Cardiovascular Disease and Diabetes Mortality in Cuba, 1980–2005 // Oxford Journals Medicine American Journal of Epidemiology. 2007. Vol. 166, Issue 12. Pp. 1374–1380.
- Godínez-Caraballo D., Volpato G. Plantas medicinales que se venden en el mercado El Río, Camagüey, Cuba // Revista Mexicana de Biodiversidad. 2008. № 79. Pp. 243–259.
- Melander M. Endangered Plants on the Market in Havana City, Cuba // Minor Field Study. Biology Education Center, Department of Systematic Botany, Uppsala University, Sweden, 2007 (<http://files.webb.uu.se/uploader/858/MFS-127melander-marie.pdf>) (Дата обращения: 07.01.2019).
- Moret E.S. Afro-Cuban Religion, Ethnobotany and Healthcare in the Context of Global Political and Economic Change // Bulletin of Latin American Research. 2008. № 27 (3). Pp. 333–350.
- Schmidt J.D. The Antidote to Wall Street? Cultural and Economic Mobilizations of Afro — Cuban Religions // Latin American Perspectives Issue. 2016. Vol. 43, № 3. Pp. 163–185.

Декина Анастасия Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет
студентка 4 курса факультета социологии*

E-mail: as.dekina@gmail.com

Конструирование целевых групп профилактики в российском институциональном дискурсе о ВИЧ-инфекции

Аннотация. В статье рассмотрены брошюры о ВИЧ-инфекции как площадка конструирования социальной проблемы эпидемии ВИЧ в России. Основной вопрос исследования: каким группам людей адресованы эти тексты. Установлено, что в текстах встречаются два варианта перечня групп людей, в отношении которых выдвигаются утверждения-требования, направленные на предупреждение ВИЧ-инфекции: строгий и насыщенный. Строгий вариант включает людей с однозначными характеристиками, практиками, отсылающими к способу инфицирования. Насыщенный перечень содержит конкретные социальные группы. Выделены риторика и стили, усиливающие утверждения-требования.

Ключевые слова: ВИЧ, профилактика, общее население, дискурс, информационно-методический текст, социальная проблема, конструирование социальных проблем

Abstract: This study sets out to investigate HIV information booklets as an arena for construction the social problem of the HIV epidemic in Russia. The aim of the study is to ascertain which parts of the general population are targeted groups grounded in the texts of the information booklets. It was shown that there are two types of the lists of the targeted groups, which based on the claims such as to avoid contagion. These are strict and saturated lists. People who perform certain practices, such as sex without a condom, or have medical indications constitute the strict list. The saturated list contains certain social groups such as women. Rhetorical idioms and claims-making styles of the texts are discussed.

Keywords: HIV, prevention, general population, discourse, HIV educational materials, HIV information booklet, social problem, social problem construction

ВИЧ-инфекция как социальная проблема

По данным Роспотребнадзора, на конец 2019 г. число инфицированных вирусом иммунодефицита человека (далее ВИЧ) в России достигло отметки 1,06 млн человек¹, что составляет приблизительно 0,72% от всего населения страны². Для описания сложившейся ситуации в стране средства массовой информации, медики и политические деятели используют понятие эпидемии, а в социальных науках ВИЧ рассматривается как социальная проблема. Интерес представляет процесс конструирования социальной проблемы непосредственно в инструментах ее устранения. В этом плане иллюстративно знание о том, что представляет собой ВИЧ-инфекция в России, в информационно-методических текстах, направленных на ее профилактику.

В борьбе с эпидемией принимаются комплексы мер, в число которых помимо медицинских (разработка и распространение лекарств), входят профилактические. Профилактические меры включают в себя такие направления деятельности, как: лечение ВИЧ-инфицированных людей для снижения вирусной нагрузки и предотвращения дальнейшего распространения вируса; тестирование населения на ВИЧ-статус; информирование незаболевшего населения о способах профилактики на индивидуальном уровне, а также о последствиях заражения ВИЧ-инфекцией для здоровья и социальной жизни человека. О том, как не заразиться, как взаимодействовать с людьми, имеющими положительный ВИЧ-статус, и по другим смежным вопросам медицинские учреждения и общественные организации информируют население посредством листовок, брошюр, плакатов, интернет-статей, аудио- и видеороликов, публичных мероприятий, обобщенно — посредством информационно-методических текстов.

Далее информационно-методические тексты рассматриваются как механизм конструирования социальной проблемы эпидемии ВИЧ. Цель исследования: выяснить, какие социальные группы становятся целевыми группами профилактики в институциональном дискурсе о ВИЧ-инфекции, воспроизводимом в информационно-методических текстах и то, какими средствами эти группы утверждаются, объективируются в текстах.

Материал исследования составили восемь брошюр о ВИЧ-инфекции, которые распространялись в Санкт-Петербурге в пунктах проведения тестов на ВИЧ, на акциях по профилактике ВИЧ в высших учебных заведениях и на общегородском форуме «Проблемы ВИЧ/СПИДА в молодежной среде: пути решения и профилактика» в 2018 г., а также материалы наблюдений, сделанных на названном форуме.

Данное исследование базируется на парадигме социального конструкционизма. Для определения социальной проблемы используется понятие П. Ибарра и Дж. Китсьюза о деятельности индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых условий-категорий, где условия-категории — это типизации социально определяемых активностей и процессов, используемые в практических контекстах с целью производства значимых описаний и оценок социальной реальности^{3,4}. В нашем случае есть факт существования в России определенного количества людей, являющихся носителями ВИЧ-инфекции. В связи с этим появляется условие-категория: эпидемия смертельно опасного вируса — ВИЧ. Есть группы и отдельные индивиды, выражающие беспокойство, недовольство относительно этого, они выдвигают утверждения-требования в общем виде — «избавить кого-то в России от эпидемии смертельно опасного вируса — ВИЧ» — это суть социальной проблемы эпидемии ВИЧ-инфекции.

Деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых условий-категорий представляет собой специфический дискурс. Дискурс — это регламентированная, структурированная практика использования знаков, которая может выступать как речь, текст, дискуссия, изображение или другая практика использования символов индивидами, следующими социально закрепленным правилам⁵. Рассматриваемые информационно-методические тексты разрабатываются учреждениями здравоохранения и общественными организациями, являются частью институционального дискурса о ВИЧ. Данный вид дискурса характеризуется ограничением взаимодействия субъектов рамками статусно-ролевых отношений и использованием знаков, соответствующих определенному социальному институту⁶. В нашем случае основное статусно-ролевое отношение, возникающее в ситуации, когда брошюра о ВИЧ попадает в руки читателю — это отношение эксперт-обыватель, за которым стоит отношение врач-пациент. Дискурсу о ВИЧ-инфекции свойственны знаки института здравоохранения, такие как — «эпиде-

мия», «половой контакт», собственно «ВИЧ-инфекция», «иммунная система», «дискордантные пары» и т. д.

Настоящее исследование ставит следующие вопросы: кому адресованы информационно-методические тексты о ВИЧ-инфекции, кого касается проблема ВИЧ-инфекции в первую очередь, по отношению к каким людям нужно применять меры по устранению социальной проблемы по мнению авторов/заказчиков текстов. То есть предпринимается попытка установить, как детализируются условия-категории и утверждения-требования на предмет неких объективно существующих социальных групп. Таким образом, под целевыми группами профилактики ВИЧ-инфекции понимается совокупность дискурсивно сконструированных социальных групп, на которые прямо или косвенно ориентировано производство и распространение информационно-методических текстов, направленных на профилактику ВИЧ-инфекции, которая является необходимым компонентом условий-категорий и утверждений-требований.

Целевые группы профилактики. Рассматриваемые информационно-методические тексты содержат непосредственное выдвигание утверждений-требований избавить кого-то (не называя, кого именно) от условия-категории («эпидемия смертельно опасного вируса — ВИЧ»). Конкретизированными утверждениями-требованиями являются: пройти тестирование, избегать инфицирования, получать лечение в случае заражения. Утверждения-требования излагаются детализованно, вследствие чего проявляются целевые группы профилактики: люди, занимающиеся сексом без презерватива; люди, использующие шприцы, лезвия, иглы для бодимодификаций, которыми пользовались другие люди; ВИЧ-инфицированные люди; люди, обладающие определенным набором симптомов.

Понятие «группа риска» в рассматриваемых информационно-методических текстах не используется. Оно практически вышло из исследуемого институционального дискурса в силу смысловой нагрузки, закрепляющей его на крайне сенситивных темах гомосексуальности и проституции. Такую смысловую нагрузку данное понятие приобрело на начальном этапе институционализации ВИЧ-инфекции в России в 1980-е годы⁷. Целевые группы профилактики не получают общего названия в текстах, кроме как те, «кому нужно сдать тест на ВИЧ».

Сравним компоненты утверждений-требований, содержащие информацию о том, кому / в каких случаях следует пройти тестирование или чего избегать, когда предполагаемая ситуация касается секса и использования шприцев.

Вариант 1:

«Есть несколько путей инфицирования, включая: незащищенный секс (без использования презерватива)... использование шприцев, лезвий, игл для пирсинга и тату, которыми уже пользовались другие люди»⁸;

«Как защититься от ВИЧ-инфекции: использовать презерватив при сексуальных контактах, особенно если вы с недостаточно хорошо знакомы с партнером... Пройти тестирование обязательно нужно, если вы делали инъекции в компании других людей, используя общий шприц, иглу или емкость...»⁹;

Вариант 2:

«Отказ от использования внутривенных наркотиков (если не можете отказаться от них, никогда не пользуйтесь чужими шприцами и иглами)»¹⁰;

«Кому нужно сдать тест на ВИЧ: людям, употребляющим наркотики и их половым партнерам; людям с беспорядочными половыми связями; мужчинам, практикующим секс с мужчинами; работникам коммерческого секса; людям, имевшим секс без презерватива»¹¹.

В первом варианте фигурируют только секс без презерватива и использование шприцев. Во втором варианте также фигурируют просто секс без презерватива и использование шприцев, но вместе с ними в один ряд добавляются их частные случаи — употребление инъекционных наркотиков и коммерческий секс без презерватива, вплоть до исчезновения исходной посылки с трансформацией в коммерческий секс и употребление наркотиков. Так в тексты включаются социальные проблемы проституции и наркомании. Если рассматривать информационно-методические печатные тексты как публичные арены, то можно сказать, что в текстах происходит конкуренция социальных проблем¹².

Женщины и ВИЧ

Большинство рассматриваемых текстов включают информацию о том, что один из путей заражения — путь ребенка от ВИЧ-инфицированной матери во время беременности, при родах или при грудном вскармливании. Но два текста развивают этот сюжет дальше. Первый текст содержит отдельный параграф «Женщины и ВИЧ», где приводится история женщины с ВИЧ, родившей ребенка. Также этот текст содержит параграф «Могут ли ВИЧ-инфицированные родители иметь здоровых детей», где тоже представлена история женщины с ВИЧ, родившей ребенка. Первая половина второго текста¹³ выполнена в виде комикса, где

рассказывается история женщины, которая заразилась ВИЧ от мужчины, забеременела, вышла за него замуж и заразила своего ребенка, так как воздержалась от лечения. Женщина конструируется как очень занятая, гетеросексуальная, ориентированная на семью, несколько беспечная в плане своего здоровья, но ответственная за здоровье своих детей:

«Большинство женщин никогда не сдавали анализы на ВИЧ-инфекцию или сдавали довольно давно, когда собирались стать мамами: во время беременности тестирование на ВИЧ обязательно. Они всегда спешат: на работу, потом домой к любимой семье, в спортзал, к друзьям, и им некогда посещать врача, некогда даже задуматься о том, все ли у них в порядке... Женщина, которая живет с ВИЧ, может: ...учиться и работать, создавать семью, даже если ее будущий муж не инфицирован ВИЧ, рожать и воспитывать здоровых детей, прожить долгую, счастливую жизнь»¹⁴.

Стоит отметить, что устное обсуждение социальной проблемы ВИЧ-инфекции представляет собой отдельную часть дискурса, и результаты наблюдения на форуме не вполне сопоставимы с анализом текстов. Здесь можно обозначить ряд особенностей. В устном обсуждении понятие «группа риска» встречается:

«В группу риска заражения инфекцией входят: употребляющие наркотические препараты инъекционно; как говорит глава государства, “женщины с низкой социальной ответственностью, т. е. имеющие множество половых связей”; дети от ВИЧ-инфицированных матерей; девушки, использующие современные методы красоты; люди, имеющие много половых партнеров... молодежь — это основная группа риска. Стало модным употреблять наркотические средства»¹⁵.

Кроме того, в связи с данным высказыванием в кругу спикеров из числа медиков и представителей общественных движений на сцене начались споры о корректном способе обозначения женщин, занимающихся проституцией, и о вероятности заражения в таких ситуациях, как, например, маникюр.

В устном обсуждении были упомянуты мужчины:

«Женщины чаще заражаются от инфицированных мужчин, и об этом надо помнить... там больше зараженного вещества, чем в вагинальном секрете»¹⁶.

Остается вопрос, чем, в частности, обусловлены такие различия в текстах и в высказываниях спикеров на форуме и являются ли они неизбежными, если в обоих случаях происходит трансляция экспертного знания.

Инструменты конструирования социальной проблемы ВИЧ-инфекции. В части текстов можно выделить просторечные ресурсы, то есть инструменты конструирования социальной проблемы ВИЧ-инфекции.

Риторика опасности: «Я узнала о своем ВИЧ-статусе на последних сроках беременности и самым страшным для меня было то, что мой ребенок может родиться ВИЧ-положительным. После рождения дочери я полтора года жила в страхе, так как до полутора лет невозможно точно определить, есть ли у ребенка ВИЧ-инфекция»¹⁷.

Риторика неразумности: «“Ты что, мне не доверяешь?” (об использовании презервативов) — особенно великолепен этот вопрос, когда вы едва знакомы. Можно в ответ попросить оформить на него машину или квартиру в кредит — а что, действительно, надо же друг другу доверять»¹⁸.

Риторика спасения: «Именно благодаря ВИЧ моя жизнь изменилась коренным образом, я научилась ценить те вещи, на которые раньше не обращала внимания, я стала более внимательной к окружающим, более лояльной. Я очень стараюсь не проходить мимо чужих бед»¹⁹.

Также просторечными ресурсами являются стили выдвижения утверждений-требований. Стили выражают различные способы вовлеченности в моральные репрезентации и понимания проблемы²⁰.

В неспецифичных частях текстов, касающихся множества целевых групп профилактики, используется научный или наукообразный (упрощенный) стиль: «Пути передачи ВИЧ-инфекции: половой (при половых контактах), перинатальный (от ВИЧ-инфицированной матери к ребенку), парентеральный (при медицинских вмешательствах, при инъекционном введении наркотиков)»²¹.

В частях текстов, посвященных женщинам, преобладает разговорный стиль с элементами личной истории: «Меня зовут Катерина, мне 32 года, я живу с ВИЧ с 2005 г.»²². При этом личные истории от лица мужчины в рассмотренных текстах отсутствуют.

В текстах также встречается комический стиль: «“Бывает, что презервативы рвутся или соскакивают, так смысл вообще ими пользоваться?” — хорошо, прикиньте свои шансы попасть под машину, если вы перебегаете дорогу на красный свет раз в год. Шансов немного, хотя риск все же есть. А если бегать на красный раз в неделю? А если каждый день по 2–3 раза?»²³

Заключение

На сегодняшний день в российском институциональном дискурсе о ВИЧ-инфекции, если обозревать таковой через призму информацион-

но-методических текстов, циркулирующих в Санкт-Петербурге, мы можем наблюдать, что, невзирая на относительную устойчивость институционального дискурса, существуют вариации результатов и способов конструирования целевых групп профилактики. Перечни целевых групп профилактики проявляются в процессе детализации утверждений-требований в двух вариантах. Первый, «строгий» вариант, включает людей с однозначными характеристиками, практиками, отсылающими напрямую к способу инфицирования, опирается на дискурс здравоохранения и воспроизводится в научном или наукообразном стиле. Второй, «насыщенный» вариант, включает людей как членов социальных групп и отсылает к другим социальным проблемам, отличается использованием риторик опасности, неразумности, спасения, реализацией утверждений-требований в разных стилях: научном, комическом, разговорном. В этом варианте выделяются женщины как группа, на которую направлена специфическая профилактическая работа. В то же время, например, мужчины и пожилые люди исключены из текстов. Это стоит считать серьезным недостатком рассмотренных текстов, поскольку, не обращаясь к большей части населения страны, они, предположительно, теряют в своей эффективности.

Для понимания того, каким образом происходит конструирование целевых групп профилактики и социальной проблемы ВИЧ-инфекции в целом, требуются исследования на большей выборке информационно-методических текстов в разнообразных формах (от социальной рекламы до документальных фильмов в видеоблогах с миллионной аудиторией) и исследования, охватывающие детали производства и потребления текстов населением, социальными работниками, медиками, СМИ и представителями власти.

Завершая, хотелось бы заметить, что, в конечном итоге, сами по себе исследования вносят вклад в конструирование социальных проблем, и даже если их природа конструкционистская, они по возможности должны быть направлены на решение этих проблем с помощью того знания и тех методов, которыми пользуются антропологи и социологи.

¹ Число инфицированных ВИЧ в России превысило 1 млн человек. Международная информационная группа «Интерфакс». 01.12.2019. [Электронный ресурс] // <https://www.interfax.ru/russia/686276> (Дата обращения: 15.02.2020).

- ² 146,8 миллионов человек в 2019 г. (Численность мужчин и женщин. Федеральная служба государственной статистики. 30.08.2019 [Электронный ресурс] // <https://www.gks.ru/folder/12781> (Дата обращения: 15.02.2020).
- ³ Конструкционистский подход к социальным проблемам // Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд. Казанского университета, 2004. С. 53.
- ⁴ Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд. Казанского университета, 2007. С. 63.
- ⁵ Keller R. The Sociology of Knowledge Approach to Discourse (SKAD) // Human Studies. 2011. V. 34; № 1. P. 51.
- ⁶ Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / Сб. науч. тр. / Ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 13.
- ⁷ Савельева И., Если вы пишете о СПИДе: Журналистам о СПИДе / ООБФ Российский фонд «Имена». М: Издат. центр «Рубикон», 1999. С. 17.
- ⁸ «Россия тестируйся!» // Фонд помощи в области СПИДа AIDS Healthcare Foundation (АНФ) Россия.
- ⁹ «Частые вопросы о ВИЧ» // Санкт-Петербургский центр СПИД, 2017.
- ¹⁰ «ВИЧ-инфекция» // ПЦБФ «Свеча», СПб ГБУЗ «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями».
- ¹¹ «ВИЧ & гепатит: информация для каждого» // Неизвестный издатель.
- ¹² Пропускная способность средств массовой коммуникации и конкуренция между социальными проблемами // Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд. Казанского университета, 2004. С. 74.
- ¹³ Без названия // ПЦБФ «Свеча», СПб ГБУЗ «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями».
- ¹⁴ «ВИЧ-инфекция и вирусные гепатиты» // СПб БОФМСП «Гуманитарное действие», Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга, 2018.
- ¹⁵ ПМА. 2018. Наблюдение на форуме «Проблемы ВИЧ/СПИДА в молодежной среде: пути решения и профилактика» в Санкт-Петербурге.
- ¹⁶ ПМА. 2018. Наблюдение на форуме «Проблемы ВИЧ/СПИДА в молодежной среде: пути решения и профилактика» в Санкт-Петербурге.
- ¹⁷ «ВИЧ-инфекция и вирусные гепатиты» // СПб БОФМСП «Гуманитарное действие», Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга, 2018.
- ¹⁸ «Делимся фактами, развиваем мифы» // Санкт-Петербургский центр СПИД.
- ¹⁹ «ВИЧ-инфекция и вирусные гепатиты» // СПб БОФМСП «Гуманитарное действие», Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга, 2018.

²⁰ Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд. Казанского университета, 2007. С. 100.

²¹ «ВИЧ & гепатит: информация для каждого» // Неизвестный издатель.

²² «ВИЧ-инфекция и вирусные гепатиты» // СПб БОФМСП «Гуманитарное действие», Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга, 2018.

²³ «Делимся фактами, развиваем мифы» // Санкт-Петербургский центр СПИД.

Список литературы

Keller R. The Sociology of Knowledge Approach to Discourse (SKAD) // Human Studies. 2011. V. 34. № 1. P. 51.

Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд. Казанского университета, 2007. С. 55–114.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / Сб. науч. тр. / Ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000.

Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд. Казанского университета, 2004.

Савельева И. Если вы пишете о СПИДе: Журналистам о СПИДе / ООБФ Российский фонд «Имена». М.: Издат. центр «Рубикон», 1999.

Колдман Северина Дановна

Институт этнологии и антропологии РАН

Центр медицинской антропологии

к. и. н., старший научный сотрудник

E-mail: sev.koldman@yahoo.com

Куклы и возраст: телесность в игре

Аннотация. В статье рассматривается появление на российском рынке авторских шарнирных кукол, изображающих пожилых людей. Данные куклы не предназначены для детской игры, поскольку обладают тонкой детализацией, высоким качеством материалов и, соответственно, высокой ценой. Появление BJD-старушек, изображающих женщин в возрасте около семидесяти лет вне семейных сетов с отведенной им ролью бабушек в молодых семьях, свидетельствует о переосмыслении социальной роли пожилого человека и изменениях в отношении к меняющейся с возрастом телесности.

Ключевые слова: кукла, шарнирная кукла, телесность, постарение общества, пожилые люди, пенсионный возраст, медицинская антропология

Abstract. The article discusses the appearance on the Russian market of BJD depicting elder people. These dolls are not intended for children's play, as they have fine detail, high quality materials, and, accordingly, a high price. The appearance of BJD-old women 70+ without of family sets and the role of granny assigned to them in young families, hints at rethinking the social role of the elderly person in society, and also indicates a change in attitude towards physicality changing with age.

Keywords: doll, BJD, physicality, aging society, seniors, medical anthropology

Изучение человеческого тела — одно из ведущих научных направлений антропологии в целом и медицинской антропологии в частности. Визуализация физического образа человека деятелями искусств из различных материалов, мастерский подход к детализации частей тела — это несомненный маркер особенного внимания. Так, например, изготовле-

ние авторских игровых кукол в виде пожилых людей, демонстрирующих свое нахождение вне привычной для этого возраста социальной роли «бабушек» и «дедушек», — феномен как для игровой среды, так и для социальной. Представление об игре в куклы как обязательном атрибуте детства меняется в современном обществе.

Исследование посвящено современным авторским шарнирным куклам, изображающим пожилых людей вне игровой функции бабушек для внуков из кукольных семейных сетов и сказочных персонажей. Данные куклы предназначены для взрослых.

Для успешного взаимодействия с обществом человеку важно оставаться молодым и здоровым. Что происходит с людьми предпенсионного, пенсионного и пожилого возраста? Для общества они исчезают, становятся незаметными, «сходят с дистанции». За дряхлением тела обычно следует социальная изоляция, которая обусловлена не столько действительными, фактическими причинами снижения активной социализации, сколько представлением о неизбежности таковой.

Очевидно, что восприятие тела, постоянно подвергающегося возрастным изменениям, зависит не от фактических его индивидуальных свойств и возможностей, а от бытующих в обществе представлений. Представляется возможным проследить этот парадокс на антропоморфных игрушках — куклах, которые можно считать демонстрацией телесности. Так, И. А. Морозов считает куклу «знаком человека» или его «образом-символом», выражающимся в игре¹. Вопросы о символизме и функциях кукол можно найти у исследователей М. Л. Бутовской, Н. Л. Пушкаревой, И. С. Слепцовой (Кызласовой), А. П. Липатовой, Ю. Н. Феденок, Е. В. Лопаткиной, Н. В. Романовой, Т. Е. Карповой, Н. О. Осиповой, Е. С. Ивановой и других.

Кукла отражает изменения критериев восприятия человеческого тела в разные культурно-исторические периоды. Изучение взаимодействия человека с куклой дает понимание того, каким образом ее вид оказывает влияние на субъективное восприятие тела — как своего, так и чужого.

В современном мире происходит активное включение в общество людей с физическими недостатками, что также находит свое отражение в образности кукол. Фирма Mattel, изготавливающая кукол Barbie, производит куклу в инвалидной коляске, куклу с ножным протезом, куклу, полностью лишенную волос на голове, гендерно нейтральных кукол, кукол — «пышек» или «толстушек», кукол разного роста, а в 2020 г. вышла новинка — кукла с нарушением пигментации на коже (витилиго)². Дан-

ные изделия призваны помочь адаптировать общество к присутствию маломобильных людей и людей с разнообразными телесными проявлениями. То есть, именно антропоморфная игрушка, имеющая распространение по всему миру, наделяется способностью изменить отношение к внешности людей, которая отличается от внешности большинства. Этот принцип можно назвать «я тебя вижу», что подразумевает признание существования другого, заметно отличающегося и, несмотря на различие, являющегося такой же частью человеческого общества.

Означает ли это, что куклы, изображающие пожилых людей, давно распространенное явление? Фирма Mattel в разные периоды производила кукол, изображающих людей в старшем возрасте, которые являлись частью семейного сета и несли исключительно социальную функцию воспитателей и нянек. Данные куклы, в отличие от куклы с витилиго или куклы с протезом, в изготовлении которых применен специальный подход, не имели фактурных отличий от обычной гладколицей и стройной Барби. Возрастные изменения этих бабушек и дедушек были символическими, в виде нарисованных складок у крыльев носа и светлых волос, вероятно, призванных изображать седину. То есть, в игровой среде ребенка пожилому человеку место отводилось лишь в роли опекуна, некой обязательной семейной единицы, чей внешний вид имеет общие характеристики, но не воспринимался в иной роли.

Современный мир столкнулся с увеличением продолжительности жизни человека и, как следствие, с очевидным старением общества. Число пожилых людей с возрастными признаками на лице, в волосах и в фигуре постоянно увеличивается. В социальных сетях, таких как Instagram, имеется 2 миллиона публикаций с тегом «silverhair», 1,9 миллионов постов «greyhair», около полумиллиона с «silverhairdon'tcare» (букв. «седые волосы не проблема»), через которые люди выражают свое отношение к собственному возрастному изменению. По данным меткам можно видеть не только фото неокрашенных седых волос у мужчин и женщин среднего и старшего возраста, но также модные дорогие окрашивания в седину у людей молодых, чей цвет волос еще не потерял свой пигмент.

Проведение реформ, связанных с пенсионным возрастом в России, правительственные меры и стимулирование методов достижения активного долголетия в странах мира привели к развитию «серебряной экономики» и рынка для пожилых людей. Пожилые люди становятся лицами брендов одежды и косметики, автомобилей, услуг связи (Олег Назаров в рекламной кампании «Tele²») и других. По результатам опроса среди мо-

лодежи³ выявилась готовность приобретать товары и услуги, если их рекламируют пожилые модели. Анонимное анкетирование было проведено автором данного исследования в апреле 2019 г. среди студентов ФГБОУ ВО Российский Национальный исследовательский университет им. Н.И. Пирогова (Москва). В опросе участвовали студенты первого, второго и третьего курсов лечебного, педиатрического и международного факультетов из Москвы и Подмосковья, или приехавшие на обучение из разных стран: России (84%), Украины (0,56%), Белоруссии, Киргизии (1,12%), Туркменистана (1,67%), Таджикистана (1,67%), Узбекистана (1,67%), Армении (0,56%), Приднестровской Молдавской Республики (1,11%), Индии (2,22%), Вьетнама (0,56%), разных государств Африки (3,34%). Всего в анкетировании приняли участие 180 человек в возрасте от 17 до 36 лет; большая часть ответов принадлежит студенткам (77%), что связано с общим преобладанием девушек в данном учебном заведении.

Среди опрошенных 47,3% ответили, что не смотрят рекламу, и не внесли комментариев; это может означать как негативную реакцию или нежелание обсуждать тему, так и нейтральное отношение. Положительно ответили 37% студентов и еще 6,5% выразили удивление «в чем разница?». По их словам, они принимают решение о покупке без какого-либо стимулирования со стороны явной и неявной рекламы, не обращая внимания на актеров. Один анкетированный обнаружил собственную реакцию на вопрос: «Купить этот товар из-за того, что его рекламируют пожилые? Как гарант качества? Нет, это не повлияет на мой выбор». Очевидно, что студент воспринял вопрос не так, как предполагал автор анкеты и другие участники опроса, чем продемонстрировал восприятие, выстраивающееся вокруг представлений о довлеющей авторитетности пожилых людей.

Однозначный ответ «нет» дали 7,1% анкетированных. Таким образом, презентация продуктов людьми с возрастными изменениями во внешности не вызывает негативной реакции у значительной части молодых людей, прошедших опрос. Для подтверждения или опровержения данных результатов необходимо продолжить исследование среди студентов как медицинских, так и немедицинских учебных заведений.

Представление об игре в куклы как процессе, который определяется возрастом, изменяется в современном обществе. Так, куклы Barbie пользуются популярностью у взрослых людей как женского, так и мужского пола. Кроме них популярны японские и корейские изделия, шарнирные и нешарнирные куклы размером от 5 до 40 см. Провальная для детской

аудитории кукла Blythe (Блайз) ⁴ «сделала» головокружительную карьеру среди взрослых. Эта большеголовая кукла с маленьким телом стала модным атрибутом: прошитый высококачественной козьей или овечьей шерстью скальп, дорогой макияж от талантливых художников, кожаная обувь (длина по стельке — около 3 см), щедро вышитое вручную пальто, натуральная шуба — все это призвано демонстрировать развитый вкус и соответствующие доходы владелицы куклы. Мастера и художники собирают очереди из заказчиков, которые по полгода ожидают наряды для своих кукол. Стоимость кукольных изделий нередко значительно превышает цену обуви и одежды для человека.

Услуги по росписи кукол и шитью нарядов для них стали популярны в связи с появлением так называемых BJD⁵, которые производятся таким образом, чтобы у покупателей оставалось поле для творчества. Поражающие анатомически проработанные и весьма дорогие изделия нашли своих поклонников и среди мастеров, что привело к развитию рынка авторских шарнирных кукол. Среди разнообразных образцов активного кукольного творчества, среди эльфов и монстров всех сортов автор исследования обнаружил крайне редкий образ — авторских кукол, изображающих пожилых женщин, от мастера А. Соцковой (Россия, Москва).

Куклы А. Соцковой изображают пожилых женщин и мужчин в возрасте около семидесяти лет. В результате экспериментов мастер остановила свой выбор на женщинах и творит два вида «бабушек» под именами Маша и Лиза, имеющих разные молды⁶. Эти куклы имеют возрастные признаки на лицах и телах: потерявшую упругость грудь, обвисшую кожу на животе и ягодицах, старческие локти, артритные конечности. У Маши и Лизы одно плечо выше другого, слегка сутулая спина. Мастеру не сразу удалось добиться нужных пропорций и динамики суставов (не слишком подвижных ввиду «возраста»), равно как и устойчивости куклы в целом. Рост куклы — 24 см, суставы имеют 16 шарнирных соединений, что идентично куклам, изображающим молодых или безвозрастных BJD-персонажей.

Макияж Маши и Лизы, или ООАК⁷, выполнен мастером вручную. Кроме росписи молда, произведен блашинг (тонирование) тела куклы, нанесены «пигментные пятна» и оттенки различных участков кожи; все материалы закреплены клиром (лак-спрей) японского производства, который не позволяет красителям размыться. Однако рекомендуется избегать попадания влаги на куклу и в качестве ухода протирать мягкой тканью, во избежание повреждения ООАК. Поскольку авторские куклы

выполнены из полиуретана, их нельзя ронять: это может привести к расколу тонких деталей куклы.

Парик седых волос Маши выполнен из натуральной неокрашенной шерсти козы, имитирующей седину. Причем подбор именно козьей шерсти предпринят ввиду тонкости волоса животного, который соответствует размеру куклы. Человеческий волос пропорционально не подходит изделию такого размера.

Характер своих бабушек А. Соцкова определяет как милый и душевный, по ее мнению, Маша и Лиза получились «немного хитрые». Действительно, очередной тираж кукол Александра презентовала в виде активных старушек на мотоциклах, в кедах и спортивных майках. Данный образ кардинально отличался от первых изделий этого молда (в шерстяных платках на головах), что привлекло к нему внимание покупателей и исследователей.

Свой творческий путь к BJD-бабушкам Александра Соцкова начинала с семейных пар: бабушек и дедушек со светлой и темной кожей. А сама идея куклы, изображающей возрастного человека, возникла из желания создать Бабу-Ягу. В результате появились старушки вне игрового семейного сета, выполненные в соответствии с современными представлениями о шарнирной кукле.

Цена за изделие А. Соцковой варьируется от 20 до 25 тысяч рублей, а само изделие пользуется спросом у покупателей. Коллекционерам важны качество выполненной работы, редкость образа и малотиражность производства, поскольку такие изделия со временем растут в цене. Люди, увлекающиеся куклами, делают свой выбор в пользу покупки Маши или Лизы из-за желания игры в «полную семью», для участия куклы в игре в качестве маргинального образа или из чувств ностальгии и умиления («трогает до слез»). Имеются и негативные комментарии, например, один из отзывов: «Жутко». В интервью для данного исследования⁸ Александра объяснила возможные причины такой реакции. Своих первых кукол она выставяла в блог для получения объективных отзывов, и, соответственно, эти изделия были сфотографированы нюд⁹ с целью демонстрации работы начинающего мастера, что могло вызвать негативную реакцию.

С целью эксперимента автор исследования завела блог в социальной сети Instagram для куклы Маши от А. Соцковой под названием @marryelderberry¹⁰. Со временем стало понятно, что заполнение блога фотографиями куклы само содержит в себе игровой элемент, или мо-

жет быть рассмотрено как игра субъекта среднего возраста в активную старость. Аналогично тому, как дети воспроизводят взрослую жизнь, человек среднего возраста, играющий в куклу-старушку, воспроизводит свою несуществующую в реальности старость, пропуская ее образы сквозь призму собственного мироощущения, в котором доминируют представления о наличии физической и социальной активности, увязанные в данном случае с возрастными изменениями, отраженными в виртуальной внешности.

Интересно, что с фотографиями Маши в блоге происходят казусные ситуации, когда автор исследования получает личные сообщения от интернет-ботов с предложениями романтических знакомств. Стоит отметить, что настройки этих программ не отличают по фото BJD-куклу от живого человека, причем человека с ярко выраженными признаками старения на лице и в фигуре. Можно предположить, что разработчики ботов ориентировались на открытую демонстрацию лица, фото в полный рост, непринужденные позы, что, вероятно, приписывается людям исключительно молодым, которым нечего скрывать и стесняться.

В интервью с мастером из Польши Катажиной Здроевской¹¹, также изготавливающей шарнирных кукол-старушек, выяснилось, что ее изделия предназначены для кукольного домика. Ее бабушки, а также изредка создаваемые ею дедушки, определенно несут функцию пожилого родителя для «детей» и няньки для «внуков». Впрочем, признается Катажина, она не знает, какие роли отводят ее изделиям покупатели в дальнейшем. Куклы Катажины не обладают такой детализацией, как изделия А. Соцковой, что, возможно, связано с небольшим ростом куклы — формат 1/12 (от 12 до 15 см). В разговоре о возможном изменении характера игры куклой, изображающей пожилую женщину или мужчину, Катажина высказала категорическое мнение, что «старости не победить молодость» (буквальный перевод с польского). Катажине не интересно создавать кукол вне игрового сета. Пожилой человек, в ее представлении, всегда часть семьи и должен к этому стремиться. И смелые решения фирмы Mattel, выпускающей кукол с внешними признаками инвалидности или гендерно нейтральных кукол, ее пугают. Сама Катажина, экономист по образованию, на момент интервью являлась матерью троих детей и домохозяйкой. Изготовление кукол для нее — хобби, приносящее небольшой доход.

Таким образом, среди мастеров BJD и любителей кукол встречается стереотипное представление о пожилом человеке как о некоем функциональном придатке молодой семьи. Изделия А. Соцковой уникальны

в своем роде — благодаря нетипичному отношению к старению и возрастной телесности со стороны мастера. Автору статьи на момент исследования не удалось найти изделия, аналогичные изделиям А. Соцковой.

Катажина и Александра — ровесницы, родившиеся в начале 1980-х гг. В своем интервью Катажина сообщила, что не считает старость красивой. Александра рассказала, что получает эстетическое удовольствие от лепки старческих форм; ее завораживает в своем изделии все, включая искривленные артритом пальцы. По ее мнению, тело пожилого человека может быть красивым. Разумеется, изготовление изделий ручной работы подразумевает получение удовольствия кроме материальной выгоды от их продажи. Как считает исследователь Н.В. Романова, кукла — это воплощение эстетических пристрастий¹². В этом различие подхода Катажины и Александры: для одного мастера важнее идея полной семьи, для другого — женского тела, не теряющего природной красоты с возрастом. Также существует мнение, что автор создает свое подобие, моделирует образ себя в настоящем и «желаемом облике»¹³. Однако сложно предположить, что сама Александра и покупатели ее изделий рассматривают образ личного старения как желательный и стремятся к нему. О покупателях пожилого возраста около семидесяти лет автору данного исследования неизвестно. В данном контексте интерес, формирующийся вокруг куклы, изображающей пожилого человека, вероятно, обусловлен желанием выйти за рамки действительности, проникнуть в другую реальность¹⁴. Появление авторских BJD-старушек и проявление интереса к ним со стороны людей молодого и среднего возраста демонстрируют изменения в восприятии¹⁵ социумом пожилых людей. Современные игровые практики демонстрируют смещение фокуса внимания с молодых стройных Barbie на реалистичных «старушек». И, таким образом, возрастные изменения тела воспринимаются играющими не только как естественные, но и внешне привлекательные. Становится очевидным, что данный феномен ставит перед антропологами новые исследовательские задачи.

В России появилась новая досуговая деятельность для взрослых людей, и в их игровую повседневность постепенно входят куклы, изображающие пожилых людей. Создание BJD-старушек можно считать проявлением нового отношения к телесности. Однако пока эти куклы остаются дорогим увлечением взрослых и не предназначены для детей. Возможно, такие лидеры кукольного производства, как Mattel, приступят к изготовлению кукол, изображающих пожилых людей в ситуациях физической активности (Barbie-старушка на лыжах, Barbie-дедушка с доской для сер-

финга, и прочее). Тогда можно будет говорить о том, что у людей с детского возраста формируется корректное отношение к собственному старению и пожилым людям в окружении. Это, несомненно, способствовало бы снижению уровня негативной стигматизации тела с возрастными изменениями, подобно тому, как аналогичный процесс разворачивается благодаря куклам в виде людей с инвалидностью или людей с витилиго.

¹ Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011.

² Barbie Fashionistas Doll #135 with Vitiligo [Электронный ресурс] // <https://barbie.mattel.com/shop/en-us/ba/barbie-fashionistas-doll-135-ghw51> (Дата обращения: 17.02.2020).

³ ПМА (Полевые материалы автора). Опрос, проведенный Колдман С. Д. в 2019 г. среди студентов РНИМУ им. Н. И. Пирогова, на тему вечной молодости/долгожительства в г. Москва, Россия.

⁴ Blythe Doll History and Reincarnation Explained [Электронный ресурс] // <https://www.thisisblythe.com/blythe-doll-history-and-reincarnation-explained/> (Дата обращения: 17.02.2020).

⁵ Ball-Jointed Dolls — куклы на шаровых шарнирах, с большой подвижностью (изредка встречаются другие формы шарниров).

⁶ Молд (амер. mold — форма, англ. mould — формовать, лепить) — литейная форма, использующаяся для тиражирования той или иной части, а также продукции в целом из различных материалов с их последующим затвердеванием.

⁷ ООАК (eng. One Of A Kind) — английский акроним, дословно обозначающий «единственный в своем роде», «уникальный экземпляр».

⁸ ПМА. Записано Колдман С. Д. в 2019 г. от Соцковой (Суходольской) Александры, в г. Москве, Россия.

⁹ Нюд (англ. nude — обнаженный) — раздетая кукла без стокового аутфита.

¹⁰ Маша Бузина [Электронный ресурс] // URL: <https://www.instagram.com/maryelderberry/> (Режим доступа: 17.02.2020).

¹¹ ПМА. Записано Колдман С. Д. в 2019 г. от Здравоевской Катажины (Польша, Познань) в г. Москва, Россия.

¹² Романова Н. В. Кукла как эстетический текст культуры: специфика языка // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4 (42). С. 81.

¹³ Политова М. А. История кукол: традиции и современная жизнь // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2014. № 7. С. 77.

¹⁴ Морозов И. А., Слепцова (Кызласова) И. С. Игра: образ мышления. Стиль поведения. Конструирование реальности // Личность: игра и реальность/

Сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова (Кызласова); отв. ред. М. Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 9.

¹⁵ Морозов И. А. Трансформация личности в игре: игра с куклой // Личность: игра и реальность / Сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова (Кызласова); отв. ред. М. Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 66–67.

Список литературы

Морозов И. А. Трансформация личности в игре: игра с куклой // Личность: игра и реальность / Сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова (Кызласова); отв. ред. М. Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 66–67.

Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011.

Морозов И. А., Слепцова (Кызласова) И. С. Игра: образ мышления. Стиль поведения. Конструирование реальности // Личность: игра и реальность / Сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова (Кызласова); отв. ред. М. Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2010.

Романова Н. В. Кукла как эстетический текст культуры: специфика языка // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4 (42). С. 75–81.

Политова М. А. История кукол: традиции и современная жизнь // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2014. № 7. С. 72–77.

Битокова Тамара Владимировна

*Институт этнологии и антропологии РАН
аспирантка Центра гендерных исследований*

E-mail: tamara.bitok@gmail.com

Эмансипация женщин Кабардино-Балкарии и коррекция образа материнства в условиях модернизации 1920–30-х годов¹

Аннотация. Первые десятилетия советской власти существенно изменили повседневную жизнь традиционных обществ Кабардино-Балкарии. Процесс модернизации затронул главный в рамках патриархального уклада женский статус — материнство. Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что горянки, одними из основных качеств которых принято было считать скромность и сдержанность, могли активно противостоять вмешательству со стороны государства в процесс воспитания их детей.

Ключевые слова: гендер, эмансипация, женская история, материнство, кабардинки, балкарки

Abstract. The first decades of Soviet power significantly changed the daily life of traditional societies in Kabardino-Balkaria. The modernization process has affected the main female status in the framework of the patriarchal system — motherhood. Our study allows us to conclude that «goryanka», one of the main qualities of which was considered modesty and restraint, could actively resist government intervention in the process of raising their children.

Keywords: gender, emancipation, woman story, motherhood, kabardinki, balkarki

Вопросы социального положения, роли и места женщин и мужчин в общественных структурах вызывали острый интерес в любую эпоху и в самых разных культурах. Вместе с тем последние десятилетия стали временем повышенного интереса гуманитарных наук к гендерным исследованиям.

¹ Исследование подготовлено в рамках плана НИР ЦГИ ИЭА РАН.

Данное направление в Кабардино-Балкарии находится пока еще на стадии своего развития. В дореволюционной историографии «женский вопрос» рассматривался как побочный материал изучения семейно-брачных отношений. В этих исследованиях женщина являлась объектом и познавалась лишь с внешней стороны: анализировались по преимуществу ее внешность и традиционная одежда (красота лица, гибкость фигуры, яркие платья, длинные косы, черные глаза). Ментальность женщины-горянки, ее внутренний мир, представления о жизни, семье, материнстве оставались на периферии исторического исследования. Сегодня мы попробуем представить горянку не в качестве объекта, на который направлена политика партии, а как субъект событий, происходивших в 1920-е годы.

При исследовании эмансипации женщин в Кабардино-Балкарии в 1920–1930-е годы был использован феноменологический подход. Как развитая философская система и метод анализа феноменология предстает в трудах Э. Гуссерля, написанных в самом начале XX в. Данный подход отличается концентрация внимания исследователя на таких элементах, как интуиция, образ, метафора, рефлексия, фантазия и т. д. Эти элементы представляют собой явления глубинного, не всегда осознаваемого пласта психики, но с точки зрения феноменологии они являются реалиями человеческого сознания и в качестве таковых входят в актуальный, или «визуальный мир» человеческой культуры¹.

Большая часть данного исследования построена на материале, так или иначе связанном с личным восприятием исторических процессов современниками. Значительную роль в историческом исследовании играют психологические мотивы, раскрытие которых стало возможным благодаря социально-психологическому методу. Также при написании статьи использовался принцип насыщенного описания К. Гирца. Этнографические данные требуют разъяснения, т. к. некоторые действия людей исследуемого периода для современного человека кажутся нерациональными.

Специальных исследований гендерных отношений в традиционном кабардино-балкарском обществе крайне мало, и появились они только в постсоветский период. Однако проблемы гендерной стратификации, женского статуса в семье и в обществе, вопросы воспитания детей, взаимоотношений супругов и другие аспекты всегда привлекали внимание исследователей национальной культуры. Женской истории посвятили свои работы Л. Х. Гукетлова², Л. Х. Сабанчиева³, З. В. Шоранова⁴. Стоит обратить внимание на то, что вышеупомянутые авторы делают акцент на социально-политическом аспекте исторического процесса. Гендер-

ные исследования — междисциплинарное направление, и важную роль в их составе играет филологическое направление; специалистом в этой области является З.А. Кучукова⁵. Изучая фольклор, художественную культуру, язык сквозь призму гендерного подхода, она рассматривает отраженные в них национальные модели инварианта бытия.

В настоящее время основным исследователем женской истории и этнологии адыгов является М.А. Текуева. В ее монографии, диссертации и многочисленных статьях детально рассмотрена эволюция положения женщины в адыгской семье и в адыгском обществе, проанализированы тенденции взаимного развития с ближайшими народами Северного Кавказа⁶.

С 10 по 12 апреля 1928 г. в Баксанском округе Кабардино-Балкарии произошли открытые антисоветские выступления, так наз. «баксанские события», за которыми последовало антиколхозное движение в соседних республиках Северного Кавказа. В советской историографии зачинщиками этих событий считаются кулаки и реакционное мусульманское духовенство, цель которых состояла в том, чтобы сорвать хлебозаготовки в области⁷. Однако, исходя из хронологии событий, мы можем сделать вывод, что началом «баксанских событий» стало выступление женщин против организации детских яслей. Советское руководство так стремилось раскрепостить и освободить женщину Востока, что позволило ей (либо же заставило ее) выходить на работу в поле, оставив своих детей на попечение государства.

Так, в начале июня 1928 г. в адыгейском ауле Блечепсин группа женщин в 40–50 человек, собравшись у здания аульного совета, потребовала прекращения хлебозаготовок и закрытия детских яслей, садов и т. д.

Недостатки в работе с женским населением стали чаще подчеркиваться в партийных документах. Именно на женщин возлагалась ответственность за несовершенства и ошибки в деле перестройки быта — ведь на них по-прежнему лежали обязанности по воспитанию детей и бытовому обслуживанию семьи, уходу за пожилыми и т. д. Женщины региона представлялись как «отсталый элемент», нуждающийся в целенаправленном государственно-политическом воздействии. Одновременно с этим они рассматривались как действительные или потенциальные матери строителей социалистического общества, в связи с чем женщины должны были быть политически мобилизованы пролетарским государством⁸.

Приравнивая женскую несвободу, выражавшуюся в ограничении женской самостоятельности вне дома, в «домашнем заточении», к соци-

альному бесправию, большевики пытались «разбудить» классовое сознание горянки, научить ее бороться за равноправие, проявлять общественную активность. На практике же все вышло не так, как задумывалось.

Едва возникла опасность (мнимая или действительная) отчуждения женщин от детей, угроза нехватки хлеба для семьи, как женщины решились на открытое сопротивление программам их «раскрепощения». Женские аграрные волнения прокатились волной по Северному Кавказу и были отмечены не только в Адыгее, но и в Дагестане (Хасавюртовский район, 3 сентября — 5 октября 1926 г.), в Чечне (с. Шали, 10–30 декабря 1928 г.), в Кабардино-Балкарии (Баксанский округ, июнь 1928 г.; с. Верхний Курп, август 1929 г.; Балкарский округ, февраль — март 1930 г.), в Черкесии (март 1930 г.)⁹.

Женские бунты проходили в разных национальных областях Северного Кавказа и постоянно сопровождали мероприятия по хлебозаготовкам и коллективизации. Одним из центральных лозунгов, под которым проходили женские волнения, было требование закрыть детские сады и, особенно, ясли. Покушение на приоритет домашнего дошкольного воспитания подсознательно воспринималось как разрушение основ традиционного уклада жизни, а коллективное воспитание — как угроза обобществления детей, подогреваемая неумелой агитацией колхозных уполномоченных, которые призывали «всех жить одним котлом».

Участник событий в Баксане Х. Апшев обвинялся в том, что накалял обстановку, утверждая, что «советская власть отбирает детей, хочет их насильно учить вдали от родных»¹⁰. Восставшие жители села Чегем-I предъявили сельскому совету свои требования, среди которых основным было: «не открывать детплощадок и дет. яслей, дать возможность воспитывать детей по усмотрению родителей... дать людям жить так, как они считают нужным»¹¹.

По воспоминаниям очевидцев Верхне-Курпского восстания М. Гукеева и А. Карашаева, «женщины вышли на улицу, вооруженные ножами, спицами и т.д., кидали камнями в выступавших перед ними представителей сельского актива, требовали отмены продразверстки, яростно протестовали против дет. ясель»¹².

В конце 1920-х годов, накануне кампании по сплошной коллективизации, в Кабардино-Балкарской автономной области появились первые ясли и детские сады. Готовя деревню к переходу на коллективное производство, партийные и комсомольские руководители позаботились об участии женщин в этом процессе. В первых яслях и на детских пло-

щадках с детьми колхозников работали курсантки Ленинского учебного городка. Одна из них, Куца Машезова, отчитываясь о летней практике 1928 г., писала: «Там были воспитательница и заведующая, а я и Пшунокова были практикантками. Площадку посещали 25 человек, а в яслях было 15 детей. Их матери каждый день говорили, что детей увезут в Москву и продадут для лекарства. Мы их убедили, что этого не может быть»¹³.

Материнство — феномен биосоциальный, и его историей и этнографией занимается целое научное направление — *motherhood studies*. Философы и социологи, историки и антропологи много лет изучают баланс частного и публичного в этом феномене¹⁴; в ряде работ акцент делается на сложности женской эмансипации, на невозможности решить вопрос об изменении социального статуса женщин без решения кардинальных вопросов, связанных с поддержкой государством женщины-матери, помощи ей в воспитании детей. Целью принудительной эмансипации женщин в 1920-е годы являлось их привлечение в публичную сферу, а значит необходимо было отдалить женщин от замкнутого образа жизни внутри усадьбы. Большевицкий гендерный проект предполагал, что подавляющая часть женщин трудоспособного возраста учится, либо работает полный день, при этом государство берет на себя значительную часть обязанностей, связанных с жизнедеятельностью семьи, уходом за детьми и их воспитанием¹⁵. Однако воспитание маленьких детей (до 7 лет) в семьях кабардинцев и балкарцев всегда возлагалось на матерей, и они строго следовали традициям народной педагогики, закладывая основы национального самосознания и характера, культивируя в детях определенные человеческие качества, транслируя социальные навыки и стереотипы поведения, принятые в данной этнокультурной среде. Женщины Северного Кавказа с большим сомнением относились к идее передачи подобных функций государственным дошкольным учреждениям. Они не хотели соглашаться с тем, что рождение детей стало восприниматься не как частное дело семьи, не как дело продолжения рода, а как воспроизводство «советских граждан» — членов большого трудового коллектива, строящего коммунизм в условиях враждебного окружения.

Одна из активисток женского движения в Кабардино-Балкарии, Галина Роменская, вспоминала: «Сельсовет долго не предоставлял нам помещения [для детских яслей], т.к. среди населения ходили слухи, что детей будут отправлять в Германию, и только через год мы добились помещения в школе»¹⁶.

На тот же период времени пришлась кампания по массовому закрытию мечетей. Насильственно насаждаемый государством атеизм вызывал открытый протест женщин не только потому, что они были более религиозны в силу отсталости или консервативности сознания. Первоочередная причина состояла в том, что религиозная обрядность, переплетаясь и сливаясь с этническими традициями, упорядочивала и наполняла смыслом весь их жизненный путь. Обком партии рекомендовал перед каждым закрытием мечетей проводить массовую разъяснительную кампанию и объявлять, что здания мечетей будут отныне использоваться в других целях: перепрофилироваться в детские учреждения, «клубы горянок», дома культуры, амбары и склады.

Сами участницы и очевидицы событий Г. А. Роменская и Е. П. Аленская упомянули, что здание «клуба горянок» удалось создать не без труда:

На клуб стройматериала не было, пришлось поставить вопрос перед общим собранием — закрыть мечеть и разобрать для использования лесоматериала на отделку клуба. Собрание одобрило и постановило закрыть мечеть и разобрать. Однако утром разобранные стены мечети были вновь кем-то сложены. Говорили, что это делали те же женщины, которые днем помогали разбирать мечеть. Это повторялось несколько раз, после чего, как-то ночью, все было залито керосином и сожжено¹⁷.

Так женщины ответили бессильным недовольством на решение властей, посягнувших на традиционные и религиозные ценности.

События, происходившие в стране в 1920–1930-е годы, внесли изменения во все сферы жизни человека. Трансформации подверглась и социальная роль женщины, считавшаяся основной в традиционном обществе — материнство. Женщины выходили на работу, в поля, они вынуждены были разлучаться со своими детьми, в т. ч. с новорожденными. Попытка государства вмешаться в частную жизнь женщины, создав ясли для детей, не была воспринята как благое дело и встретила отпор. В традиционной культуре кабардинцев и балкарцев материнство рассматривалось не только как репродуктивная способность женщины, также считалось, что мать обладает механизмами социализации нового поколения. Женщины, воспитанные в традиционном обществе, не были готовы отказаться от своей важнейшей задачи — вырастить следующее поколение, но не поколение коммунистов, а поколение продолжателей своей национальной культуры.

-
- ¹ Коновалов А. А., Кумахова З. Х. Картина мира черкесской женщины XIX в.: методология и направления исследований // Кавказология. 2017. № 3. С. 142.
- ² Гукетлова Л. Х. Эмансипация женщин Кабардино-Балкарии в годы советской модернизации: 20–30-е гг. XX в. Дис. канд. ист. наук. Нальчик, 2012.
- ³ Сабанчиева Л. Х. Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. — начало XXI в.). Нальчик, 2016.
- ⁴ Шоранова З. В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010.
- ⁵ Кучукова З. А., Хараева Л. Ф. Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик, 2018.
- ⁶ Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006; Текуева М. А. Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества. Дис. ... докт. ист. наук. Нальчик, 2006.
- ⁷ Текуев А. К. Осуществление ленинского кооперативного плана в национальных республиках и областях Северного Кавказа. Нальчик, 1972. С. 84.
- ⁸ Текуева М. А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917–1941 годы) // Социальная история: ежегодник. СПб., 2008. С. 303–326. С. 304.
- ⁹ Текуев А. К. Осуществление ленинского кооперативного плана в национальных республиках и областях Северного Кавказа. Нальчик, 1972. С. 43.
- ¹⁰ Мамбетов Г. Х., Мамбетов З. Г. Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик, 1999. С. 247.
- ¹¹ Мамбетов Г. Х., Мамбетов З. Г. Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик, 1999. С. 167.
- ¹² Текуева М. А. Опыт и уроки Кабардино-Балкарской парторганизации по преодолению пережитков прошлого (1917 — начало 30-х годов). Рукоп. канд. дис. Нальчик, 1990. С. 98–99.
- ¹³ Тютюнина Е. Как все начиналось (из истории женского движения в Кабардино-Балкарии) // БезФормата. 11.01.2019. <http://nalchik.bezformata.ru/listnews/nachinalos-iz-istorii-zhenskogo-dvizheniya/8083318/>.
- ¹⁴ Пушкарева Н. Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. N 5. С. 47–59.
- ¹⁵ Поленина С. В. Гендерная проблематика в праве: права женщин // Введение в гендерные исследования: учебное пособие: в 2-х ч. Ч. 1. СПб.; Харьков, 2001. С. 622.
- ¹⁶ Карахалк. 10 июня, 1928. № 831.
- ¹⁷ Тетради воспоминаний Г. Роменской, сотрудницы женотдела сел. Алтуд в 1928–1934 гг. // Личный архив автора; Из воспоминаний Аленской Е. // Личный архив автора.

Список литературы

- Гукетлова Л.Х. Эмансипация женщин Кабардино-Балкарии в годы советской модернизации: 20–30-е гг. XX в. Дис.... канд. ист. наук. Нальчик, 2012. Карахалк. 10 июня, 1928. № 831.
- Коновалов А.А., Кумахова З.Х. Картина мира черкесской женщины XIX в.: методология и направления исследований // Кавказология. 2017. № 3.
- Кучукова З.А., Хараева Л.Ф. Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик, 2018.
- Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик, 1999.
- Поленина С.В. Гендерная проблематика в праве: права женщин // Введение в гендерные исследования: учебное пособие: в 2-х ч. Ч. 1. СПб.; Харьков, 2001.
- Пушкарева Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. N 5. С. 47–59.
- Сабанчиева Л.Х. Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. — начало XXI в.). Нальчик, 2016.
- Текуев А.К. Осуществление ленинского кооперативного плана в национальных республиках и областях Северного Кавказа. Нальчик, 1972.
- Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006.
- Текуева М.А. Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества. Дис. ... докт. ист. наук. Нальчик, 2006.
- Текуева М.А. Опыт и уроки Кабардино-Балкарской парторганизации по преодолению пережитков прошлого (1917 — начало 30-х годов). Рукоп. канд. дис. Нальчик, 1990.
- Текуева М.А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917–1941 годы) // Социальная история: ежегодник. СПб., 2008. С. 303–326.
- Тетради воспоминаний Г. Роменской, сотрудницы женотдела сел. Алтуд в 1928–1934 гг. // Личный архив автора.
- Из воспоминаний Аленской Е. // Личный архив автора.
- Тютюнина Е. Как все начиналось (из истории женского движения в Кабардино-Балкарии) // БезФормата. 11.01.2019. <http://nalchik.bezformat.ru/listnews/nachinalos-iz-istorii-zhenskogo-dvizheniya/8083318/>.
- Шоранова З.В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010.

У истоков научного творчества первых русских женщин-историков: выбор профессионального пути¹

Аннотация. В статье планируется рассмотреть факторы, которые повлияли на творческую судьбу первых русских женщин-историков: их увлечения в детстве и юношестве, круг чтения, знакомства, определившие выбор их профессионального пути. Используя эго-документы русских женщин-историков (П. С. Уваровой, Е. Н. Щепкиной, М. В. Нечкиной, Н. Д. Флиттнер и пр.), мы получаем возможность не только выявить причины, по которым эти женщины решили связать свою жизнь с данной профессией, но и проследить, как изменялись условия выбора творческих интересов женщин-интеллектуалок в связи с кардинальными переменами в общественной жизни первой половины XX в. Отдельно рассматриваются влияние семейных традиций на выбор профессии и борьба женщин-историков с традиционными гендерными установками и стереотипами, препятствовавшими их исследовательской карьере.

Ключевые слова: женщины-историки, детство, креативность, выбор профессии

Abstract. The article focuses on the main determinants that influenced first Russian women-historians to choose their future profession: their hobbies in childhood and youth, their reading, acquaintances. Using Russian women-historians ego-documents (P. Uvarova, E. Shchepkina, M. Nechkina, N. Flittner and others) it is possible to find out the reasons of their professional choice and retrace the transformation of the origins of their creativity in the connection with the changing in the social life of the beginning of XX century. Also I observe the influence of the family traditions and the women-historians' fighting against the traditional gender settings that interfered their scientific career.

¹ Статья подготовлена по программе НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ 19-09-00191.

Keywords: women-historians, childhood, creativity, career choice

История выбора жизненного пути — важнейшая историко-антропологическая и историко-психологическая проблема, позволяющая понять мотивированность индивидуальных поступков и их зависимость от социально-воспитательного контекста. Различные психологические теории креативности (Дж. Гилфорд¹, Э. Торренс²) называют одним из ключевых компонентов любого творчества внутреннюю мотивацию и такие личные качества, как: любознательность, интерес, развитая интуиция, которые проявляются еще в детском возрасте. При этом важнейшим фактором развития креативности многие психологи (например, Т. Амабайл)³ считают ту среду, в которой растет и воспитывается ребенок. Изменение «мира детства» также стало одной из ключевых проблем исторической антропологии, а первым исследователем, определившим основные методологические принципы нового направления, стал Ф. Арьес. Его классическая работа «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» определила методику изучения мира детства в исторической антропологии. Используя основные принципы методологии Арьеса, К. Келли и А. А. Сальникова создали обширные исследования по истории русского дореволюционного и советского детства⁴. Отдельным направлением исследований по истории этого периода стала материальная культура детства⁵. Тем не менее, взаимосвязь воспитания (школьного и семейного) и успеха в той или иной выбранной профессии на российском материале не изучалась.

В данной статье планируется рассмотреть факторы, которые повлияли на формирование вышеупомянутых качеств и на творческую судьбу первых русских женщин-историков, чье детство пришлось на вторую половину XIX в. — 20-е гг. XX в.: их увлечения в детстве и юношестве, круг чтения, знакомства, определившие выбор их профессионального пути. Используя материалы воспоминаний П. С. Уваровой, Е. Н. Щепкиной, Н. Д. Флиттнер, З. Н. Тулуб, Е. В. Гутновой, Н. И. Гаген-Торн, С. В. Житомирской, записных книжек М. В. Нечкиной, мы получаем возможность не только выявить причины, по которым эти женщины решили связать свою жизнь с историей, но и проследить, как в контексте кардинальных перемен в общественной жизни революционной эпохи изменялись условия, в которых росли девочки, выбравшие впоследствии путь историка. Основную информацию о влиянии детских впечатлений на выбор профессии и успешность в ней можно найти в мемуарах женщин-исто-

риков. Для данного исследования наиболее важными являются следующие темы, встречающиеся практически во всех нарративах: воспоминания об интеллектуальных впечатлениях детства (любимые книги, игры, кино- и театральные постановки, общение с родственниками и друзьями) и некая «точка невозврата», момент, окончательно определивший выбор будущей профессии. Анализируя эти темы, можно найти много общего у женщин-историков разных поколений и выявить ключевые факторы, определившие, во-первых, их склонность к творческому исследовательскому труду и, во-вторых, успех в избранной профессии.

Во всех вышеперечисленных эго-документах в первую очередь обращает на себя внимание сходство женского и мужского мира детства в интеллектуальных кругах дореволюционной России и первых лет советской власти: интерес к гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам в одинаковой степени проявляли и девочки, и мальчики. Круг чтения будущих историков обоих полов примерно совпадал: первое знакомство с исторической художественной литературой у всех начиналось с А. С. Пушкина, мифов и народных сказок, затем обычно приступали к чтению А. Дюма, В. Гюго, В. Скотта, М. Рида, Ф. Купера. К чисто «девичьей» литературе, входившей в круг чтения той эпохи, относился приключенческий роман Ф. Э. Бёрнетт «Маленькая принцесса»; С. В. Житомирская упоминала также романы Л. Чарской⁶. В семьях будущих историков дети в возрасте 10–12 лет читали Н. М. Карамзина. Со сверстниками девушки обсуждали «Войну и мир» Л. Н. Толстого. Е. Н. Щепкина вспоминала, как она и ее гимназические подруги были разочарованы концовкой романа: по их мнению, Наташу Ростову должна была ждать гораздо более интересная судьба, а не жизнь почтенной матроны «с пеленками»⁷. Кроме того, в числе любимых книг женщины-историки, чье детство пришлось на дореволюционное время, называли энциклопедию Петискуса «Олимп»⁸ и детские журналы с историческими рассказами (например, «Всемирный путешественник»).

Во всех мемуарах первых русских женщин-историков отмечалось взаимное влияние молодежи разных полов друг на друга — явление, типичное для дворян и представителей интеллигенции той эпохи. Воспитанные на одних и тех же книгах, девушки вслед за своими братьями и кузенами стремились узнать как можно больше о новейшей научной и художественной литературе. Подростки читали и обсуждали теологические сочинения В. С. Соловьева, идеи свободы Дж. С. Милля, социологию искусства Ж.-М. Гюйо.

Тесное общение с молодыми людьми противоположного пола вызывало у юных девушек дореволюционной эпохи, в первую очередь, ревность к возможностям и доступу к образованию, которые были у молодых людей и которых сами девушки были лишены. Подростковый протест против этих условий принимал разные формы: так, будущий этнолог Н. И. Гаген-Торн вспоминала о своем стремлении носить «привычные ей штаны и матроски»⁹ под халатом (униформой учениц гимназии М. Н. Стоюниной). Египтолог Н. Д. Флиттнер выбрала другую форму протеста: в Николаевском институте благородных девиц Наталья Давыдовна вступила в конфликт с преподавателем французского языка Колером и, не стерпев «насмешливого философствования» о том, что барышням нет необходимости изучать науки, т. к. они выйдут замуж и «прощай тогда всякое знание», заявила, что замуж вовсе не собирается¹⁰. Преподаватель долго и со смехом допрашивал ее, а потом на уроках стал обзывать *notre vieux celibetaire* (фр. «наша старая дева»). Н. Д. Флиттнер не растерялась и в качестве домашнего задания для декламации нарочно выучила отрывок на французском языке, посвященный преимуществам безбрачия. Отказ от женских социальных ролей повлиял и на выбор будущей профессии. Впоследствии, обсуждая с тетей свое будущее, Н. Д. Флиттнер говорила: «Ну уж нет, я кончу курсы, а потом непременно уеду куда-нибудь путешествовать... и знаешь, я думаю все-таки добиться своего, я думаю все-таки стать как Шлиман, как Гумбольдт... Я, тетичка, буду когда-нибудь старой ученой, у меня будет камердинер Johan и ручной попугай...» (автор цитирует первоисточник, по которому ещё не проехала сталинская языковая политика, где двух норм быть не может)¹¹.

Но выбор традиционно «мужской» профессии требовал от первых русских женщин-историков известной смелости. Наиболее ярое сопротивление этой идее оказывали матери и другие старшие родственницы. Естественно, желая дочерям добра, они не могли вообразить, что поведение, не подобающее добропорядочной девушке из образованного семейства, принесет им счастье. Н. Д. Флиттнер описывала скандал, который ей устроили тетушки, узнав о ее желании поступить на Высшие женские курсы¹²; Е. Н. Щепкина также упоминала о регулярных ссорах с матерью, вызванных в первую очередь неудовлетворенностью тем, что она не желала выходить замуж¹³. Традиционные женские модели поведения, навязываемые матерями, вызывали отторжение у первых русских женщин-историков. С. В. Житомирская вспоминала, как была опечалена тем, что ее мама на восьмой или девятый день рождения дочери пода-

рила ей кустарную шкатулку для рукоделия, что ассоциировалось у нее только с неинтересными женскими занятиями¹⁴.

Отцы же, напротив, поддерживали женщин-историков в стремлении получить образование: от чтения перед сном и выбора книг в детстве до полной поддержки и помощи в устройстве на Высшие женские курсы. Судя по воспоминаниям женщин-историков, в их семьях забота об образовании детей была именно отцовской обязанностью. Лишь в редких случаях основным фактором выбора профессии историка выступало не образование и воспитание, а замужество: так, к исследовательской работе П. С. Уварову¹⁵ и А. Я. Ефименко¹⁶ привлекли мужа.

Другим важным фактором, который оказывал влияние на выбор профессии историка, было гимназическое образование. Необходимо заметить, что если до революции изучение истории в школе, положительные эмоции, связанные с преподавателями, интересно подающими материал, влияли на выбор учеников, то предмет обществоведение, который заменил историю в 1920-х годах, как правило, никакого интереса не вызывал¹⁷.

Преподавание истории до революции заинтересовывало и вдохновляло девочек. Интересные уроки давали сюжеты для детских игр: этнолог Н. И. Гаген-Торн вспоминала о необходимости выплеснуть накопившуюся в классе женской гимназии энергию, играя в рыцарский турнир. Девочки исполняли роли глашатая, рыцарей, даже лошадей, сам же турнир больше напоминал драку (в итоге Гаген-Торн как зачинщица была наказана)¹⁸. Этот пример демонстрирует, как причудливо совмещались любовь девочек к «мужским играм»¹⁹, нередко встречавшаяся в дореволюционных женских гимназиях (Е. Н. Щепкина описывала их, как «побороться, повозиться»), и стремление строить игры на основе сюжетов из школьного курса истории. С. В. Житомирская упоминала традиционные для детей 1920-х годов игры в «краснокожих и бледнолицых» по мотивам произведений Ф. Купера, но они проходили уже в смешанной компании мальчиков и девочек — девочки также выбирали мужские роли в этой игре²⁰. Психологи отводят сюжетно-ролевой игре важное место в процессе формирования социальной идентичности и ценностей личности подростка²¹. Склонность же девочек к такого рода сюжетно-ролевым играм демонстрировала не только их живой интерес к историческим эпохам, но и стремление занимать активную жизненную позицию, что у них напрямую ассоциировалось с мужскими занятиями. Можно предположить, что впоследствии это проявилось в достижении больших успехов в профессиональной деятельности. Примечательно, что будущие

историки даже в 1920-е годы находили сюжеты для игр именно в художественной литературе, описывающей прошлые эпохи, хотя именно в это время в среде советских детей распространение получают сюжетно-ролевые игры в футурологические утопические общества («страна-мечта», по определению С.М. Лойтер)²². Вероятно, преобладание у этих детей интереса к прошлому, а не будущему повлияло на последующий выбор профессии историка.

Любовь к ролевым играм на исторические сюжеты в среде подростков, характерная и для будущих мальчиков-историков²³, возникала также под влиянием всеобщего интереса к литературе и театру (в 1920-е годы в мир детства будущих историков также входят кинематографические произведения на исторические темы). Увлечение театральными постановками и художественной литературой вкупе с особым аналитическим складом ума создавали у девочек еще в раннем возрасте одну интересную привычку, о которой упоминается во многих мемуарах женщин-историков. Е.Н. Щепкина писала о «праздной работе фантазии» и склонности создавать в голове неправдоподобные миры, приводя при этом в пример Ж. Санд, обладавшую, по мнению Щепкиной, аналогичной привычкой²⁴. М.В. Нечкина в четырнадцатилетнем возрасте писала об этой особенности в своих дневниках следующее: «По своей органической потребности, ставшей для меня такой же необходимой, как биение сердца, я всякую мысль свою переносу в свой мир образов, в свою живую жизнь»²⁵. Историк Е.В. Гутнова описывает эту привычку «прокручивать» в голове события дня и постоянно фантазировать как «странное поведение» по мнению всех домашних²⁶.

Общей для большинства женщин-историков конца XIX — начала XX в. была любовь к литературному труду, сочинительству, привитая как в семье (через традицию писать дневники), так и в учебных заведениях (через большое количество сочинений в программе изучения русского языка, литературы, истории). Начав первые литературные опыты еще в детстве, на протяжении всей жизни стихи писали этнограф Н.И. Гаген-Торн²⁷, историки Р.И. Блох, М.В. Нечкина, Е.В. Гутнова, И.М. Белявская²⁸, М.М. Денисова²⁹. О сочинениях «драматургических произведений» в детстве впоследствии вспоминала С.В. Житомирская³⁰. Особенностью воспитания девочек той эпохи было отсутствие четкого разделения гуманитарных наук — девушки со склонностью к истории воспринимали литературный труд как неотъемлемую составляющую исследовательской работы, а упражнения в словесности считали при-

ятым увлечением, необходимостью удовлетворить творческие позывы души, недостаточно реализованные в научной работе.

Таким образом, почти во всех изученных эго-документах содержится информация о первом знакомстве исследовательниц с миром гуманитарного знания еще в детстве, как правило, под воздействием семейного окружения или гимназических учителей, подруг. В семье, зачастую под влиянием отцовского воспитания, в них был заложен интерес к построению карьеры, к самореализации не только в роли жены и матери, но и на профессиональном поприще. Матери, обычно из лучших побуждений, противились попыткам дочерей сделать карьеру в науке, чем только усугубляли ролевой конфликт, проявлявшийся даже в детских играх (женщины-историки с особым удовольствием вспоминали именно сюжетно-ролевые игры на историческую тематику, в которых они исполняли мужские роли). Также общими у девочек конца XIX — начала XX в., сделавших впоследствии успешную карьеру историка, были интерес к гуманитарным наукам вообще (без четкого разделения на литературу, историю, философию и др.) и склонность к фантазированию в детском возрасте, безусловно отражавшая творческие способности, развившиеся в юношеском и зрелом возрасте.

¹ Guilford J. P. Creativity // *American Psychologist*. 1950. Vol. 5 (9). P. 444–454.

² Torrance E. P. Torrance Tests of Creative Thinking // *Scholastic Testing Service, Inc.*, 1974.

³ Amabile T. Affect and Creativity at Work // *Administrative Science Quarterly*. 2005. № 50. P. 368.

⁴ Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. L.: Yale University Press, 2007; Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007.

⁵ Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Модернизация материальной культуры раннего детства в российских дворянских семьях второй половины XIX — начала XX в. // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 1. С. 30–39.

⁶ Житомирская С. В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН. 2008. С. 76.

⁷ РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 98 (об.).

⁸ Петискус А. Г. Олимп. Мифология греков и римлян. С рисунками в тексте и на отдельных листах/Под ред. К. А. Тюлелиева. 3-е изд. М.; СПб.: Изд. М. О. Вольф, 1913.

- ⁹ Гаген-Торн Н. И. Memoria. М.: Возвращение, 1994. С. 6.
- ¹⁰ АГЭ (Архив Государственного Эрмитажа). Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 117–118.
- ¹¹ Там же. Л. 151 (об.).
- ¹² Там же. Л. 164.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 69.
- ¹⁴ Житомирская С. В. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁵ Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. С. 53–70.
- ¹⁶ Ясь О. Вступна стаття до розвідки О. Єфименко «Письма из хутора. Об украинской истории» (До 170-річчя О. Єфименко та 100-ліття першої публікації її допису) // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 174–179.
- ¹⁷ Житомирская С. В. Указ. соч. С. 72.
- ¹⁸ Гаген-Торн Н. И. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3 Л. 90.
- ²⁰ Житомирская С. В. Указ. соч. С. 72.
- ²¹ Рубцова О. В. Ролевая идентичность как интегральная характеристика социальной ситуации развития подростка // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 5–13.
- ²² Подробнее о детских играх 1920-х см. Димке Д. Советские детские игры: между утопией и реальностью // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 309–332.
- ²³ Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. С. 56–57.
- ²⁴ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 3. Л. 52.
- ²⁵ «...И мучилась, и работала невероятно»: дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013. С. 70.
- ²⁶ Гутнова Е. В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. С. 23.
- ²⁷ Гаген-Торн Н. И. Указ. соч. С. 15.
- ²⁸ Вторая муза историка: неизученные страницы русской культуры XX столетия // Под ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 2003.
- ²⁹ ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Ф. 491. Д. 46.
- ³⁰ Житомирская С. В. Указ. соч. С. 49.

Список литературы

- АГЭ (Архив Государственного Эрмитажа). Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 117–118.
- Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.
- Вторая муза историка: неизученные страницы русской культуры XX столетия // Под ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 2003.
- Гаген-Торн Н. И. Memoria. М.: Возвращение, 1994.

- Гутнова Е. В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001.
- Димке Д. Советские детские игры: между утопией и реальностью // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 309–332.
- Житомирская С. В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН. 2008.
- Зимин А. А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М.: Аквариус, 2015. С. 56–57.
- «...И мучилась, и работала невероятно»: дневники М. В. Нечкиной. М.: Российский гос. ун-т, 2013.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Модернизация материальной культуры раннего детства в российских дворянских семьях второй половины XIX — начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1. С. 30–39.
- ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Ф. 491. Д. 46.
- Петискус А. Г. Олимп. Мифология греков и римлян. С рисунками в тексте и на отдельных листах/Под ред. К. А. Тюлелиева. 3-е изд. М.; СПб.: Изд. М. О. Вольф, 1913.
- РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 569. Оп. 2. Д. 1, 3.
- Рубцова О. В. Ролевая идентичность как интегральная характеристика социальной ситуации развития подростка // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 5–13.
- Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007.
- Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005.
- Ясь О. Вступна стаття до розвідки О. Єфименко «Письма из хутора. Об украинской истории» (До 170-річчя О. Єфименко та 100-ліття першої публікації її допису) // Український історичний журнал. 2018. № 1. С. 174–179.
- Amabile T. Affect and Creativity at Work// Administrative Science Quarterly. 2005. № 50. P. 367–403.
- Guilford J. P. Creativity // American Psychologist. 1950. Vol. 5 (9). P. 444–454.
- Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. L.: Yale University Press, 2007.
- Torrance E. P. Torrance Tests of Creative Thinking // Scholastic Testing Service, Inc., 1974.

Горячева Анна Николаевна

*Государственный академический университет гуманитарных наук
студентка 2 курса исторического факультета*

E-mail: jacka99@list.ru

Быт русской интеллигенции в женской социальной памяти о 1919 году¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы выживания представительниц интеллигенции в крупных городах. Посредством дневниковых и мемуарных материалов проиллюстрирована бытовая и духовная жизнь женщин в 1919 г., выделены разные стратегии, позволяющие выжить в условиях неустойчивого режима, голода и безработицы.

Ключевые слова: социальная история повседневности, гендер, гендерное исследование, женские дневники, женские воспоминания, стратегии выживания; повседневность

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of survival of representatives of the intelligentsia in large cities. Through the diary and memoir materials, the everyday and spiritual life of women in 1919 is illustrated; various strategies are identified that allow surviving in an unstable regime, hunger and unemployment.

Keywords: social history of everyday life, gender, gender research, women's diaries, women's memories, survival strategy, everyday life

Направление моих исследований связано с изучением особенностей женской социальной памяти о повседневном, в т. ч. памяти о сложных в бытовом отношении периодах, о практиках выживания и стратегиях совладания с обстоятельствами. Его цель заключается в выявлении основных аспектов проблемы. Исследование посвящено анализу бытовых условий существования и внутреннего состояния женщин, принадлежащих к указанному социальному слою, а также обозначению стратегий выживания и способов справиться с действительностью. На данном

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00191.

этапе исследования мы остановились на следующих критериях выбора материала, ограниченных темпорально и территориально. 1919 г. выбран не случайно — в этот период у населения спал идеологический подъем, а улучшения условий жизни не наблюдалось. Выбранные дневники и мемуары охватывают исключительно крупные города, с трудной экономической обстановкой и постоянно меняющимися политическими условиями: это Москва, Петербург и Севастополь. Нас интересует дневниковое и мемуарное наследие женщин, принадлежащих к интеллигенции, в т. ч. творческой. Одна из причин этого выбора — в том, что данный слой наиболее остро почувствовал все тяготы указанного периода (уплотнения, аресты, обыски). Как женщины, получившие образование, среди которых были поэтессы и писательницы, они имели возможность более тонко прочувствовать и выразить в слове социальные изменения, происходившие на их глазах.

Для исследования были выбраны следующие источники: воспоминания писательницы Софьи Николаевны Шиль, которая в 1919 г. находилась в Севастополе; дневниковые записи, заметки и письма Марины Ивановны Цветаевой, жившей в то время в Петрограде; а также тексты Ирины Владимировны Одоевцевой — писательницы и «лучшей ученицы» поэта Николая Степановича Гумилева, которая также жила в Петрограде. Обстановку в Москве передают дневники Натальи Николаевны Бызовой-Фадеевой и еще не опубликованные дневники Натальи Даниловны Андросовой. Они являлись представительницами одного социального слоя — интеллигенции, но отличали их возраст, семейное положение и набор навыков, с которыми они оказались в постоянно меняющихся и ухудшающихся условиях гражданской войны.

На данном этапе исследования представляется целесообразным выделить следующие аспекты:

- стратегии выживания на бытовом уровне: как добыть ресурсы (питание, топливо, одежду, лекарства, предметы гигиены и т. п.);
- стратегии выживания на духовном уровне: восприятие действительности и способы приспособления к переменам.

Рассмотрим каждый из этих аспектов более подробно.

Первый выделенный нами аспект включает в себя способы получения необходимых ресурсов. Как и где женщина могла найти деньги, чтобы купить на них все необходимое? Выделим основные стратегии выживания, которые, как нам представляется, являются универсальными для женщин в трудное время.

Первый способ заключается в трудоустройстве. Работа — основная или подработка — могла включать социальный пакет и обеспечивать жильем, в т. ч. с решенным вопросом отопления. Так, например, Н. Н. Бызова-Фадеева в своем дневнике отмечала: «О месте библиотечарши я мечтала, жалованье хорошее (875 р.), получается кое-что из продовольствия»¹. С. Н. Шиль смогла получить комнату на условиях занятий по гимназической программе с сыном хозяина дома². Зачастую женщины устраивались на тяжелую мужскую работу, что негативно сказывалось на их здоровье.

Однако в условиях безработицы найти источник заработка удавалось не всем, и не у всех была такая возможность. Н. Д. Андросова после неудачной попытки устроиться на работу медсестрой оставила в дневнике следующую запись: «Да в сущности, что бы делали наши без меня, теперь такая невозможная жизнь: мама слаба, Борис [брат — прим. авт.] служит, спрашивается, кто же должен исполнять все домашние работы, если я поступлю на место?»³. В данных обстоятельствах оказались многие женщины, которым приходилось следить за домом (а также растить детей и выполнять другие обязанности). Н. Н. Бызова-Фадеева писала о нехватке времени для того, чтобы работать: «Настя [служанка — прим. авт.] уезжала чуть ли не на неделю в деревню, пришлось много времени проводить на кухне, за уборкой комнаты и т. д.»⁴.

Распродажа вещей и ценностей была частым явлением того времени и одним из основных способов заработка. Не имевшей постоянного дохода Н. Д. Андросовой приходилось продавать одежду и обувь из прежней, дореволюционной жизни: «Хотела продать свое белое платье-капот, всем кажется узко, пойду на Смоленский рынок продавать его и шляпку, — надо же доставать откуда-нибудь деньги»⁵. Однако продать вещи было не так просто: люди охотнее отдавали деньги за продукты и жизненно необходимые товары, а не драгоценности. Отдельно стоит отметить бартер: Наталья Даниловна Андросова писала, как за гадание у знакомой вместо денег расплатилась пшеницей⁶. Многие ездили в деревню, чтобы за вещи получить продукты, выращенные в подсобном хозяйстве.

Следующий способ — выживание за счет других (жена, любовница, проститутка). Также сюда входит переезд к родственникам. Так, например, Н. Н. Бызова-Фадеева в своем дневнике писала: «Сегодня с утра звонила тетя, сказала, что у них не осталось дров, нет хлеба, у нее нет уж сил жить так, просит приютить всех у нас»⁷. В дневнике Н. Д. Андросовой упоминается взаимовыручка между друзьями и знакомыми. Но так было не у всех: близких друзей могло и не оказаться рядом, а просить помощи

у знакомых часто не позволяло воспитание. Марина Ивановна Цветаева в своих записях отмечает: «Неприлично быть голодным, когда другой сыт. Корректность во мне сильнее голода, — даже голода моих детей»⁸. «Все мои жалобы на девятнадцатый год (нет сахара, нет хлеба, нет дров, нет денег) — исключительно из вежливости: чтобы мне, у которой ничего нет, не обидеть тех, у кого все есть»⁹. Такое же положение дел прослеживается и у С. Н. Шиль. События 1917 г. застали ее на лечении в Крыму. Возмозжности вернуться домой в Москву у нее не было, а в Севастополе она никого не знала. В воспоминаниях о 1919 г. она писала, как ее пригласила на именины купеческая семья из Москвы: «Я съела два тоненьких ломтика колбасы с хлебом, а ночью у меня поднялась отчаянная рвота с обмороком: отощавший желудок уже не мог переварить ничего...»¹⁰. Голод в то время был обычным явлением и в Москве: «Про детей говорит, что они так изголодались, что еда у них теперь единственный интерес в жизни»¹¹, и в Петрограде: «В те дни я, как и многие, научилась “попирать скудные законы бытия”. В те дни я, как и многие, стала более духовным, чем физическим существом»¹², и в Крыму: «В Севастополе сидит разношерстная публика; москвичи знакомятся и горюют о Москве; все голодные, холодные, с разговорами, где бы продать вещи, где бы приткнуться служить»¹³.

Жизненно важный момент, о котором нельзя не упомянуть — гигиена. И. В. Одоевцева писала: «На Бассейной мешочники и красноармейцы предлагали куски грязного сахара, держа его для приманки на грязной ладони, и покупатели, осведомляясь о цене, ощупывали кусок сахара и, не сойдясь в цене, клали его обратно. Правила гигиены, всякие микробы и миазмы, которых так опасались прежде: “Не трогай деньги! Пойди, вымой руки!” — были теперь забыты»¹⁴. В 1919 г. многие умирали от разного рода болезней. В дневнике Н. Д. Андросова писала: «Боже мой, какая теперь масса смертности! Куда не повернись, то там умер, то здесь, а болезни чуть ли не на каждом шагу, — прямо жуть берет, сыпной тиф свирепствует во всю, чума, говорят, тоже начинает распространяться, это ужасно! Невольно вспоминаются слова одной “особы” о царстве чумы, — Господи! неужели у нас начнутся бедствия, о которых пишут в Библии? Страшно делается!»¹⁵. Также она отмечала: «От болезней можно спастись чистотой, но какая тут чистота, когда мыла нет, а если есть, то оно стоит больше двухсот рублей 1 фунт, предметов санитарии тоже весьма мало... теперь заболеть не дай Бог!»¹⁶. Ко всему прочему добавлялись проблемы с подачей воды и отопления: «Всюду так неприветливо, холодно, голодно, — у нас в комнате тоже холодно, едва 7 градусов, а то и 6, а у людей и вовсе 2

градуса или ноль; иногда я прямо замерзаю. Всюду кажется будто грязно, и на тебе будто целые пуды грязи. С трудом встаешь, с трудом ложишься, а холод так и пронизывает»¹⁷. За водой люди ходили к водоемам, когда те замерзали, рубили проруби. Выжить в описанных выше нечеловеческих условиях удавалось не всем: численность населения сокращалась не только за счет оттока населения, но и по причине смертей от голода и болезней.

Семейное положение — определяющий момент выживания. Психологически проще жить, когда ответственность за выживание лежит не на одном человеке. Есть ли у женщины поддержка мужа, родственников, друзей? Есть ли у нее дети или родственники, которым нужно помогать? На ком лежит ответственность за нее саму? Цветаева в 1919 г. одна отвечала за двух своих дочерей, Бызова-Фадеева жила в большой семье, в которой распределялись обязанности, Шиль отвечала только за себя, но и помощи ждать ей было не от кого.

Миграция — еще один выход из положения. Помимо эмиграции за границу была распространена миграция в деревню, т. к. выжить там было проще. Уход в монастырь был также одним из способов выживания.

Перейдем к следующему аспекту — выживанию на духовном уровне. В резко изменившихся условиях жизни люди ощутили нехватку того, что раньше казалось само собой разумеющимся. Крушение старого мира прекрасно проиллюстрировано в воспоминаниях С. Н. Шиль: «Мы сидели уютно и вспоминали Москву, горевали о московском и, помню, кто-то сказал: должно быть, вымрут скоро все наши пекари, и будут навсегда потеряны их способы печенья, и никогда уже не будет ни калачей, ни мятных пряников, ни баранок. Все это казалось именно потерянным раем, именно раем, которого мы раньше не умели ценить»¹⁸. Это не могло не отразиться на психике людей. Внутренняя эмиграция как психологическое состояние в то время была распространена так же сильно, как эмиграция из страны. С. Н. Шиль описывала свое состояние следующим образом: «Главное — мелочность и обывательщина вокруг, в классе, среди учительства. Осторожность в разговорах, к революции отвращение, боязнь потерять свое добро; и все такое обыденное, как будто мы жили вне страшных событий и Гражданской войны. Тина какая-то, в которой нечем было дышать»¹⁹.

Выделим ряд способов приспособления к переменам, одним из которых было погружение в работу. Н. Н. Бызова-Фадеева писала в дневнике: «Я была в институте, пошла, чтобы отвлечься немного от нахлынувших на последние дни житейских впечатлений, но не удалось»²⁰. Второй способ заключался в уходе от реальности в религию: С. Н. Шиль

писала, что «Севастопольские церкви были всегда полны. <...> Патриарх [Тихон — прим. авт.] <...> был-таки человек, который мог писать “всяя Руси”; была единая неделимая Россия под его крылом, великий символ, дававший надежду на будущее. О нем молились усердно, тревожились за его жизнь»²¹. Гадания и мистицизм также были широко распространены. Н. Д. Андросова писала о посещении ею сомнамбулического сеанса²² и о том, как «кто-то пустил слух, что я гадаю, и вот, то тот, то другой просят погадать»²³. Нельзя не упомянуть, что своеобразным способом справиться с проблемами являлись также алкоголизм, наркомания, маргинализация, душевные болезни и самоубийства.

По-разному авторы дневников и воспоминаний относились к трудностям и лишениям. И. В. Одоевцева писала: «“Дух торжествует над плотью” — дух действительно торжествовал над моей плотью. Мне было так интересно жить, что я просто не обращала внимания на голод и прочие неудобства»²⁴. Н. Д. Андросова: «Боже! Как надоела эта вечная экономия и урезывание [урезание], — это вечное лишение самого необходимого — когда же наконец наступит просвет?!...»²⁵. М. И. Цветаева: «Я восприняла 19-й год несколько преувеличенно, — так, как его воспримут люди через сто лет: ни пылинки муки, ни солинки соли (золинок и соринок хоть отбавляй!) — ни крупинки, ни солинки, ни обмылка! — сама чищу трубы, сапоги в два раза больше ноги, — так какой-нибудь романист, с воображением в ущерб вкусу, будет описывать 19-й год»²⁶. Это связано с тем, что на Андросовой были заботы о больной матери, у Цветаевой — о дочерях, Одоевцева же ни за кого не отвечала, а ответственность за нее саму лежала на других людях.

Таким образом, в статье были освещены фрагменты из жизни женщин, принадлежащих к одному из «нежелательных» слоев общества в 1919 г. На конкретных примерах мы увидели, что одинаковые жизненные ситуации воспринимались разными женщинами по-разному. Это обусловлено разницей в возрасте, характере, их положением в семье и степенью ответственности. Данная особенность касается не только женщин, но и мужчин. Однако сравнительный анализ женских и мужских мемуаров данного периода заслуживает специального изучения.

¹ Бызовы. Голоса прошлого. В 2 т. Т. 1. Кн. 2. М.: Новый Хронограф, 2016. С. 478.

² Шиль С. Н. Крымские записки. 1916–1921. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 162.

- ³ Дневник Андросовой Н. Д. // ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея). Ф. 92. Д. 2. Л. 8.
- ⁴ Бызовы. Голоса прошлого. С. 475.
- ⁵ Дневник Андросовой Н. Д. Л. 28.
- ⁶ Там же. Л. 56.
- ⁷ Бызовы. Голоса прошлого. С. 474.
- ⁸ Цветаева М. И. За всех — противу всех!: Судьба поэта: В стихотворениях, поэмах, очерках, дневниковых записях, письмах/Сост. Л. В. Поликовской; Вступ. ст., коммент. Л. В. Поликовской, М. А. Долговой. М.: Высш. шк., 1992. С. 86.
- ⁹ Там же. С. 92.
- ¹⁰ Шиль С. Н. Указ. соч. С. 169.
- ¹¹ Бызовы. Голоса прошлого. С. 474.
- ¹² Одоевцева И. В. На берегах Невы // Электронная библиотека ЛИТМИР URL: <https://www.litmir.me/br/?b=21054&p=1> (дата обращения: 28.08.2019).
- ¹³ Шиль С. Н. Указ. соч. 163.
- ¹⁴ Одоевцева И. В. Указ. соч.
- ¹⁵ Дневник Андросовой Н. Д. Л. 57.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Шиль С. Н. Указ. соч. С. 168.
- ¹⁹ Там же. С. 162–163.
- ²⁰ Бызовы. Голоса прошлого. С. 474.
- ²¹ Шиль С. Н. Указ. соч. С. 169.
- ²² Дневник Андросовой Н. Д. Л. 17.
- ²³ Там же. Л. 65.
- ²⁴ Одоевцева И. В. Указ. соч.
- ²⁵ Дневник Андросовой Н. Д. Л. 61.
- ²⁶ Цветаева М. И. Указ. соч. С. 28.

Список литературы

- Бызовы. Голоса прошлого. В 2 т. Т. 1. Кн. 2. М.: Новый Хронограф, 2016.
- Дневник Андросовой Н. Д. // ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея). Ф. 92. Д. 2.
- Одоевцева И. В. На берегах Невы // Электронная библиотека ЛИТМИР URL: <https://www.litmir.me/br/?b=21054&p=1> (дата обращения: 28.08.2019).
- Цветаева М. И. За всех — противу всех!: Судьба поэта: В стихотворениях, поэмах, очерках, дневниковых записях, письмах/Сост. Л. В. Поликовской; Вступ. ст., коммент. Л. В. Поликовской, М. А. Долговой. М.: Высш. шк., 1992.
- Шиль С. Н. Крымские записки. 1916–1921. М.: Новый Хронограф, 2018.

Богдашина Ирина Владимировна

*Институт этнологии и антропологии РАН
аспирантка Центра гендерных исследований*

E-mail: irai8bogdashina@mail.ru

Мода и телесность в советских женских журналах 1955–1965 гг.¹

Аннотация: Уход за телом в период хрущевской «оттепели» становится модной тенденцией. Женские журналы, являющиеся важнейшим источником по истории конструирования телесности, формировали каноны красоты и предлагали советы по гигиене тела. Женщины впервые получили возможность открыто уделять внимание советам по уходу за собой, что превратилось не только в интерес, но и в насущную потребность. Власти искали новые подходы к проблемам «искусственной» красоты, благодаря чему расширился ассортимент косметических средств. Многие аспекты, касающиеся красоты и телесности, стали освещаться на страницах женских журналов, заняв обязательное место среди прочих актуальных тем.

Ключевые слова: телесность, женские журналы, мода, гигиена, косметические советы, 1950-е, 1960-е.

Abstract. Body care during the “Khrushchev thaw” is becoming a fashionable trend. Women's magazines, the most important source on the history of the design of physicality, formed the canons of beauty and offered advice on body hygiene. For the first time, women got the opportunity to openly pay attention to self-care tips, which turned not only into interest, but also an urgent need. The authorities were looking for new approaches to the problems of “artificial” beauty, which expanded the range of cosmetics. Many aspects relating to beauty and physicality began to be covered on the pages of women's magazines, taking a mandatory place among other relevant topics.

Keywords: physicality, women's magazines, fashion, hygiene, cosmetic tips, 1950–1960s

¹ Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ 19-09-00191.

Телесность — это искусственно созданная система отношений между плотью и наносимыми на нее знаками культуры¹. Изучение женской идентичности в любую эпоху невозможно без обращения к этой теме. Женские журналы советского периода — важнейший источник по истории конструирования женской телесности, равно как идеологических надстроек над нею (норм, предписаний), которые исподволь внедрялись в женское сознание. Внимание к телесной чистоте и борьба за новые гигиенические нормы — явление, характеризующее культурную революцию первых десятилетий советской власти. К 1950–1960-м годам телесные практики стали превращаться в модный тренд и породили новое отношение к пониманию гигиены и красоты.

Цель данного исследования — выявить сюжеты, касающиеся гигиены тела, и проследить динамику перемен основных тенденций, анализируя тексты и визуальную составляющую женских журналов (фотографии, карикатуры) 1950–1960-х годов. Женская пресса сравнительно недавно стала предметом научного интереса: В. В. Боннер-Смеюха одной из первых изучила особенности и типологию женской периодики². Различным аспектам содержания женских журналов посвящены работы Е. В. Гамелько, А. А. Днепровской, А. И. Громовой и других³. Внимание ученых также было уделено вопросам телесной гигиены и канонам красоты; здесь стоит отметить работы О. Б. Вайнштейн, К. О. Гусаровой, Н. Б. Лебиной, И. В. Виниченко и др.⁴. Однако вышеупомянутые исследования носят обобщающий характер и специально не рассматривали аспекты женской телесности и формирования представлений об уходе за телом в женской периодике 1950–1960-х годов.

Приподнятый в годы хрущевской «оттепели» «железный занавес» позволил трансформировать каноны женственности и, в некоторой степени, гендерный порядок. Периодическая печать являлась наиболее доступным транслятором информации для населения — женщины всей страны читали такие, предназначенные специально для них журналы, как «Работница», «Крестьянка» и «Советская женщина». Отдельно стоит отметить журнал «Здоровье», который также изобилует советами по здоровью и гигиене. Являясь кладезем ценных сведений, женские журналы формировали не только гигиеническую культуру, но и облик современных женщин.

На внешность женщин в период хрущевских реформ в значительной степени повлияли химизация народного хозяйства, а также фактор ослабления со стороны власти жесткого регламентирования различных

аспектов, связанных с телесными практиками. Если в 1950-е годы на страницах журналов уделялось большее внимание гигиене тела как необходимой для поддержания здоровья процедуре, то в 1960-е годы советы были направлены не только на оздоровление, но и на телесную красоту.

В журналах косметические советы по уходу за телом давались в различных рубриках. В «Работнице» — «Последите за собой, пожалуйста!», «О том, о сем...», «Полезные советы», «Отвечаем читателям»; в «Крестьянке» — «Советы врача», «Советы косметолога», в «Советской женщине» — «Советы косметолога», «Отвечаем на вопросы читателя», «Полезные советы», а в журнале «Здоровье» — «Советы здоровья», «Здоровье — женщине». Стоит отметить, что содержание каждого из этих периодических изданий было направлено на определенную группу читателей. Так, журнал «Крестьянка» был рассчитан на сельскую женщину, информация в нем была упрощена, а советы по гигиене тела встречались реже, чем в остальных журналах. Журнал «Работница», на наш взгляд, являлся самым распространенным и информативным, его читало наибольшее число женщин. Издание «Советская женщина» являлось самым дорогостоящим, и было направлено на общественниц, а его страницы были наполнены богатым материалом, прежде всего о красоте тела. Отдельно стоит отметить журнал «Здоровье», который в большей степени был адресован скорее женщинам, нежели мужчинам, и пропагандировал идею о том, что гигиена тела необходима для создания телесного здоровья, а не красоты.

Советы по уходу за телом давали врачи и врачи-косметологи, условно их можно разделить на такие категории, как уход за лицом, волосами, руками и ногами. Отдельно стоит отметить темы, касающиеся косметических средств, их ассортимента и применения.

По мнению врачей, кожа требовала тщательного ухода, и лучшим средством для этого являлось соблюдение гигиены тела, которая заключалась в том, чтобы «ежедневно мыться до пояса, не реже раза в неделю принимать душ, ванну или ходить в баню»⁵. Женщинам для того, чтобы выглядеть опрятно, рекомендовалось каждый день мыться или обтираться водой, чистить зубы утром и вечером, а руки и ногти всегда содержать в безукоризненном состоянии⁶. В середине 1960-х годов в «Работнице» было заявлено, что «в любом возрасте женщина может быть привлекательна, если она умеет следить за собой»⁷. Задача объяснить, как именно следить за собой, возлагалась на женские журналы, которые были призваны помочь поднять уровень знаний о личной гигиене.

Немало советов было направлено на уход за кожей лица. Вопросам борьбы с таким «косметическим недостатком», как веснушки, было посвящено большинство писем читательниц в редакцию журнала «Советская женщина». Им рекомендовалось использовать кремы и различные смеси⁸. Читательниц также интересовал уход за жирной кожей лица, которая являлась «своеобразным косметическим недостатком» и требовала повседневного внимания⁹. Предлагалось не только наносить маски, смазывать кожу специальными кремами для жирной кожи, в частности собственного приготовления, но и посещать врачебно-косметические кабинеты¹⁰. Волновало женщин и появление морщин, которых можно было избежать только при «постоянном уходе за кожей»¹¹. Предотвращению морщин должны были способствовать такие косметические процедуры, как нанесение витаминных масок и кремов¹².

В середине 1960-х годов косметическая промышленность достигла наивысшего расцвета. Так, указывалось, что «наша промышленность выпускает различные питательные кремы с биологически активными веществами, которые должны были «предупредить появление морщин»¹³. Помимо применения кремов, советовалось проводить гимнастику лица, которая являлась «прекрасным средством против преждевременного увядания и старения кожи», а также сочетать косметические процедуры с физическими упражнениями¹⁴. В начале 1960-х годов женщин все больше стали интересовать советы не только по уходу за лицом, но и правильному применению и выбору косметических средств. Появляются статьи, посвященные свойствам мыла, кремов и лосьонов, выбору щеток для волос, новинкам косметики¹⁵.

Важнейшей косметической процедурой являлось нанесение масок, во многом потому, что они были «косметикой для всех», которую можно «легко приготовить самим»¹⁶. Рекомендовалось изготавливать маски самостоятельно, используя свежие фрукты и овощи¹⁷. Наибольшее внимание маскам уделялось в журнале «Советская женщина»: их рекомендовалось делать ежедневно и «лучше всего — перед утренним умыванием»¹⁸.

«Стремление человека быть более красивым» считалось вполне естественным, а косметику подразделяли на врачебную и декоративную. При этом отмечалось, что «некоторые женщины пользуются декоративной косметикой систематически, ежедневно, чем приносят вред своей коже». Не рекомендовалось использовать декоративную косметику «здоровым, цветущим девушкам»¹⁹. В середине 1950-х годов указывалось, что женщины «иногда прибегают к подкрашиванию ресниц и бровей»,

при этом авторы статей советовали придавать бровям «более естественный цвет»²⁰. А губную помаду женщины «могут применять» в качестве смягчающих средств — правда, это «ведет к потере природной яркой окраски губ»²¹. Более благосклонно косметологи относились к пудре, которая «придает лицу матовый оттенок, бархатистость, впитывает выделения кожи, предохраняет от солнца, пыли»²². Самой распространенной декоративной косметикой к началу 1960-х годов оставались пудра и губная помада, которые «должны быть тщательно и умело подобраны»²³. В целом же на страницах журналов не только осуждалось, но и высмеивалось чрезмерное использование декоративной косметики. Указывалось, что женщину украшает «не только красивая одежда, прическа, сделанная со вкусом и к лицу, но и естественность всего ее облика»²⁴.

Стоит отметить, что наибольшее количество советов было посвящено уходу за волосами, ведь «волосы — лучшее украшение женщины»²⁵. Косметологи отрицательно относились к химическим средствам окраски волос и рекомендовали краски растительного происхождения, в то время как «высококачественная краска для волос» «Гамма» появляется лишь в начале 1960-х годов²⁶. Женщин предупреждали об опасности использования горячих щипцов, перманента и химической завивки волос, которая получила «все большее распространение» к 1960-м годам²⁷. Что касается гигиены волос, то жирные волосы советовали мыть один раз в неделю, а сухие — один раз в 10–14 дней²⁸.

Важное значение имел внешний вид рук, которые должны быть красивыми, чего можно было добиться, если «следить за чистотой рук и ногтей ежедневно»²⁹. Женщинам рекомендовалось пользоваться лосьонами, кремами, проводить специальный уход за ногтями — маникюр, который «можно и нужно делать регулярно»³⁰. Предлагалось покрывать ногти бесцветным лаком, но «еще лучше обходиться вообще без лака», который мог вызвать воспалительный процесс³¹. Ноги рекомендовалось мыть каждый день, а также стричь ногти и делать массаж³².

Анализ массовой женской прессы позволяет сделать вывод о том, что журналы являлись важнейшим транслятором и регулятором потребностей женщин, которые в большей мере стали интересоваться советами по уходу за телом, о чем свидетельствуют письма с вопросами самих читательниц в редакции журналов. Руководство страны искало принципиально новые подходы к проблемам «искусственной» красоты, благодаря чему расширился ассортимент косметических средств. Важно отметить, что до 1950-х годов журналы не учили женщин уходу за собой, и появ-

ление таких советов стало своеобразным поворотом в женской истории. Изменение идеологии, связанное не только с восстановлением экономики, но и с проникновением западных идей, характеризуется переломным моментом в культуре потребления. Обращение к человеку среднего класса, который выступает основным потребителем западного стиля жизни, требовало воспитания вкуса. Развитие чувства стиля выполняло регулирующую роль в становлении советской социалистической культуры, направленной на рационализацию заимствованных идей. Несмотря на это, для женщин становится не только важным, но и привычным выглядеть красиво, используя при этом косметические средства, в т. ч. и вредящие здоровью. Таким образом, в период «оттепели» многие аспекты, касающиеся гигиены и телесности, стали появляться на страницах женских журналов, завоевав особое место в числе прочих актуальных тем.

¹ Макаров А. И., Торопова А. А. Отчуждение тела: трактовка концепта телесности в постмодернизме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2016. № 4 (34). С. 17.

² Боннер-Смеюха В. В. Отечественные женские журналы: Историко-типологические исследования: автореф. дис....канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001.

³ Гамелько Е. В. Образ советской женщины на страницах журнала «Работница» за 1940–1991 гг. // Молодой ученый. 2009. № 7. С. 174–177; Днепровская А. А. Образ советской труженицы в первое послевоенное десятилетие (по материалам специальных женских изданий) // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 91–98; Громова А. И. Идеал красоты в отечественных женских журналах начала XX в.: изменение паттернов контроля за женским телом // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 3. С. 33–39; Милицина А., Юрьева Т. В. Образ советской женщины в журнале «Работница» // Человек в информационном пространстве. 2019. С. 285–292.

⁴ Вайнштейн О. Б. «Полные смотрят вниз»: Идеология женской телесности в контексте российской моды // Художественный журнал. 1995. № 7. С. 49–53; Гусарова К. О. «Я никогда не увлекалась косметикой»: советский опыт «искусственной» красоты // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). С. 142–156; Лебина Н. Б. Шестидесятники: слово и тело (стилистика советской повседневности 1950–60-х годов) // Теория моды: одежда, тело, культура. 2007. № 3. С. 325–348; Виниченко И. В. Механизмы трансляции моды в СССР в период «оттепели» // Омский научный вестник. 2008. № 6 (74). С. 50–53; Чернявская Ю. В. Динамика советской телесности // Человек. 2011. № 6. С. 95–118.

⁵ Трубицин А. У косметики нет секретов // Работница. 1960. № 3. С. 30.

⁶ Последите за собой, пожалуйста! // Работница. 1960. № 7. С. 31.

- ⁷ Драновская Л. Красота и здоровье // Работница. 1965. № 2. С. 31.
- ⁸ Еще раз о веснушках // Советская женщина 1963. № 4. С. 39; Розентул Л. М. Как вывести веснушки // Здоровье. 1955. № 3. С. 29; Назарова Т. О веснушках и пигментных пятнах // Работница. 1955. № 3. С. 31.
- ⁹ Поликарпова М. Г. Как ухаживать за пористой кожей // Здоровье. 1956. № 12. С. 28; Назарова Т. Как выводить угри // Работница. 1955. № 9. С. 32.
- ¹⁰ Розентул Л. М. Угри и уход за жирной кожей // Здоровье. 1962. № 8. С. 31; Драновская Л. А. Для жирной кожи лица // Здоровье. 1963. № 9. С. 31; Розентул Л. Уход за кожей лица летом // Крестьянка. 1960. № 7. С. 31; Поликарпова М. Г. Уход за жирной кожей лица // Здоровье. 1955. № 6. С. 29.
- ¹¹ Радовская Л. Ранние морщины // Работница. 1965. № 6. С. 30.
- ¹² Радовская Л. Чтобы не было морщин // Крестьянка. 1965. № 1. С. 32; Кольгуненко И. В солнечные дни // Советская женщина. 1956. № 5. С. 48; Поликарпова М. Чтобы не было морщин // Советская женщина. 1960. № 1. С. 37.
- ¹³ Немного о косметике // Здоровье. 1965. № 3. С. 18.
- ¹⁴ Ласс Д., Поликарпова М. Гимнастика лица // Советская женщина. 1959. № 2. С. 46; Тишлер В. Физкультура и кремы // Советская женщина. 1964. № 10. С. 36.
- ¹⁵ Попов И. П. Косметические свойства мыла // Здоровье. 1957. № 12. С. 29; Поликарпова М. Г. Щетки для волос // Здоровье. 1958. № 10. С. 31; Гусарова А. С. Витаминизированные лосьон и крем «Утро» // Здоровье. 1961. № 3. С. 31; Новинки косметики // Советская женщина. 1964. № 2. С. 38.
- ¹⁶ Ласс Д. Берегите кожу лица зимой // Советская женщина. 1956. № 1. С. 46; Маршак Я. Косметика для всех // Работница. 1961. № 3. С. 31.
- ¹⁷ Летняя косметика // Работница. 1961. № 7. С. 31.
- ¹⁸ Поликарпова М. Для белизны лица // Советская женщина. 1957. № 5. С. 46; Ласс Д. И., Поликарпова М. Витаминные маски // Советская женщина. 1959. № 7. С. 48; Тимофеева В. Маски из трав и овощей // Советская женщина. 1961. № 1. С. 29.
- ¹⁹ Трубицин А. У косметики нет секретов // Работница. 1960. № 3. С. 30.
- ²⁰ Кольгуненко И. И. Уход за бровями и ресницами // Здоровье. 1956. № 10. С. 32.
- ²¹ Кольгуненко И. И. Уход за губами // Здоровье. 1957. № 5. С. 30; Гусарова А. Если вам до двадцати пяти... // Советская женщина. 1958. № 10. С. 48.
- ²² Розентул Л. О духах и пудре // Крестьянка. 1962. № 4. С. 32.
- ²³ Маршак Я. Кое-что о косметике // Работница. 1962. № 4. С. 31.
- ²⁴ Семенова Е. Косметическое поветрие // Работница. 1962. № 8. С. 30; Битный М. «Мама, а почему ты сначала умываешься, а потом пачкаешься?» // Здоровье. 1965. № 1. С. 14; Самойлов Л. «Ужель та самая Татьяна!» // Здоровье. 1965. № 2. С. 16.
- ²⁵ Поликарпова М. Почему секутся волосы // Крестьянка. 1961. № 5. С. 32.
- ²⁶ Демьянович М. П. Уход за волосами // Здоровье. 1955. № 8. С. 29; Лаптева С. Фабрика красоты и молодости // Работница. 1961. № 10. С. 30.
- ²⁷ Ласс Д. И. Берегите волосы // Здоровье. 1956. № 6. С. 31; Поликарпова М. Г. О химической завивке волос // Здоровье. 1959. № 12. С. 29.

- ²⁸ Кольгуненко И. Красивые волосы // Советская женщина. 1964. № 11. С. 40.
- ²⁹ Розентул М. Уход за ногтями // Здоровье. 1956. № 5. С. 31; Гусарова А. Руки должны быть красивыми! // Советская женщина. 1960. № 6. С. 44.
- ³⁰ Смирнов Н. Уход за руками // Работница. 1955. № 8. С. 32; Поликарпова М. Ухаживайте за кожей рук // Советская женщина. 1956. № 4. С. 45; Гусарова А. С. Средства для ухода за руками // Здоровье. 1962. № 1. С. 31.
- ³¹ Последите за собой, пожалуйста! // Работница. 1960. № 7. С. 31; Машкиллейсон Л. Н. Болезни моды // Здоровье. 1960. № 3. С. 27.
- ³² Уход за ногами // Работница. 1957. № 4. С. 31.

Список литературы

Битный М. «Мама, а почему ты сначала умываешься, а потом пачкаешься?» // Здоровье. 1965. № 1. С. 14.

Боннер-Смеюха В. В. Отечественные женские журналы: Историко-типологические исследования: автореф. дис.... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 26 с.

Вайнштейн О. Б. «Полные смотрят вниз»: Идеология женской телесности в контексте российской моды // Художественный журнал. 1995. № 7. С. 49–53.

Виниченко И. В. Механизмы трансляции моды в СССР в период «оттепели» // Омский научный вестник. 2008. № 6 (74). С. 50–53.

Гамелько Е. В. Образ советской женщины на страницах журнала «Работница» за 1940–1991 гг. // Молодой ученый. 2009. № 7. С. 174–177.

Громова А. И. Идеал красоты в отечественных женских журналах начала XX в.: изменение паттернов контроля за женским телом // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 3. С. 33–39.

Гусарова А. Если вам до двадцати пяти... // Советская женщина. 1958. № 10. С. 48.

Гусарова А. Руки должны быть красивыми! // Советская женщина. 1960. № 6. С. 44.

Гусарова А. С. Витаминизированные лосьон и крем «Утро» // Здоровье. 1961. № 3. С. 31.

Гусарова А. С. Средства для ухода за руками // Здоровье. 1962. № 1. С. 31.

Гусарова К. О. «Я никогда не увлекалась косметикой»: советский опыт «искусственной» красоты // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). С. 142–156.

Днепровская А. А. Образ советской труженицы в первое послевоенное десятилетие (по материалам специальных женских изданий) // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 91–98.

Демьянович М. П. Уход за волосами // Здоровье. 1955. № 8. С. 29.

Драновская Л. А. Для жирной кожи лица // Здоровье. 1963. № 9. С. 31.

Драновская Л. Красота и здоровье // Работница. 1965. № 2. С. 30–31.

Еще раз о веснушках // Советская женщина 1963. № 4. С. 39.

- Кольгуненко И. В солнечные дни // Советская женщина. 1956. № 5. С. 48.
- Кольгуненко И. Красивые волосы // Советская женщина. 1964. № 11. С. 40.
- Кольгуненко И.И. Уход за бровями и ресницами // Здоровье. 1956. № 10. С. 32.
- Кольгуненко И.И. Уход за губами // Здоровье. 1957. № 5. С. 30.
- Лаптева С. Фабрика красоты и молодости // Работница. 1961. № 10. С. 30.
- Ласс Д.И. Берегите волосы // Здоровье. 1956. № 6. С. 31.
- Ласс Д. Берегите кожу лица зимой // Советская женщина. 1956. № 1. С. 46.
- Ласс Д., Поликарпова М. Гимнастика лица // Советская женщина. 1959. № 2. С. 46.
- Ласс Д.И., Поликарпова М. Витаминные маски // Советская женщина. 1959. № 7. С. 48.
- Лебина Н.Б. Шестидесятники: слово и тело (стилистика советской повседневности 1950–60-х годов) // Теория моды: одежда, тело, культура. 2007. № 3. С. 325–348.
- Летняя косметика // Работница. 1961. № 7. С. 31.
- Макаров А.И., Торопова А.А. Отчуждение тела: трактовка концепта телесности в постмодернизме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2016. № 4 (34). С. 16–26.
- Маршак Я. Косметика для всех // Работница. 1961. № 3. С. 31.
- Маршак Я. Кое-что о косметике // Работница. 1962. № 4. С. 31.
- Машкиллейсон Л.Н. Болезни моды // Здоровье. 1960. № 3. С. 26–27.
- Милицина А., Юрьева Т.В. Образ советской женщины в журнале «Работница» // Человек в информационном пространстве. 2019. С. 285–292.
- Назарова Т. О веснушках и пигментных пятнах // Работница. 1955. № 3. С. 31.
- Назарова Т. Как выводить угри // Работница. 1955. № 9. С. 32.
- Немного о косметике // Здоровье. 1965. № 3. С. 18.
- Новинки косметики // Советская женщина. 1964. № 2. С. 38.
- Поликарпова М.Г. Уход за жирной кожей лица // Здоровье. 1955. № 6. С. 29.
- Поликарпова М.Г. Как ухаживать за пористой кожей // Здоровье. 1956. № 12. С. 28.
- Поликарпова М.Г. Щетки для волос // Здоровье. 1958. № 10. С. 31.
- Поликарпова М.Г. О химической завивке волос // Здоровье. 1959. № 12. С. 29.
- Поликарпова М. Ухаживайте за кожей рук // Советская женщина. 1956. № 4. С. 45.
- Поликарпова М. Для белизны лица // Советская женщина. 1957. № 5. С. 46.
- Поликарпова М. Чтобы не было морщин // Советская женщина. 1960. № 1. С. 37.
- Поликарпова М. Почему секутся волосы // Крестьянка. 1961. № 5. С. 32.
- Попов И.П. Косметические свойства мыла // Здоровье. 1957. № 12. С. 29.
- Последите за собой, пожалуйста! // Работница. 1960. № 7. С. 31.

- Радовская Л. Ранние морщины // Работница. 1965. № 6. С. 30.
- Радовская Л. Чтобы не было морщин // Крестьянка. 1965. № 1. С. 32.
- Розентул Л. М. Как вывести веснушки // Здоровье. 1955. № 3. С. 29.
- Розентул Л. М. Уход за ногтями // Здоровье. 1956. № 5. С. 31.
- Розентул Л. М. Угри и уход за жирной кожей // Здоровье. 1962. № 8. С. 31.
- Розентул Л. Уход за кожей лица летом // Крестьянка. 1960. № 7. С. 31.
- Розентул Л. О духах и пудре // Крестьянка. 1962. № 4. С. 32.
- Самойлов Л. «Ужель та самая Татьяна!» // Здоровье. 1965. № 2. С. 16.
- Семенова Е. Косметическое поветрие // Работница. 1962. № 8. С. 30.
- Смирнов Н. Уход за руками // Работница. 1955. № 8. С. 32.
- Тимофеева В. Маски из трав и овощей // Советская женщина. 1961. № 1. С. 29.
- Тишлер В. Физкультура и кремы // Советская женщина. 1964. № 10. С. 36.
- Трубицин А. У косметики нет секретов // Работница. 1960. № 3. С. 30.
- Уход за ногами // Работница. 1957. № 4. С. 31.
- Чернявская Ю. В. Динамика советской телесности // Человек. 2011. № 6. С. 95–118.

Лисицына Ольга Игоревна

*Тверской государственный университет
к. и. н., доцент кафедры всеобщей истории*

E-mail: olglisitsyna@yandex.ru

Трансформации восприятия материнства в пореформенной России (по материалам медицинской периодики)¹

Аннотация. В пореформенной России происходит динамичный рост женского самосознания что, с одной стороны, влечет за собой всплеск общественной полемики по так наз. «женскому вопросу», а с другой — приводит к актуализации проблемы материнства, как особо значимой в патриархальном обществе женской роли. Фертильность и материнство начинают активно обсуждаться как в общественно-публицистическом, так и в медицинском дискурсе, причем в последнем подобные рассуждения зачастую покидают плоскость репродуктивной медицины, и разворачиваются в социальном и этическом ключе. В условиях господства «буржуазной половой морали» первые попытки пересмотра женской телесности вне репродуктивного контекста вызывают широкое общественное противодействие. Взгляд медицинского сообщества на трансформацию женского сознания и отношения к материнству представляет особый интерес, т. к. данный дискурс в конце XIX — начале XX вв. являлся наиболее открытым и невосприимчивым к табу, налагаемым моралью на подобные речевые практики, но в то же время был подвержен тем же тенденциям, что и общественные дискуссии.

Ключевые слова: Российская империя, материнство, женское самосознание, история медицины, традиционный гендерный порядок

Abstract. In post-reform Russia there is a dynamic growth of women's self-awareness, which entails, on the one side, a surge of social controversy on the so-called «women's question», and on the other side, leads to the actualization of the problem of motherhood as particularly significant in the

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект МД-3743.2018.6.

patriarchal society of the female role. Fertility and maternity are beginning to be actively discussed both in public-journalistic and in medical discourse, and in the medical discourse such arguments often leave the plane of reproductive medicine and unfold in a social and ethical way. However, the first attempts to separate the recreational function of female sexuality from the pro-creative cause a wide public opposition. The view of the medical community on the transformation of female consciousness and attitudes towards motherhood is of particular interest, since the medical discourse of the late XIX — early XX century should be recognized as the most open and unresponsive to the taboo, imposed on similar speech practices by bourgeois morality.

Keywords: Russian empire, motherhood, female identity, history of medicine, traditional gender order

Во второй половине XIX в. в Российской империи происходит интенсивное развитие медицинской науки, являющее собой часть общеевропейской тенденции. Одновременно в отечественной медицине завершается процесс выделения в самостоятельные клинические научные дисциплины акушерства и гинекологии¹. Несмотря на то, что последняя продолжала восприниматься преимущественно в репродуктивном контексте, ее развитие в данный период также представляется несомненным. К концу XIX в. дискурс о положении женщины и о роли материнства в ее жизни пополняют медицинские периодические издания, такие как «Акушерка», «Журнал акушерства и женских болезней» и др.

В такого рода изданиях публиковались материалы как российских, так и зарубежных представителей медицинского сообщества, и если переведенные материалы в большинстве своем носят сухой, справочный характер (как правило, это рефераты работ западных врачей, зачастую — их публикаций в зарубежной медицинской периодике, представляющих собой описание отдельных «случаев», т. е. «казуистику», либо тех или иных новшеств: «влагалищных оросителей», «спиралей», «пес-сариев»), то русскоязычные статьи и материалы нередко покидают предметную область медицины. Через вопросы, связанные с проблемами беременности, родов и ухода за детьми, они выходят в плоскость демографии, этнографии, антропологии, этики и социальной проблематики.

Подобные тексты представляются особенно значимыми для изучения трансформации отношения к материнству, ведь в условиях господства буржуазной викторианской морали, воспринятой верхушкой российского общества, медицинский дискурс остается самым непредвзятым, хоть и по пре-

имуществу мужским². В данных изданиях проливается свет на реальное положение вещей в таких табуированных областях, как сексуальность, беременность, роды и контроль над рождаемостью. Таким образом, наличие в медицинской периодике рассуждений и дискуссий на этот счет позволяет сформировать более точное представление о реальном репродуктивном поведении женщин в Российской империи конца XIX — начала XX в.

В частности, в этической плоскости, связанной непосредственно с проблемой материнства, разворачивается полемика по такому, казалось бы, сугубо медицинскому вопросу, как определение предметной области гинекологии. Как уже упоминалось, гинекология в данный период испытывает сильное влияние акушерства и вне его фактически не развивается, женские половые органы именуются «детородными частями» и значительно более распространенной, чем «акушерство и гинекология», является такая связка понятий, как «акушерство и женские болезни»³.

Несмотря на то, что термин «гинекология» еще лишь входит в употребление⁴, и подразумевает под собой лечение «женских болезней», некоторые врачи дают ему собственную трактовку, отличную от общепринятой. Так, профессор «акушерства и женских болезней», директор Варшавского повивального института Н. В. Ястребов определяет гинекологию как «науку о женщине» и в качестве ее главной задачи называет «соблюдение интересов женщины»⁵. Далее в той же статье он рассуждает — «что есть женщина»: в первую очередь «индивидуум» или «производительница»⁶? Такая постановка вопроса в статье об оперативном вмешательстве отнюдь не случайна, учитывая уровень развития хирургии, который, несмотря на упомянутый выше научный прогресс в данной области, на практике зачастую продолжал оставаться весьма низким. Во-первых, несмотря на рост числа больниц и родильных домов, где женщины разных сословий могли получить квалифицированную медицинскую помощь, отношение общества к вмешательству врачей-мужчин в столь табуированную сферу женской телесности оставалось крайне настороженным, в связи с чем обращение к врачу зачастую происходило лишь тогда, когда положение больной становилось критическим, и врачебная помощь просто запаздывала. Во-вторых, подобный рост количества медицинских учреждений не всегда подкреплялся качеством медицинских услуг, а главное — наличием необходимого оборудования и условий для проведения оперативного вмешательства. Поэтому упомянутый выше вопрос фактически означал расстановку приоритетов при выборе между спасением жизни матери и спасением жизни младенца⁷.

О том, что зачастую проблема такого выбора действительно стояла крайне остро в реалиях дореволюционной врачебной практики, свидетельствуют и казуистика, и статистика, и медицинские заметки, и статьи. Последние красноречиво демонстрируют уровень развития «асептики и антисептики», констатируя, например, необходимость мытья рук с мылом или стерилизации инструментов перед гинекологическим осмотром и иным медицинским вмешательством⁸. В то же время нельзя не отметить и ощутимый прогресс в данной области в рассматриваемый период. Так, если еще в 1870-е годы в качестве антисептического средства зачастую используется простой лимонный сок, то для 1880-х годов характерны эксперименты с использованием «двуыодистой ртути» или очень распространенного в хирургической практике в эти годы «раствора сулемы», оказавшегося токсичным и приведшего к смерти многих пациентов⁹. Нерешенная проблема предотвращения заражений заставляла врачей, в особенности хирургов, даже оборудовать полностью изолированные стерильные комнаты¹⁰, однако широкое распространение так наз. «послеродовой» или «родильной горячки»¹¹, вызываемой заражением в процессе родов, свидетельствует о недостаточной степени развития дезинфицирующих антисептических средств.

В связи с этим самая, пожалуй, распространенная в современном акушерстве операция — кесарево сечение — являлась настолько опасной для женщин царской России, что смертность наступала примерно в 70–80% случаев; поэтому еще во второй половине XIX в. имелось два основных показания к ее проведению: «слишком узкий таз роженицы и ее смерть»¹². Такую опасность «кесарское сечение» представляло ввиду больших проблем не только с дезинфекцией, но и со способами заживления ран: вплоть до середины XIX в. после хирургического вмешательства зашивалась только кожа, а не внутренние ткани, что неизбежно вело к заражению и смерти пациентки. К концу века такая практика была изжита, но успех любой лапаротомии по-прежнему зависел от умения наложить «маточный шов» и правильно обеззаразить инструменты и нити¹³. Столь же рискованным оставалось и любое другое оперативное вмешательство, поэтому, ведя речь о хирургических операциях над беременными, нужно иметь в виду, что они предпринимались в качестве самой крайней меры, в то время как «простые» роды могли происходить и вовсе без постороннего (по крайней мере — врачебного) вмешательства.

Н. В. Ястребов призывает в ходе любых гинекологических лапаротомий идти по пути максимального сохранения репродуктивных функций

женщины¹⁴. Это влекло за собой дополнительный риск для жизни оперируемой, т. к. увеличивало время операции и нуждалось в соблюдении гораздо более высоких требований к антисептике, анестезии и врачебному профессионализму, что зачастую было недостижимо — не только в условиях земской врачебной практики, но и во многих крупных городах¹⁵.

Что же касается операций над беременными, по этому вопросу вслед за статьей Н. В. Ястребова в следующем же номере «Журнала акушерства и женских болезней» публикуется реферат сообщения немецкого врача А. Медовса по проблеме краниотомии¹⁶. Речь идет об операциях, направленных на раздробление черепа младенца с целью спасения жизни матери, использовавшихся как альтернатива «кесарского сечения» при трудных родах. По-видимому, в медицинской среде подобная практика была достаточно распространенной: периодика содержит немало статей о таких операциях, как «членорассечение» младенца, «перфорация живого плода»¹⁷. Еще в 40-е годы XIX в. А. П. Матвеевым была описана возможность произведения «искусственного выкидыша» с целью сохранения жизни матери, правда, речь шла о внематочных и иных осложненных беременностях, которые не могли быть выношены¹⁸.

В данном же докладе А. Медовс настаивает, что «правило, по которому следует жертвовать жизнью ребенка ради спасения жизни матери..., должно быть навсегда изгнано из акушерства и заменено другим: ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах рука акушера не должна посягать на человеческую жизнь»¹⁹. В качестве аргументации приводится статистика по лапаротомиям, проводившимся в Германии, где в результате повышения качества медицинских услуг и оборудования была достигнута минимальная смертность и матери, и плода, однако считать, что подобные результаты могли быть на тот момент повсеместно достижимы, нет оснований.

Позиция другой части медицинского сообщества нашла отражение в докладе доктора медицины П. Зейдлера, прочитанном на заседании Санкт-Петербургского акушерско-гинекологического общества в 1889 г.²⁰ Он находит возможным «на законных основаниях» пожертвовать «жизнью плода... для спасения жизни матери»²¹. При этом он считает допустимым по медицинским показаниям осуществлять как прерывание текущей беременности, так и предотвращение последующих²². Здесь следует отметить, что именно посредством врачей и патологизации беременности и деторождения в повседневную жизнь знатных и обеспеченных женщин начинают проникать контрацептивные средства. Хотя

самые ранние упоминания об использовании таких средств в женских эго-документах относятся к 1870-м годам, вполне очевидно, что приживалась данная практика с большим трудом²³. Даже в среде практикующих врачей отношение к употреблению контрацептивов было неоднозначным, и тот же П. Зейдлер делает симптоматичную оговорку, что считает «невежеством» и «дерзостью» просьбы о прерывании беременности со стороны физически здоровых пациенток²⁴.

Подобные тенденции вполне вписываются в русло общественного мнения, для которого прокреативная функция «половых отправлений» имеет неоспоримый приоритет перед рекреативной, и «нерепродуктивный» секс продолжает восприниматься как грех и преступление против человеческой природы²⁵. Однако постепенные изменения в восприятии самой женщиной беременности, родов и материнства в пореформенный период все же происходят. Материнство больше не расценивается как безусловная неизбежность, и на смену отстраненному, «апатичному» отношению к детям приходит «идеология «сознательного материнства»²⁶. Данная концепция была осуществима лишь в условиях сознательного сокращения женщиной количества переносимых ею беременностей, чему, казалось бы, как раз и призваны были способствовать разнообразные контрацептивы, но их применение оставалось в рассматриваемый период крайне ограниченным. Причиной этому служит как крайне неоднозначное общественное мнение по данному вопросу, так и устойчивость морально-нравственных установок самих женщин.

Пожалуй, одним из самых острых с этической точки зрения следует признать вопрос о допустимости контроля женщины над деторождением. Возникновение подобной проблемы восходит к середине XIX в. и связано с открытием в 1841 г. сперматозоидов и последовавшими за этим активными разработками различного рода контрацептивов, вскоре появившихся в продаже. Следует отметить, что, в отличие от стран Европы, в Российской империи и реклама, и продажа средств, ограничивающих рождаемость, осуществлялись легально²⁷.

Безусловно, средства предупреждения нежелательной беременности, как и ее прерывания, а также инфантицид применялись с древнейших времен, причем на Руси грани между тремя этими столь различными явлениями практически не существовало — в каждом из этих случаев речь шла о «душегубстве», которое сурово каралось, ведь единственным оправданием полового акта могло служить деторождение²⁸. Однако, несмотря на криминализацию подобных практик и запреты церкви, в кре-

стьянской среде, по-видимому, и в дореформенный период существовал традиционный спектр средств, служащих предотвращению или прерыванию женщинами беременности, востребованность же их в индустриальную эпоху лишь возросла²⁹.

При этом среди представительниц дворянства и интеллигенции практики, подобные крестьянским, практически никакого распространения, по-видимому, не получили — ни ранее, ни в пореформенный период. Об этом можно судить (за неимением иных, кроме медицинской «казуистики», источниковых материалов) на основе двух косвенных признаков. Во-первых, это существовавшая в среде образованных женщин система запретов и самозапретов, касающихся не только половых связей, но и отношения к собственному телу как к чему-то чуждому, постыдному, не заслуживающему внимания. Во-вторых, та сложность, с которой они и во второй половине XIX в. преодолевают морально-нравственные ограничения, прибегая к использованию контрацептивных средств даже по назначению врача.

В то же время на протяжении рассматриваемого периода использование средств для предотвращения нежелательной беременности постепенно входит в повседневные жизненные практики состоятельных и образованных россиянок. Отчасти это связано с размытием дворянского сословия и, следовательно, характерных для него морально-нравственных установок, но в большей степени — с происходившим в данный период ростом женского самосознания и последовавшей за ним рационализацией сексуальности. Однако зачастую единственным достойным оправданием для применения контрацепции в рассматриваемый период по-прежнему остаются медицинские показания.

Для пореформенной России характерны постепенные трансформации женских жизненных практик, связанных с телесностью, репродуктивным здоровьем, беременностью и родами. Безусловно, проникновение профессиональной медицины в столь интимную (а в ситуации отсутствия у женщин из высших слоев общества достаточных знаний о своем теле и его функциях — еще и мистифицированную) сферу жизни происходило с большим трудом и довольно медленными темпами. Однако к последнему десятилетию XIX в. вмешательство врачей-профессионалов в процесс деторождения становится все более распространенным явлением. Характерно, что по мере возникновения все большего количества больниц и клиник в орбиту врачебного «надзора» начинают попадать представительницы всех слоев населения, а отнюдь не только имущих.

Расширение врачебной практики в области акушерства и гинекологии естественным образом ведет к формированию особого медицинского дискурса о месте женщины в обществе в контексте ее репродуктивных обязанностей. Главной проблемой, вокруг которой развивается этот дискурс, становится проблема признания ценности женщины не только как матери, но и как личности. В связи с этим возникает вопрос об этичности контроля женщины над рождаемостью, который приводит к острым дискуссиям даже в наиболее прогрессивной врачебной среде.

¹ Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760–1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16. № 3. С. 158.

² Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 97.

³ Nardmann. Случай повреждения половых частей маленькой девочки // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. Т. 3. № 3. С. 230.

⁴ Массен В. Н. Гинекология на парижской всемирной выставке 1889 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 10. С. 1.

⁵ Ястребов Н. В. К вопросу об удалении двухсторонних паровариальных кист // Журнал акушерства и женских болезней. 1887. Т. 1. № 1. С. 15.

⁶ Там же. С. 15, 22.

⁷ См., напр.: Медицинский отчет по С.-Петербургскому родовспомогательному Заведению за 1888 год // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 6. С. 422–423.

⁸ См., напр.: Max Runge, Dorpat. О лечении послеродового гнилостного заражения // Журнал акушерства и женских болезней. 1887. Т. 1. № 2. С. 141.

⁹ Рейн Г. Е. Об асептике при чревосечениях // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. № 4. С. 282.

¹⁰ Дрентельн К. С. О порядке осмотра и приема рожениц и о правилах дезинфекции, установленных покойным профессором И. Ф. Баландиным в С.-Петербургском Еленинском Повивальном институте. Женщины-врача К. С. Дрентельн // Акушерка. 1894. № 1.

¹¹ Peter. О послеродовой горячке // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. № 2. С. 156.

¹² Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 161.

¹³ Müller С. J. Случай кесарского сечения // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. Т. 4. № 1. С. 71.

¹⁴ Ястребов Н. В. Указ. соч. С. 22.

- ¹⁵ Шидловский К. И. Рваная рана perinei, vaginae et recti. Из земской практики // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. Т. 3. № 3. С. 229.
- ¹⁶ Meadows A. Должна ли быть уничтожена краниотомия? // Журнал акушерства и женских болезней. 1887. Т. 1. № 2. С. 145.
- ¹⁷ Там же. С. 145.
- ¹⁸ Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 161.
- ¹⁹ Meadows A. Указ. соч. С. 145. Сохранена пунктуация автора.
- ²⁰ Зейдлер П. Допустимы ли при некоторых патологических процессах меры, клонящиеся к временному предотвращению беременности // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 5. С. 321–331.
- ²¹ Там же. С. 321.
- ²² Там же. С. 322.
- ²³ Мицюк Н. А. Средства контрацепции в повседневной жизни российских дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 2. С. 59.
- ²⁴ Зейдлер П. Указ. соч. С. 322.
- ²⁵ См. напр.: Толстой Л. Н. Крейцера соната // Собр. соч.: в 20 т. Т. 12. М., 1965. С. 162.
- ²⁶ Подробнее об этом см.: Мицюк Н. А. ТанDEM «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 92.
- ²⁷ Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX — начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 82.
- ²⁸ Кон И. С. сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М., 1997. С. 37; Пушкарева Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X — XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–17.
- ²⁹ Мухина З. З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре европейской России (вторая половина XIX — 30-е годы XX вв.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147–160.

Список литературы

Дрентельн К. С. О порядке осмотра и приема рожениц и о правилах дезинфекции, установленных покойных профессором И. Ф. Баландиным в С.-Петербургском Еленинском Повивальном институте. Женщины-врача К. С. Дрентельн // Акушерка. 1894. № 1.

Зейдлер П. Допустимы ли при некоторых патологических процессах меры, клонящиеся к временному предотвращению беременности // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 5. С. 321–331.

Кон И. С. сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М., 1997.

Массен В. Н. Гинекология на парижской всемирной выставке 1889 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 10.

Медицинский отчет по С.-Петербургскому родовспомогательному Заведению за 1888 год // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. № 6. С. 422–423.

Мицюк Н. А. Средства контрацепции в повседневной жизни российских дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 2. С. 49–68.

Мицюк Н. А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 90–104.

Мицюк Н. А., Пушкарёва Н. Л. От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760–1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16. № 3. С. 151–164.

Мухина З. З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре европейской России (вторая половина XIX — 30-е годы XX вв.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147–160.

Пушкарёва Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X — XX вв.): влияние православного и этнократического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–17.

Пушкарёва Н. Л., Мицюк Н. А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX — начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 73–89.

Рейн Г. Е. Об асептике при чревосечениях // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. № 4.

Толстой Л. Н. Крейцеровна соната // Собр. соч.: в 20 т. Т. 12. М., 1965.

Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

Шидловский К. И. Рваная рана *perinei, vaginae et recti*. Из земской практики // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. Т. 3. № 3.

Ястребов Н. В. К вопросу об удалении двухсторонних паровариальных кист // Журнал акушерства и женских болезней. 1887. Т. 1. № 1.

Max Runge, Dorpat. О лечении послеродового гнилостного заражения // Журнал акушерства и женских болезней. 1887. Т. 1. № 2.

Meadows A. Должна ли быть уничтожена краниотомия? // Журнал акушерства и женских болезней. 1887. Т. 1. № 2.

Müller C. J. Случай кесарского сечения // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. Т. 4. № 1.

Nardmann. Случай повреждения половых частей маленькой девочки // Журнал акушерства и женских болезней. 1889. Т. 3. № 3.

Peter. О послеродовой горячке // Журнал акушерства и женских болезней. 1890. № 2.

Тюренкова Дарья Олеговна

*Тверской государственный университет
аспирантка 4 года обучения, кафедра всеобщей истории*

E-mail: d.tyurenkova@yandex.ru

Семейные кинохроники как исторический источник по изучению истории женской повседневности в ГДР

Аннотация. Статья посвящена анализу информационного потенциала семейных кинохроник, опубликованных на портале Openmemorybox, при изучении истории повседневной жизни женщин в советской оккупационной зоне и ГДР (1945–1989 гг.). Автор рассматривает специфику привлечения видеоисточников, технические детали работы с указанным порталом, а также методы и принципы критики источника. В выводе автор подмечает уникальные особенности источника при исследовании повседневной жизни женщин, приводит возможные методы междисциплинарных подходов к работе с видеоисточниками.

Ключевые слова: ГДР, повседневная жизнь, история повседневности, история женщин, гендерные исследования, визуальная методология

Abstract. The article is an analysis of the information potential of family movie chronicles published on the Open memory box portal for studying the history of female everyday life in the Soviet occupation zone and East Germany (1945–1989). The author considers the specifics of attracting video sources, the technical details of working with this portal, as well as the methods and principles of criticizing the source. In conclusion, the author considers the unique features of the source in the study of women's everyday lives, gives possible methods for interdisciplinary approaches to studying with video sources.

Keywords: everyday life, everyday life history, history of women, gender studies, visual methodology

Семейные фильмы и домашняя кинохроника в ГДР привлекают все большее внимание исследователей Германии. На смену критике режима в официальной риторике, публицистике, СМИ и научных исследованиях вместе с так наз. остальгией — тенденцией к переосмыслению со-

циалистического опыта Германии в положительном ключе — приходит стремление к достоверности. Вслед за работами, положившими начало истории повседневности и истории женской повседневности в ГДР — трудами А. Людке¹, Л. Нитхаммера², Т. Линденбергера³ и других возникает интерес к тому, как в условиях диктатуры СЕПГ выглядели повседневные практики. Причем если в отношении истории женщин в научных и околонучных исследованиях в первые годы после объединения Германии бытовало мнение, что женщины — это «лучшее, что было в ГДР», основанное на сравнении уровня эмансипации в старых и новых федеральных землях, то со временем авторы перешли к более осторожным оценкам, основанным на комплексном анализе источников. Законодательство, речи функционеров СЕПГ и членов общественных организаций, данные периодической печати, подконтрольной партии, — все это позволяет выявить черты нормы и требуемые повседневные практики «новой» немецкой женщины. Что касается исследования реальной картины, реального отношения и повседневного поведения немок, здесь наибольшими информационными возможностями обладают письменные и устные свидетельства, фото- и видеоматериалы. Наряду с традиционными историческими источниками в фокусе внимания исследователей в последние годы оказалась домашняя кинохроника. Исследования специалистов по визуальной истории, визуальной антропологии и социологии, истории искусства, основанные на профессиональной и любительской фотографии и кинохронике ГДР, посвященные повседневной жизни, сегодня ведутся в Вестфальском университете им. Вильгельма в Мюнстере⁴, университете Гумбольдта в Берлине, Центре современной истории им. Лейбница в Потсдаме и др.

Цель данного исследования — выявить информационные возможности семейных кинохроник как исторического источника по изучению женской повседневности в ГДР. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: выявить ресурсы сети Интернет, содержащие материалы семейных кинохроник; охарактеризовать технические возможности работы с выявленными ресурсами; охарактеризовать особенности возникновения и существования семейных кинохроник в ГДР; выявить сюжеты женской повседневной жизни, воспроизводимые в семейных кинохрониках, и характер их фиксации; определить возможные методы работы с семейными кинохрониками как источником по изучению истории женской повседневности в ГДР. В основе исследования — гендерный подход, позволяющий изучить отражение повседневной

жизни граждан ГДР в семейной кинохронике через призму гендерной проблематики. В рамках изучения истории женской повседневности в связи с особенностями отношений «государство — личность» в ГДР был применен структурно-функциональный подход, специфика повседневной жизни рассмотрена во взаимосвязи с идеологическими установками, политикой СЕПГ и интересами государства на отдельных этапах его существования.

В августе-сентябре 2019 г. в сети был запущен проект «Открытая коробка памяти»⁵ (Openmemorybox), самая большая в мире оцифрованная коллекция частных видеозаписей (die Schmalfilme — видео, снятые на узкую пленку), домашних фильмов, снятых 149 семьями из 102 населенных пунктов ГДР. До этого проекта доступ исследователя к семейным кинохроникам был возможен либо в результате личного обращения к семьям, сохраняющим видеоархивы, либо ограничивался фрагментами записей, включаемых в документальные фильмы, снятые для телевидения⁶ или в рамках авторского кино. Начало оцифровке и публикации было положено в 2013 г., идея принадлежит режиссеру документального кино Альберто Херсковицу и политологу Лоуренсу Макфоллсу. Авторы проекта говорят об «истории снизу», частной жизни людей, о возможности современным жителям Германии посмотреть на ГДР и задать себе вопрос: «А так ли мы отличаемся?». Однозначного ответа при просмотре видеоархива, как предполагают авторы, найти невозможно. Историк Франц Бош отмечает, что семейные фильмы идеально подходят для более точного распознавания и оценки тех возможностей, которые позволяли ускользать от контроля диктатуры⁷. Общая продолжительность видео составляет 415 часов⁸. Уникальная особенность архива состоит в принципе навигации, основанном на более чем 50000 маркерах поиска и более чем 2700 поисковых терминах. Работа с проектом возможна в пяти вариантах: «Антиархив» — двухсекундные превью видео, возможность перейти к интересующему ролику, «Архив» — поиск по сопроводительному тексту, месту или десятилетию, «Рассказы» — подборки короткометражных фильмов, «Ящик» — киноархивы семей, «Рулон» — отдельные ленты видеопленки. За исключением раздела «рассказы», где дан закадровый комментарий от членов семьи, предоставившей запись, все видео — без звука: это объясняется как техническими особенностями обработки пленки, так и концепцией проекта. На момент подготовки данного текста в разделе «Рассказы» — 3 фильма; кураторы сообщают о скором дополнении раздела.

В планах авторов проекта — привлечение и оцифровка переданных семьями из бывшей ГДР новых видеопленок. Появление портала вызвало в немецкой прессе широкий резонанс, т. к. семейные кинохроники — типичное и показательное явление в ГДР, даже в 1950-х годах многие семьи имели видеокамеры. Широкая доступность камер была связана с деятельностью немецкой оптико-механической компании Pentacon, образованной в советской зоне оккупации Германии в 1947 г. путем слияния заводов Carl Zeiss, Ernemann, Ihagee. Сама традиция видеофиксации является элементом социалистической немецкой повседневности, позволяет исследователю делать вывод о традиции фиксировать на пленке в основном памятные и значимые события, о чем свидетельствуют записи, опубликованные на портале Orenmemoгуox. Исходя из характера съемки и поведения участников видео, можно сделать вывод: большая часть хроник создавалась для «домашнего» пользования или демонстрации близким людям; часто герои не сразу замечали, что их снимают.

Одна из особенностей работы с указанным порталом — решенный вопрос об авторских правах: видеоархивы предоставлены семьями добровольно и на условиях публичного доступа к частным записям, однако копирование материалов недопустимо по этическим соображениям и невозможно исходя из технических возможностей сайта.

Тысячи маркеров поиска — инструмент, позволяющий при изучении истории женской повседневности обнаружить в многочасовом архиве те фрагменты жизни женщин, которые не фиксируются или редко фиксируются в исторических источниках иных типов и видов, то, что ускользает из документальных фильмов. Большая часть видео связана с досугом в различных формах, причем в основном это непубличный досуг — отдых на пляже и на даче, прогулки, путешествия. Последние оказываются на пленке особенно часто — экскурсии, походы в пределах ГДР или ЧССР, редко встречаются кадры из Советского Союза. На пленке стремятся сохранить детали путешествия, окружающую природу или архитектуру; случайно или специально оказываются в кадре и просто проходившие мимо люди. Такие записи дают возможность среди прочего увидеть нежурнальную повседневную моду в одежде, прическах и т. п.

Популярный сюжет домашних видео — семейные праздники различного масштаба. На пленке представлены новые «социалистические ритуалы» и свадьбы, дни рождения, Новый год и Рождество, отмечаемые широко или в узком кругу, в квартире или на природе, в праздничных нарядах или домашней одежде, изображение которой едва ли можно найти

в каких-либо исторических источниках, кроме любительских фотографий и видеозаписей. Женщина на пленке — одна, с супругом, с детьми, с друзьями и коллегами — снимает сама или демонстрирует оператору выращенные цветы, фрукты, овощи, домашних животных, достопримечательности, фейерверк, первые шаги ребенка и семейные поездки в зоопарк, на рыбалку, на лыжную базу. Именно такие видео — короткие зарисовки — показывают, чему уделяли внимание немцы, что считали значимым, фиксируя на пленке.

Среди записей архива сложнее найти записи демонстраций и парадов, чем отдыха на нудистском пляже — допустимое в немецкой культуре явление, не политизированное и не регламентируемое специально. Движение «ФКК» (Freikörperkultur, культура свободного тела) возникло в Германии в конце XIX в., пропагандируя единение с природой, здоровый образ жизни, занятия спортом. В период Третьего Рейха нудистские пляжи были запрещены, после Второй мировой войны деятельность движения продолжилась. Большое количество мест отдыха на побережье Балтийского и Северного морей были снабжены табличкой «ФКК», что было нетипично для СССР и других социалистических стран. Движение в ГДР не только не противоречило государственному запросу, но и коррелировало с популярной установкой «Раз в неделю всяк из нас спорту посвятит хоть час». Существует мнение, объясняющее приверженность ФКК в ГДР своеобразной протестной реакцией немцев на тотальный контроль и слежку в государстве. Так или иначе, об отношении к нудизму как к норме можно сделать вывод, анализируя записи 1960–1970 годов — камера снимает с близкого расстояния обнаженные фигуры мужчин и женщин, играющих в волейбол, загорающих, прогуливающихся, играющих с детьми — сюжеты скорее посвящены фиксации досуга, в который вовлечен оператор, нежели съемке «редкости». Работа с подобными отрезками хроники позволяет исследователю, в частности, взаимодействовать с типично немецкими явлениями повседневной жизни, внимание в «официально одобренных» источниках на которых не акцентировалось.

Наряду с домашними кадрами и путешествиями изредка встречаются сюжеты, связанные с работой, например запись полостной операции, проводимой женской хирургической бригадой. Работая с архивом по десятилетиям, можно заметить, что с течением времени все больше фильмов — цветные, все чаще появляются в кадре личные автомобили — чаще всего «Трабант» — и мотоциклы, новостройки, к досугу добавляются дискотеки. С 1960-х годов один из объектов — Берлинская стена.

Методика работы с данным источником может быть основана на работе по десятилетиям с целью выявить изменения видов досуговых практик и их особенностей с течением времени. Также возможен подбор записей по конкретным темам для анализа сходств и отличий элементов повседневной жизни в официальном представлении и реальном воплощении.

Научная новизна данного исследования состоит во введении в научный оборот нового исторического источника — семейных кинохроник ГДР, обладающего широкими информационными возможностями для исследования женской повседневности. В ходе изучения темы были получены следующие выводы. Уникальность изучаемого источника состоит в его неофициальности, возможности исследовать процесс проживания повседневности вне идеологических рамок и цензуры. Наряду с выходившими на телеэкранах документальными фильмами и репортажами, архивами профессиональной и любительской фотографии, визуальным контентом периодической печати, домашние кинохроники представляют исследователю повседневной жизни женщин в ГДР возможность выявить ежедневные практики, в т. ч. типичные именно для ГДР, проанализировать значимость тех или иных сюжетов для жителей ГДР, выявить особенности тех или иных занятий, соотнести транслируемую государством норму и реальное воплощение, определить объем государственного регулирования в различных сферах публичной и общественной жизни женщин. Эффективным механизмом для анализа является возможность поиска по десятилетиям, поисковым терминам, возможность возвращаться к видео отдельных семей; наличие 50000 тематических маркеров позволяет выявить многообразие сюжетов повседневной жизни. Раздел «Рассказы» позволяет исследовать и хронику, и интервью одновременно, в частности — выявлять лично значимое, отслеживать изменение оценок героев. Кроме того, видеохроника дает исследователю возможность обращения к проблеме пространства, в котором женщинами проживается повседневность.

При работе с семейными кинохрониками возможно применение широкого спектра междисциплинарных методов, активно разрабатываемых в гуманитарных дисциплинах вследствие так наз. визуального поворота в связи с доминированием визуальной культуры: применение контент-анализа как количественного метода с целью анализа повторяемости символов, сюжетов повседневной жизни и т. д. Качественные методы, основанные на интерпретации — семиотический подход, струк-

турный анализ, дискурсивная интерпретация — широко используются сегодня в исследованиях, основанных на видеоряде. Также в последние годы ряд исследователей выдвигает теорию не-репрезентации в качестве обоснования нового метода работы с визуальными источниками, заключающегося в восприятии видео как феномена, формировании у исследователя чувства погружения и сопереживания, отказе от наложения привычных моделей поведения на исследуемый объект, наблюдении объекта в его целостности и «несовершенстве».

Сложности работы с семейными кинохрониками, опубликованными на портале Openmemorybox, связаны с отсутствием звукового сопровождения (за исключением раздела «Рассказы»), однако в целом приведенные информационные возможности источника свидетельствуют о его высоком потенциале при изучении повседневной жизни женщин ГДР.

¹ Людке А. Что такое «история повседневности»? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 77–100; Людке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.

² Niethammer L. Die volkseigene Erfahrung. Eine Archäologie des Lebens in der Industrie Provinz der DDR. Berlin: Rowohlt, 1991; Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. М.: Новое издательство, 2012.

³ Lindenberger T. Herrschaft und Eigensinn in der Diktatur. Das Alltagsleben der DDR und sein Platz in der Erinnerungskultur der vereinten Deutschland // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2000. № 40. <https://www.bpb.de/apuz/25409/herrschaft-und-eigen-sinn-in-der-diktatur> (datum der Behandlung: 29.10.2019).

⁴ Familienfilm in der DDR. Schmalfilmkultur zwischen staatssozialistischem Ideal und Alltagsbildern // VISUALHISTORY Online-Nachschlagewerk für die historische Bildforschung. <https://www.visual-history.de/project/familienfilm-in-der-ddr/> (datum der Behandlung: 2.11.2019).

⁵ Open memory box. <https://open-memory-box.de/> (datum der Behandlung: 2.11.2019).

⁶ Frauenbewegung und Kinderläden in Ost- und West- Deutschland 1969 // Footage Berlin. <https://footage-berlin.com/frauenbewegung-und-kinderlaeden-in-ost-und-west-deutschland-1969/> (datum der Behandlung: 5.12.2019); Große Freiheit DDR: Abenteuer hinter der Mauer // ZDF. <https://www.zdf.de/dokumentation/zdf-history/grosse-freiheit-ddr-abenteuer-hinter-der-mauer-100.html> (datum der Behandlung: 5.12.2019).

⁷ DW (Deutsche Welle). <https://www.dw.com/de/digitales-heimkino-die-ddr-in-privaten-filmaufnahmen/a-50553640> (datum der Behandlung: 22.01.2020).

⁸ Openmemorybox. https://open-memory-box.de/info_ (datum der Behandlung: 22.01.2020).

Список литературы

Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.

Людтке А. Что такое «история повседневности»? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 77–100.

Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. М.: Новое издательство. 2012.

Familienfilm in der DDR. Schmalfilmkultur zwischen staatssozialistischem Ideal und Alltagsbildern // VISUALHISTORY Online-Nachschlagewerk für die historische Bildforschung. <https://www.visual-history.de/project/familienfilm-in-der-ddr/> (datum der Behandlung: 2.11.2019).

Lindenberger T. Herrschaft und Eigensinn in der Diktatur. Das Alltagsleben der DDR und sein Platz in der Erinnerungskultur der vereinten Deutschland // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2000. № 40. <https://www.bpb.de/apuz/25409/herrschaft-und-eigen-sinn-in-der-diktatur> (datum der Behandlung: 29.10.2019).

Niethammer L. Die volkseigene Erfahrung. Eine Archäologie des Lebens in der Industrie Provinz der DDR. Berlin: Rowohlt, 1991.

Иванова Татьяна Александровна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
студентка 2 курса магистратуры философского факультета*

E-mail: froradelfa91@gmail.com

Трансгендерность как форма духовного поиска

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению феномена трансгендерности и его метафизических оснований, которые были утрачены в постструктурализме. В статье критически рассматривается постструктуралистский подход к феномену трансгендерности, приводится культурный материал, позволяющий обогатить этот феномен символическим смысловым измерением, проводится параллель между трансгендерностью и идеалом андрогина в русской философии. Феномен трансгендерности рассматривается как стремление человека к выходу за пределы своего наличного состояния, к преодолению ограниченности и смертности собственной природы.

Ключевые слова: андрогин, гендерная теория, квир-теория, метафизика пола, постструктурализм, трансгендерность

Abstract. The article is devoted to the philosophical understanding of the phenomenon of transgenderism and its metaphysical foundations that were lost in poststructuralism. The article critically examines the post-structuralist approach to the phenomenon of transgenderism, provides cultural material to enrich this phenomenon with a symbolic semantic dimension, draws a parallel between transgenderism and the androgyne ideal in Russian philosophy. The phenomenon of transgenderism is seen as a person's desire to go beyond the limits of his current state, to overcome the limitations and mortality of his own nature.

Keywords: androgyne, gender theory, gender metaphysics, poststructuralism, queer theory, transgender

Актуальность темы и постановка проблемы

В современном мире в связи бурным развитием технологий, сексуальной революцией и активностью феминистских движений наблю-

дается изменение отношения человека к своему полу. Человек получил возможность отделять пол от гендера и осуществлять коррекцию пола, что ставит нас перед новыми философскими вопросами, уже обозначенными в методологическом подходе постструктурализма, в котором был проведен подробный анализ структуры властных отношений и языка. Однако в нем не получила разрешения проблема философско-антропологического и метафизического истолкования глубинных смысловых оснований феномена трансгендерности.

Данная научная работа представляет собой герменевтическое истолкование тех смыслов которые, как предполагает гипотеза, лежат за феноменологией трансгендерности и обострением гендерного дискурса в современной действительности. Эти смыслы не лежат на поверхности, а находятся в плоскости духовного и экзистенциального самоощущения человека как существа, которое не исчерпывается только биологией и социальным измерением, но творит культуру и соприкасается с духовной реальностью. Переосмысление проблемы трансгендерности в контексте антропологического исследования предельных и рискованных практик разных культур, связанных с инициацией, аскезой, экстатическим самоотречением и алхимическими процедурами, которое осуществляется в этой статье, дает возможность выйти на проблему стремления человека к целостности андрогина и бессмертию, которое сейчас воплощается в секулярном пространстве свободы выбора. Лишенный вынужденного культурного погружения в религию, человек не утратил потребности в духовном опыте, и пытается воссоздать его через преодоление ограничений данного ему пола.

Взаимосвязь между половинчатостью человека, его разделенностью на два пола и смертностью, уходит своими корнями в мифологическое мышление и заново поднимается в русской философии, в которой пол рассматривается не только с негативной позиции ограничения, но и с точки зрения позитивной возможности творчества¹. Являясь половинчатым и несамодостаточным по своей природе, человек, который вечно желает чего-то выходящего за пределы его самого, в отличие от совершенного андрогина, может стремиться к целостности и полноте, и первым шагом на этом пути будет символическая смерть, которая получает выражение в аскетических практиках, в отказе от социокультурных стереотипов восприятия пола и даже в коррекции пола. Отказываясь от пола или изменяя его, человек пытается выйти за его пределы, за пределы своей телесной фактичности и себя самого, но куда? В этой статье

делается попытка ответа на этот вопрос, который позволил бы вернуть в тему пола и гендера метафизическое смысловое измерение предельных оснований феномена трансгендерности.

Современные философские концепции трансгендерности

Наибольший вклад в современное понимание темы гендера внесли представители французского постструктурализма (М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Деррида), американского деконструктивизма (Дж. Батлер) и квир-теории (А. Джагоз)². Их целью было разрушение бинарности человеческого пола путем разведения пола и гендера, стирания причинно-следственной связи между ними и введения парадоксальной и многозначной гендерной категории «квир», которая являет собой зонтичный или собирательный термин для всех гендерных идентичностей и вариаций, не вписывающихся в двумерную парадигму мужчин и женщин. Квир-теория противопоставляет эссенциализму конструктивизм, утверждая, что гендер человека не обладает собственной сущностью, а потому является пластичным, эластичным и индивидуальным конструктом для каждого, в зависимости от его самоощущения. В этом контексте пол теряет свое значение, а гендер обретает особую ценность свободы конституирования, в которой человек сам решает, каким ему быть, более не являясь рабом природы и предзаданного ею пола. Интересно отметить, что философские категории, о которых рассуждают квир-теоретики, были актуальны еще для средневековых мыслителей — спор между эссенциалистами и конструктивистами восходит к средневековому спору об универсалиях, в котором эссенциализм близок к позиции крайнего реализма, а конструктивизм — к позиции номинализма. Позиция эссенциализма постулирует наличие сущности, которую выражает имя. Имя задает существование и развитие феномена, объединяя некий класс предметов. В эссенциализме имя отражает реальность. А за реальностью стоит сущность. В конструктивизме имя есть, а сущности за ним нет. Идентичности нет как универсалии, это всего лишь имя. И есть только бесконечно разнообразные феномены, за которыми нет никакой общей и неизменной сущности. Попытки их обобщить по отдельным произвольным признакам не приводят к выражению сущности. А если идентичность — понятие, которое мыслится умом на основе обобщения по единичным признакам, такая позиция выражает умеренный реализм или, возможно, близка к конструктивизму. У эссенциалистов постулируется универсалия, которая возвышается над любым единичным — из нее

и истекает единичное. Этот спор до сих пор так и не получил разрешения, но обрел новое рождение в дискуссиях о сущности гендера. Согласно Батлер, гендер не имеет собственной сущности, а конституируется в процессе перформативных практик, что отражается в том, как она характеризует гендер: «Гендер — это имитация, у которой нет оригинала; фактически это вид подделки, который производит само понятие оригинала как эффект и следствие самой имитации»³.

Одним из предшественников гендерной теории можно назвать Ж.-П. Сартра, поскольку он постулировал, что существование предшествует сущности, в чем уже содержится имплицитная критика эссенциализма, предполагающего наличие у пола и гендера внутренней сущности. Он же провел глубинный анализ философии пола и гомосексуального поведения, который впоследствии получил отражение в перформативной теории гендера Джудит Батлер. С точки зрения Сартра можно было бы интерпретировать трансгендерность как попытку человека ускользнуть от собственной фактичности в глазах Другого, и отвоевать для себя пространство свободы самоотрицания⁴.

С точки зрения критики структуры властных отношений Фуко понятие гендера точно так же было искусственно сконструировано культурой, как и понятие субъекта, а наши конструкты не схватывают «вечные сущности», являясь лишь временными и отражающими структуру социальных иерархий⁵.

Батлер продолжила линию рассуждений Фуко о власти и предложила переконструировать различия между культурным и биологическим полом так, чтобы расшатать структуру властных отношений. Ключевую роль в ее теории гендера как перформанса (производимого эффекта) играет образ трансгендерного человека, который ставит под вопрос само существование пола, заставляя нас столкнуться с абсурдом несочетаемости биологического пола и внешнего облика. Перформативной теорией гендера она показала, что вне культурных кодов нет никакой разницы между полом и гендером, а тело наделяется гендерным смыслом лишь в культуре, поэтому в любой момент эта связь может быть деконструирована и представлена в виде иного производимого человеком эффекта⁶.

В стремлении размыть все оппозиции и иерархии Ж. Делёз употребляет динамичные понятия становления, предполагающие принципиальный отрыв желания человека от репрессивности Другого⁷.

Резюмируя суть постструктуралистских теорий, важно отметить, что они внесли большой вклад в осмысление концепта гендера с точки

зрения философии языка и проблемы власти, попытавшись нащупать границы объективности социального и культурного восприятия гендера, но им так и не удалось выйти за пределы языковых игр, чтобы ухватить глубинную метафизическую суть феномена трансгендерности, из-за чего их анализ так и остался на уровне языка, которым эта тема далеко не исчерпывается. В дискурсе о гендере присутствует тоска человека по выходу за свои пределы к целостности — человек чувствует себя замкнутым в имманентности своего тела и неспособным трансцендировать из нее, но постструктурализм отрицает любую метафизику, считая ее репрессивной.

Антропологическое измерение трансгендерности

Тема трансгендерности у древних людей была включена в более широкую тему андрогинности и систему духовных практик инициации, аскезы и алхимических процедур. В диалоге «Пир», основанном, по-видимому, на древних мистериях, Платон повествует об андрогинах, целостных существах, которые сочетали в себе мужское и женское начала. Они были столь могущественными, что стали угрожать власти богов, по причине чего Зевс вынужден был разделить их, чтобы лишить силы, перенаправив ее на поиск утраченной половины⁸. В параллельной мифологической линии Древней Греции описывается Гермафродит, который появился от Гермеса и Афродиты и стал двуполым существом, когда влюбленная в него нимфа попросила богов навсегда соединить ее с ним⁹. По этим двум мифам можно заключить, что на символическом и смысловом уровнях пол и гендер появляются лишь тогда, когда утрачена целостность, с распадом на субъект и объект, мужское и женское начала, которые становятся зависимыми друг от друга. Архетип андрогина символизирует изначальную целостность — в отличие от гермафродита, который стал более поздним и искусственным ее воссозданием.

Анализируя алхимию с точки зрения архетипической психологии, К. Г. Юнг часто отождествляет с андрогином Меркурий, который символизирует парадоксальное сочетание несовместимых противоположностей и является одним из образов человеческой Самости. В понимании Юнга Самость — это ядро человеческой личности, выражающее ее синтетическое единство¹⁰. А архетип андрогина — это мечта человека о целостности, в которой реализуется его устремление к Самости, к тому, чтобы быть в гармонии с собой.

Практики, связанные с физическими изменениями, затрагивающими пол, встречаются у шаманов (переодевание как перевоплощение, манифестирующее мистический брак с духом-покровителем противоположного пола), в Древней Греции (обычай оскотления жрецов культа Кибелы), в Древней Индии (хиджры, которые удаляли свои гениталии в ритуальных целях¹¹), в мистической секте скопцов, которые считали, что войти в общество Господне сможет только тот, у кого отрезан детородный орган, буквально толкуя гностиков¹².

Аналогично значимыми для религиозных практик являются бесполое образы, которые находятся по ту сторону мирского пола. Например, бесполое ангелы, бесполоыми иногда называют себя монахи, которые отказались от связанной с полом жизни, чтобы посвятить себя служению Богу. Бесполой человек существует по ту сторону пола, а значит и по ту сторону тварного мира, в котором правят страсти, направленные на конечное и земное.

Анализируя эти образы и символы, можно прийти к выводу, что за ними стоит трагическое переживание человеком разделенности на два пола, и через преодоление этой границы он стремится к тому, чего никогда не достигает в жизни — к абсолютной духовной полноте, которая представлена в мифологических символах космического яйца, алхимической первоматерии, расчлененного первочеловека Пуруши, из которого произошел мир¹³.

Пределные и рискованные практики, связанные с изменением пола, направлены на переживание человеком особых состояний сознания, сравнимых с духовным опытом могущества, полноты и единства, который достигается путем соединения дополняющих и усиливающих друг друга мужского и женского начал. Чтобы достичь воссоединения с целым и большим, чем он сам, человек проходит инициацию, которая символически отражает смерть его прежней идентичности. Ему нужно умереть и разложиться, стать единым со всем, что его окружает, чтобы собрать себя заново, и возродиться в новом качестве — уже не половинчатым, а целым (образ единой первоматерии, служащей материалом для изготовления философского камня в алхимии)¹⁴. И первый шаг к этому — отказ от пола как от биологически и культурно обусловленной скованности и отделенности, чтобы устремиться ко внедискурсивному опыту иной реальности воображаемого и потустороннего, запределной по отношению к повторяемой повседневности¹⁵.

Преодоление пола как путь духовного восхождения

Принадлежность человека к тому или иному полу означает не только его ограниченность и половинчатость, но и смертность, которая компенсируется воспроизведением потомства от двух тотально разделенных друг с другом существ. Эта компенсация является лишь частичной, ведь, продолжая род, человек так и остается половинчатым, перекладывая бремя решения проблемы смерти на свое потомство. Преодоление смертности является целью и высшим идеалом духовного пути. Земная жизнь переполнена страданиями, что отмечал Гераклит, который смотрел на рождение как на несчастье, поскольку, родившись, люди вынуждены умереть¹⁶. А. Шопенгауэр описывал жизнь по законам природы и пола как подчинение принципу бессознательной мировой Воли, которая использует индивида в своих целях и выбрасывает его, когда он более не способен продолжать ее беспощадное и бессмысленное длени¹⁷.

С одной стороны, пол приковывает человека к природе, с другой — является мощным источником энергии синтеза, что подчеркивалось такими русскими философами, как Н. А. Бердяев и В. С. Соловьев. Соловьев отрицал сведение любви к эволюционным представлениям, согласно которым она направлена на выбор наилучшего партнера, чтобы породить лучшее потомство. Напротив, он считал, что чем выше накал любви, тем меньше шансов, что ее плодом будет потомство, и видел смысл любви в самоотречении, благодаря чему человек достигает высшего самоутверждения и спасения своей индивидуальности. Согласно Соловьеву, чтобы посредством любви свершилась истина, должны соединиться именно мужское и женское начала в паре, поскольку в человечестве нет ничего более различного. Пол он понимал как «половину» той целостности, которая существовала до грехопадения. В любви человек обретает возможность преодолеть этот разрыв и достичь радикальной трансмутации и единства путем рождения в каждом из партнеров собственного внутреннего совершенного андрогината, который восстанавливает в человеке образ Бога и побеждает смерть¹⁸.

Вдохновленный Соловьевым русский философ Н. Бердяев настаивал на том, что аскетизм является одной из форм половой жизни, и утверждал, что пол содержит в себе источник творческой энергии человека, через которую осуществляется возрождение заложенной в нем целостности как образа и подобия Бога. Согласно Бердяеву, любовь преследует цель преодоления пола, рода, природной необходимости и смерти¹⁹.

Заключение

Исходя из изложенных выше смыслов проблемы пола, можно предположить, что практики коррекции пола являются для человека способом преодолеть свою природную обусловленность, сказать радикальное «нет» своей смертности, пережив символическую смерть через выход за пределы собственной телесной фактичности, которая обесмысливает его уникальность и свободу. В отличие от романтического пути разрешения проблемы пола, предлагаемого русскими философами, путь трансгендерного человека подразумевает осуществление им тех же самых духовных операций, но в себе и с собой, что может сочетаться как с парным союзом и романтическими чувствами, так и с одиночеством.

В процессе коррекции пола человек пересобирает свою внутреннюю целостность на символическом уровне, неизбежно проходя через сопутствующую этому процессу смерть старого «я», что позволяет ему пробудить сознание и раскрыть творческий потенциал путем преодоления природных аспектов своего пола и утверждения нового, измененного тела как тела для грез, а не для эволюции.²⁰

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 399–420.

² Джагоз А. Введение в квир-теорию. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.

³ Цит. по: Батлер Дж. Имитация и гендерное неподчинение // Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка/Под ред. И. Градинари. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. <https://iknigi.net/avtor-sbornik-statey/94694-tehnika-kosogo-vzglyada-kritika-geteronormativnogo-poryadka-sbornik-statey/read/page-4.html>

⁴ Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии/Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. С. 49–64.

⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

⁶ Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.

⁷ Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб., 1999.

⁸ Платон. Диалоги. Апология Сократа. М.: АСТ, 2019. С. 217.

⁹ Мифы народов мира. Энциклопедия (в 2-х томах). 2-е изд./Гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1987. Т. I. С. 292.

¹⁰ Франц М.Л. Миф Юнга для современного человека. М.: Клуб Касталия, 2013.

- ¹¹ Серое Фиолетовое. Арктические квир-шаманы и бесполой Иисус, или Как трансквендеры связывали два мира, духов и людей // Нож. 21.06.2018. <https://knife.media/queer-shamans/>
- ¹² Апокрифы древних христиан: исследование, тексты, комментарии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; Редкол.: А. Ф. Окулов (пред.) и др. М.: Мысль, 1989. С. 218.
- ¹³ Ригведа. Мандалы IX–X / Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. С. 235–236.
- ¹⁴ Эдингер Э. Анатомия души. Алхимический символизм в психотерапии. М.: Клуб Касталия, 2011.
- ¹⁵ Гиренок Ф. И. Абсурд и речь: антропология воображаемого. М.: Акад. проект, 2012.
- ¹⁶ Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1976.
- ¹⁷ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 50–51.
- ¹⁸ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 399–420.
- ¹⁹ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 399–437.
- ²⁰ Гиренок Ф. И. Указ. соч.

Список литературы

- Апокрифы древних христиан: исследование, тексты, комментарии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; Редкол.: А. Ф. Окулов (пред.) и др. М.: Мысль, 1989.
- Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1976.
- Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.
- Батлер Дж. Имитация и гендерное неподчинение // Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка / Под ред. И. Градинари. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. <https://iknigi.net/avtor-sbornik-statey/94694-tehnika-kosogo-vzglyada-kritika-geteronormativnogo-poryadka-sbornik-statey/read/page-4.html>
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
- Гиренок Ф. И. Абсурд и речь: антропология воображаемого. М.: Акад. проект, 2012.
- Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб., 1999.
- Джагоз А. Введение в квир-теорию. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.
- Мифы народов мира. Энциклопедия (в 2-х томах). 2-е изд. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1987.

Платон. Диалоги. Апология Сократа. М.: АСТ, 2019.

Ригведа. Мандалы IX–X/Изд. подгот. Т.Я. Елизаренкова. М: Наука, 1999. С. 235–236.

Серое Фиолетовое. Арктические квир-шаманы и бесполой Иисус, или Как трансгендеры связывали два мира, духов и людей // Нож. 21.06.2018. <https://knife.media/queer-shamans/>

Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии/Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000.

Франц М.Л. Космогонические мифы. М.: Клуб Касталия, 2012.

Франц М.Л. Миф Юнга для современного человека. М.: Клуб Касталия, 2013.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.

Эдингер Э. Анатомия души. Алхимический символизм в психотерапии. М.: Клуб Касталия, 2011.

Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев, М.: София, 2000.

Калашникова Екатерина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

студентка 4 курса,

E-mail: katyakalashnikova96@yandex.ru

Паттерны сетевого взаимодействия в танцевальном коллективе

Аннотация. В статье представлены результаты применения сетевого анализа в исследовании способов сетевых взаимодействий участников творческой группы, а именно — танцевального коллектива. Раскрытие качественного разнообразия способов сетевых практик является одним из антропологических подходов к изучению социальных сетей; так, задача исследователя — разглядеть за разнообразием практик вариативную социальную нить, выявить паттерны, доступные для анализа сетей. Полученные сетевые паттерны помогают охарактеризовать социальность группы как совокупность реализаций творческо-профессиональных, инструментальных и товарищеских, поддерживающих отношений. Роль творческих групп для реализации социальных потребностей человека в современности представляется следующей: в каждой такой группе индивид так или иначе формирует сетевые стратегии, а также получает возможность реализовать социальность: чувство включенности, принадлежности, роли, успешности, общности дела и целей.

Ключевые слова: сети, сетевой анализ, связи, паттерны, танцевальный коллектив, сетевая стратегия, взаимодействие, социальность группы

Abstract: The article deals with a network analyses application for a research of the ways of the network interactions of the creative group participants, namely the dance crew. Revealing a quality diversity of the ways of the network practices is one of the anthropological approaches to the social networks investigation, thus a researcher goal is to distinguish a variative social thread from the practices diversity: to recognize patterns available for the networks analyses. Network patterns obtained help to characterize the group sociality as a set of realizations of the creative-professional, instrumental and friendly, supporting relations. Nowadays a role of the creative groups for a realization of the man's social needs is so that an individual in each its group any-

way forms the network strategies, and in such group there exist an opportunity to realize the sociality: a feeling of involvement, affiliation, role, successfulness, commonality of the cause and goals.

Keywords: networks, social network analysis, connections, patterns, dance crew, network strategy, interaction, sociality of groups, network structure

До выхода на сцену три номера. Даря с Леной прогоняют номер в наушниках, Таша красит Марину, а Тина заплетает. Вокруг все в блестках и лаке. Слава, Кристина и Карина поколачивают друг друга, Лида выпивает энергетик и я прошу ее покричать на меня. Накрашенные еще без прически, заплетенные еще не переоделись, переодетые пока «без лица». Только Лия уже готова и делает очередное селфи. Ника ходит и дышит. Тина взяла не высокие носки, а короткие. Никто не удивлен, ведь было сказано — всего лишь тысячу раз. Хорошо, что взяли одни запасные, когда покупали на команду. Назар дурачится, танцует floor performance, Карина гоняет номер на стену. Назар делает дип, не видя Карину, мешает ей, и вот на него обрушивается шквал ругательств, и он, гримасничая, уходит что-нибудь спросить у тренера. Осталось два номера, все разминаются, тренер расставляет нас и нумерует в порядке выхода на точку, когда узнаёт сторону нашей кулисы. Слава, Лена, Яна бесконечно гоняют связки. Начинаю говорить, что что-то не помню и боюсь за финал, но меня сразу обрывают и «шикают». Даня шутит, но его уже не слушают. Тренер говорит ободряющую речь, издаем всей командой боевой клич. Соперникам, выходящим со сцены, говорим комплименты, следующим за нами — желаем удачи. Через номер нас объявят. Построились за кулисами друг за другом и отвернулись от сцены. Нина не отвернулась — смотрит. Тренер немедленно ее разворачивает: нельзя смотреть номера соперников до выхода. Колотим друг друга по рукам и ногам, слышим, что предыдущий номер закончился. Разворачиваемся, нас объявляют¹.

Огромное количество людей занимается танцами. Танцевальные группы и студии различных направлений сегодня оказываются широко востребованы — как в качестве хобби, так и в профессиональном плане. Популярны и современные направления, в которых можно реализоваться соло или в команде, и так наз. социальные танцы, являющиеся по большей части парными.

В командных танцах, где ответственность за успех выступления ложится на всю группу, социальные взаимодействия исключают ситуативность, которую можно было бы ожидать в социальных танцах с произвольно выбранными партнерами.

Находясь в команде, благодаря связям, образованным до или уже непосредственно во время пребывания в коллективе, танцовщики успешно формируют свой социальный капитал среди других участников группы. Если же этого не происходит, они бывают вынуждены покинуть команду, либо находится там на нижних ступенях иерархии, что часто препятствует реализации их творческого потенциала. Таким образом, непосредственно творческая активность оказывается встроена в плотный клубок социальных взаимодействий, выраженных в широком репертуаре паттернов, контактов, практик, эмоциональных реакций, стилей поведения и стратегий взаимодействия. Под социальными стратегиями понимаются способы реализации каждого участника в отношениях с другими. Творческого потенциала оказывается не всегда достаточно, если он не соединен с потенциалом социальным. Таким потенциалом оказывается способность к налаживанию социальных контактов и возможность опоры на них. По ходу выстраивания отношений в команде участники вырабатывают собственную стратегию нахождения в ней. Такого рода индивидуальные стратегии мы будем называть сетевыми.

В рамках исследования сетевых связей данный аспект проблемы освещается следующим образом: связи индивида в группе формируют личную сеть опоры и эмоциональной поддержки и более широкую ресурсную сеть. Стратегии индивида в выборе связей и способа контактов будут опираться на тот или иной способ. Однако можно предположить более вариативный характер сетевых стратегий, когда сети опоры, поддержки, ресурсов и альянсов будут смешаны. Влияние фактора социальности на индивида обычно сокрыто за творческим исполнением. Тем важнее исследовательская задача по выявлению данного фактора. Исследование способов сетевых взаимодействий участников в творческой группе и становится целью проведенного исследования. Сложность изучения сетевых стратегий заключается в широком репертуаре их проявления. Однако именно раскрытие качественного разнообразия способов сетевых практик и является одним из антропологических подходов к исследованию социальных сетей. Задача исследователя в таком случае — разглядеть за разнообразием практик вариативную социальную нить: выявить паттерны, доступные для анализа сетей.

Сетевой анализ не теряет своих позиций: несмотря на некоторую критику, представляется, что именно сетевая рамка как нельзя лучше отражает сложную структуру такого рода группы, как танцевальный коллектив. Прежде чем концепция сети расслоилась на несколько разнонаправленных подходов², представители которых делали акценты на разных ее гранях³, понятие сети использовалось скорее как метафора, синонимами которой также были «паутина» и «ткань» социальной жизни, нежели конкретный термин⁴. Одним из первых использовал термин «социальная сеть» антрополог Д. Барнс, исследовавший сообщество рыбаков в Западной Норвегии⁵. Ещё более широкую трактовку термина «социальная сеть» предложил Р. Барт — как «множественность точек (или членов социальной системы) и совокупность связей, изображающих взаимосвязь этих точек»⁶. Такой вариант определения подталкивает к использованию математического инструментария (графов), что помогает формализовать многие аспекты социально-структурной реальности⁷. Это связано и с необходимостью рассмотрения полных социальных сетей⁸. Также многие отечественные авторы обращали внимание на концепцию социальной сети вслед за зарубежными коллегами — как в плане переводов⁹, так и в качестве рамки для собственных исследований¹⁰. С. Милграм в своем эксперименте и анализе теории «тесного мира» и М. Грановеттер в своей самой известной работе «Сила слабых связей» делают акцент на анализе характера связи, ее «силы»¹¹. Здесь Грановеттер рассматривает сетевые причины ситуации на бирже труда, что стало отправной точкой для многих последующих исследований социальных сетей. Следуя за М. Грановеттером, оставляющим определение силы связи за исследователем, можно перенести канву рассуждений на любой другой коллектив, в т. ч. и танцевальный. Необходимо отметить, что специфика социальности групповой художественной деятельности также исследована, но в рамках психологии¹². Выводы, сделанные в статье В. Е. Семёнова, касаются воздействия связей на «информацию, мобильность и организацию сообщества». В последнее время немалая доля исследователей уделяет внимание социальной сети как относительно новой форме взаимодействия в Интернете¹³. Представляется, что это направление «выросло» из анализа аспектов сетевизации общества, которые рассматривал и подробно описал М. Кастельс¹⁴, говоря о новых формах и роли различных медиа.

Основными методами исследования стали включенное наблюдение, сетевая этнография и дневниковый метод¹⁵. Участвующее наблюдение, используемое во многих исследованиях повседневности, не подходит

из-за возможности неверной интерпретации наблюдаемых действий: «Некоторые социальные процессы недоступны наблюдению социологов,...потому, как только участники могут сообщить о содержательных процессах»¹⁶. Это вновь говорит в пользу включенного наблюдения: этот метод представляется наиболее подходящим, поскольку он был возможен благодаря заблаговременному внедрению в поле исследования. Являясь непосредственным участником и свидетелем большинства практик взаимодействия в танцевальном коллективе, можно наиболее полно сложить представление о сетевой картине группы.

Танцевальный коллектив (команда), в котором находилось от 15 до 25 человек на протяжении трех лет, был ориентирован на соревнование с другими командами, участие в чемпионатах. На момент знакомства с полем коллектив уже формировался на протяжении года, в течение трех лет происходило включение в группу, а непосредственно фиксация наблюдений осуществлялась около семи месяцев. Наблюдения записывались в дневник¹⁷, затем выделялись наиболее яркие моменты с точки зрения связей участников, их индивидуальных реакций. В выделенных фрагментах анализировались практики, на основе которых выявлялись паттерны сетевого взаимодействия. Для структурирования индивидуальных стратегий членов команды были выделены следующие критерии: цель/причина нахождения в команде; способ нахождения в команде; индивидуальная реакция на замечания тренера и другого члена команды; индивидуальная реакция на просьбу о помощи. На основе этих критериев и были проанализированы полевые материалы.

Взаимосвязи стратегий формируют сеть отношений в команде. В целом группа образует плотный кластер контактов с устоявшимися связями внутри. Эти связи носят постоянный характер и в целом поддерживаются от сезона к сезону, хотя и часто зависят от этапа жизни команды — т. е. неразрывно сопряжены с целями коллектива в каждый период. Связи не всегда комплементарны, а дружеские и «тренировочные» связи могут как пересекаться, полностью совпадать, так и исключать друг друга. Часто, если участник приходит в команду, будучи уже с кем-то из нее знаком, это заранее определяет круг его общения, диапазон связей, по крайней мере на первое время, а в дальнейшем уже зависит от индивидуальных целей и способов нахождения в команде. Новичок также видит индивидуальные реакции «стареньких» участников, поведение тренера и через них научается групповой норме и выстраивает собственную линию поведения.

Танцевальный коллектив включает два сопряженных уровня реализации своих участников: творчества в танце и социальности в группе. Последняя остается «теневой» стороной исполнения, будучи скрытой от глаз публики. Определенные социальные стратегии могут являться как залогом успешности танцевальной команды, так и наоборот: стратегии должны быть сбалансированы между целями группы, стратегиями других участников и личными реакциями. Каждый из участников должен будет искать личной поддержки сокомандников и коллектива в целом. С другой стороны, каждый из участников будет испытывать давление группы в ходе реализации творческих и личных задач, поскольку они неминуемо накладывают определенные ожидания. Включённое наблюдение подтверждает, что от успешности создания и поддержания сети контактов зависит, насколько участник сможет реализовать свой потенциал в группе¹⁸.

Приведем несколько примеров паттернов, прослеживающихся при наблюдении.

Как обычно проходит кастинг: все желающие регистрируются, приходят на класс, учат хореографию, снимается видео по группам, затем тренер пересматривает их, часто советуется со «старенькими» участниками команды, и через 2–3 дня в соцсетях выкладывается список прошедших в команду. В какой-то момент стал появляться второй список — тех, кого тренер приглашает в свою открытку (открытую группу), в которой они просто тренируются, учат связки, занимаются техникой, без номера, видео и соревнований. Старые участники команды проходят каждый кастинг заново, однако почти формально и больше для привлечения новых танцоров¹⁹.

Здесь, очевидно, можно наблюдать паттерны «старых» участников команды: приветствия, в зависимости от силы связи, шутки, понятные только сокомандникам из прошлого общего опыта, демонстративное приветствие и общение с тренером, чтоб показать «новичкам», кто уже из команды. У «новеньких», не имеющих ни одного знакомого на кастинге, связи часто завязываются именно в эту встречу. Многое зависит от профессионализма такого танцовщика — тогда «старые» участники его замечают, подсказывают тренеру, запоминают.

Говоря о практиках, связанных с эмоциональным состоянием на соревнованиях, можно упомянуть в качестве примера «поко-

лацивание» тех, кому это нужно перед выходом на сцену. То есть если это не первые соревнования, то вся команда знает, кого нужно слегка побить, чтоб человек смог справиться с волнением — естественно, тут личные симпатии и антипатии тоже не работают²⁰ [данные действия выполняют несколько функций: не дают мышцам «остыть», оказывают тонизирующее действие, в стрессовой ситуации некоторым помогают прийти в себя, не дают «улететь в облака», отключиться от реальности. — Прим. авт.].

Такой паттерн назовем отношения «паникер — психолог», поддерживающими практиками которого как раз и будут всевозможные утешения, поколачивания, крики и тому подобное, в зависимости от индивидуальных способов справиться с волнением «паникера». Представляется, что это будет примером ритуализированного паттерна, принимаемого всеми участниками команды, вне влияния индивидуальных стратегий и типов связей.

Всю группу паттернов взаимодействия можно разбить по уровням — от сугубо индивидуализированных до ритуализированных конвенций. Последние исполняются, невзирая на разницу в личных реакциях, и в целом приняты всеми участниками. Индивидуализированные паттерны и будут стратегиями взаимодействия в сети группы каждого из участников коллектива. Сюда же относится и личный вклад, осуществляемый участниками исходя из способностей каждого. В команде, на первый взгляд, отношения между участниками складываются, как в любом другом сообществе. Однако, наблюдая за группой и принимая активное участие в ее жизни, можно выявить некоторые специфические паттерны, характерные для танцоров в команде.

Исходя из причин нахождения того или иного человека в команде, полученные индивидуальные стратегии можно условно разделить на профессиональные и социальные. Данное разделение условно, поскольку они неизбежно переплетаются: если при попадании в команду у участника была одна сетевая стратегия, то в процессе прохождения дальнейших этапов она может измениться. В этот момент важную роль играют личные эмоциональные реакции, поскольку они делают стратегии взаимодействия и нахождения в команде сугубо индивидуальными. Участники, придерживающиеся первого типа стратегий, реагируют на замечания положительно (по результату) и склонны помогать всем участникам, вне зависимости от симпатий. В этот тип быстрее и чаще

вклиниваются стили поведения, присущие второму типу, чем наоборот. Стратегии второго типа характеризуются незаинтересованностью в исправлении ошибок, избирательностью в оказании помощи другим участникам команды. Проанализировав различные ситуации взаимодействия участников, мы сумели выделить следующие типичные паттерны:

- a) Друзья в жизни;
- b) Друзья только в команде;
- c) Визави;
- d) Коллеги;
- e) Соперники;
- f) Патрон-клиентские отношения;
- g) Друзья «по макияжу»;
- h) Друзья «по причёске»;
- i) Отношения «паникер-психолог»;
- j) Недруги.

Паттерны «с», «d», «e», «g», «h», «i» можно отнести к ресурсной сети, и они представляют собой инструментальные отношения, а «a», «b» — к сети поддержки, присущей товарищеским отношениям. Паттерны «f» и «j» нельзя однозначно отнести к какой-то из этих категорий. Патрон-клиентские отношения «f» разбиваются на патрона и клиента соответственно, при этом для патрона клиент не является родом ресурса (скорее, его отношение будет покровительственное, поддерживающее), в то время как патрон для клиента представляет собой часть его ресурсной сети. Паттерн «Недруги» «j» нельзя отнести ни к одной категории, поскольку это разобщающий сеть элемент, из-за которого в проигрыше вся группа.

Многие из выделенных паттернов носят «созидающий характер», скорее объединяют участников и позволяют успешно осуществлять индивидуальные стратегии в группе, что отражает сетевую социальность группы, без которой вряд ли можно представить существование такого рода творческих объединений, с общей целью и путем ее достижения. Полученные сетевые паттерны помогают охарактеризовать социальность группы как совокупность реализаций творческо-профессиональных, инструментальных и товарищеских, поддерживающих отношений. Индивидуальные реакции не последним образом влияют на способы взаимодействия и, как следствие, на характер сети индивида.

Роль творческих групп для реализации социальных потребностей человека в современности такова, что в каждой своей группе индивид,

так или иначе, формирует сетевые стратегии, а в такой группе еще и есть возможность реализовать социальность: чувство включенности, принадлежности, роли, успешности, общности дела и целей.

¹ ПМА. Все имена участников изменены, как в описаниях, так и в цитатах из дневника наблюдения. 2018 г., Санкт-Петербург.

² Clark A. Understanding Community: A review of networks, ties and contacts — University of Leeds, 2007.

³ Holmes-Eber P. Daughters of Tunis — 2002. P. 95.

⁴ Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. L.: SAGE Publications, 1991.

⁵ Barnes J. A. Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. No. 7. P. 39–58.

⁶ Burt R. S. Models of Network Structure // Annual Review of Sociology. 1980. No. 6. P. 79–141.

⁷ Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

⁸ Dunbar R. I. M. Coevolution of neocortical size, group size and language in humans. — Behavioral and Brain Sciences. — 1993; Dunbar R. I. M., Hill R. A. Social network size in humans. — Human Nature. — 2003.

⁹ Рона-Тас А. Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика. Россия и мир/Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 396–411; Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 78–87.

¹⁰ Веселкин Е. Понятие социальной сети в Британской социальной антропологии // Концепции зарубежной этнологии: Сб. тр. М., 1976; Штейнберг И. Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика. Россия и мир/Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 227–239.

¹¹ Milgram S. The Small-World Problem // Psychology Today. Vol. 1, May 1967. P. 61–67; Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10, № 4, Сентябрь 2009. С. 31–50.

¹² Семёнов В. Е. Социальная психология искусства: предмет, концепция, проблемы. СПб., 1996. С. 81.

¹³ Boase J., Horrigan J. B., Wellman B., Rainie L. The Strength of Internet Ties: The Internet and Email Aid Users in Maintaining Their Social Networks and Provide Pathways to Help When People Face Big Decisions // Pew Internet & American Life Project. January 25. 2006. P. VI. https://www.researchgate.net/publication/248799868_The_strength_of_internet_ties

¹⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2000.

- ¹⁵ Гладарев Б. С. Дневниковый метод в изучении социальных сетей // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М), 2002. № 14. С. 53–69.
- ¹⁶ Bott E. Family and social network. Psychology Press, 2003.
- ¹⁷ Barth F. Scale and Network in Urban Western Society // Scale and Social Organization/Ed. by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1978.
- ¹⁸ ПМА.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.

Список литературы

- Веселкин Е. Понятие социальной сети в Британской социальной антропологии // Концепции зарубежной этнологии: Сб. тр. М., 1976.
- Гладарев Б. С. Дневниковый метод в изучении социальных сетей // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2002. № 14. С. 53–69.
- Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология, Т. 10, № 4, Сентябрь 2009. С. 31–50.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2000.
- Рона-Тас А. Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Неформальная экономика. Россия и мир/Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 396–411.
- Семёнов В. Е. Социальная психология искусства: предмет, концепция, проблемы. СПб., 1996.
- Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 78–87.
- Штейнберг И. Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация//Неформальная экономика. Россия и мир/Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 227–239.
- Barnes J. A. Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. No. 7. P. 39–58.
- Barth F. Scale and Network in Urban Western Society // Scale and Social Organization/Ed. by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1978.
- Boase J., Horrigan J. B., Wellman B., Rainie L. The Strength of Internet Ties: The Internet and Email Aid Users in Maintaining Their Social Networks and Provide Pathways to Help When People Face Big Decisions // Pew Internet & American Life Project. January 25. 2006. https://www.researchgate.net/publication/248799868_The_strength_of_internet_ties
- Bott E. Family and social network. Psychology Press, 2003.
- Burt R. S. Models of Network Structure//Annual Review of Sociology. 1980. No. 6. P. 79–141.

Clark A. Understanding Community: A review of networks, ties and contacts — University of Leeds, 2007.

Dunbar R.I. M. Coevolution of neocortical size, group size and language in humans. — Behavioral and Brain Sciences. — 1993.

Dunbar R.I. M., Hill R. A. Social network size in humans. — Human Nature. — 2003.

Holmes-Eber P. Daughters of Tunis — 2002. P. 95.

Milgram S. The Small-World Problem // Psychology Today. Vol. 1, May 1967. P. 61–67.

Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. L.: SAGE Publications, 1991.

Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge University Press, Cambridge, 1994.

Юе Цюй

*Институт языкознания РАН,
аспирантка 2 курса
E-mail: yuequo726@yandex.com*

«Лицо» в китайской лингвосоциокультурной сфере

Аннотация. Статья посвящена описанию содержания и функций лица человека в сознании носителей китайской культуры. Раскрываются социокультурные характеристики лица человека и его аксиологическое пространство в китайской лингвосоциокультурной сфере. В дальнейшем выявляются причины серьезного отношения к лицу человека в процессе социального взаимодействия между носителями китайской культуры. В заключение отмечается, что выявление истоков и корней современных стереотипов, относящихся к лицу человека, способствует исследованию телесности человека как социокультурного феномена.

Ключевые слова: лицо человека, телесная организация, лингвосоциокультурная среда, семантические свойства, аксиологическое пространство, социальное взаимодействие, социальные стереотипы

Abstract. This paper describes the contents and functions of the human face in the consciousness of Chinese culture carriers. It also reveals the socio-cultural characteristics of the human face and its axiological space in the Chinese linguo-sociocultural environment. Furthermore, the reasons for the serious attitude to the human face in the process of social interaction between the Chinese culture carriers are clarified. In conclusion, it is noted that the discovery the origins and the roots of modern stereotypes related to the human face contributes to the study of the human body as a socio-cultural phenomenon.

Keywords: human face, body organization, linguo-sociocultural environment, semantical traits, axiological space, social interaction, social stereotypes

В настоящее время феноменология восприятия и понимания телесности человека находится в центре внимания не только естественных наук —

она также попадает в поле зрения исследователей наук гуманитарных, т.к. «данный феномен включает в себя телесное и духовное; временное и пространственное; биологическое, социальное и культурное»¹. Факт очень серьезного отношения к своему лицу у жителей Поднебесной, выявляемый при социальной коммуникации, вызывает интерес у ученых и превращает концепт «лицо человека» в объект гуманитарного знания, который можно исследовать в русле разных научных парадигм, в частности социологии, антропологии, физиологии, психологии и лингвокультурологии.

В статье предпринята попытка описать содержание и функции лица человека как лингвосоциокультурного феномена, раскрыть социальную ценность лица в китайском социокультурном ландшафте, выяснить причины возникновения такого отношения в процессах социального взаимодействия. В ходе исследования используется дискурсивно-семантический подход к рассмотрению коллокаций со словом «лицо», извлеченных из Корпуса китайского языка Пекинского университета². Актуальность исследования заключается в том, что раскрытие социокультурных характеристик лица человека и определение его ценностного значения в китайской лингвосоциокультурной сфере способствуют социопсихологическому исследованию носителей китайской культуры и межкультурному диалогу, предоставляют практические данные для систематических и целенаправленных исследований телесности человека.

Лицо по китайской транскрипции называется 脸面 (лиань-миань), состоит из двух иероглифов: 脸(лиань) и 面(миань) и обозначает переднюю часть головы человека. Как часть человеческого тела лицо имеет вещественное оформление и видимую физиологическую границу. Однако в картине мира носителей китайского языка это слово связано не только с восприятием лица как физического объекта. Очень важной является психосемиотическая составляющая восприятия³.

Китайский писатель, основоположник современной китайской литературы Лу Синь рассматривает лицо как руководящий принцип психики китайцев. Китайский лингвист и философ Линь Юйтан определяет лицо как одну из женских триад: лицо, судьба, протекция. Он пишет, что «это лицо психологическое, а не физическое, оно поистине завораживает и достойно изучения. Это Лицо нельзя мыть или брить, но можно "получить", "завоевать", "поднести в дар". Здесь мы сталкиваемся с самой удивительной чертой китайской социальной психологии. Лицо невидимо, неосязуемо, но это тем не менее самый точный инструмент, с помощью которого китайцы регулируют социальные отношения»⁴.

Следует отметить, что в китайских социальных исследованиях, посвященных лицу, существуют разные взгляды на толкование двух иероглифов. Некоторые рассматривают их как семантическую дихотомию, считая, что оба иероглифа различаются своими семантическими компонентами. Другие полагают, что они синонимичны. Мы разделяем последнюю позицию и в данном исследовании фокусируем внимание только на прагматических значениях слова «лицо» в социокультурной сфере. Как отмечает О.С. Суворова, «телесная организация, бесспорно, вписывает человека в мир природы, вместе с тем она приобретает специфические черты, благодаря которым включает его также и в социокультурную реальность»⁵.

В процессе исследования были выяснены следующие семантические признаки коллокаций со словом «лицо» при употреблении в китайском дискурсивном контексте:

1. Лицо при прагматической интерпретации характеризуется количественными (см. ниже коллокации с некоторыми количественными наречиями), качественными (см. ниже коллокации с качественными прилагательными: большое и маленькое) и ценностными значениями (см. коллокации со словами дорогой, зарабатывать, стоит).

Количество: 脸面丢得精光 (*потерять лицо подчистую*), 有点儿脸面 (*иметь немного значимости лица*), 失了点脸面 (*потерять немного значимости лица*), 争得一个脸面 (*завоевать лицо*), 丢尽了脸面 (*полностью потерять лицо*), 增加一分脸面 (*добавить несколько значимости к лицу*).

Качество: 那么大的脸面 (*такое большое лицо*), 抵不上小脸面一个 (*не стоит одного маленького лица*).

Ценность (социальная): – 块钱大还是人脸面大 (*один рубль и человеческое лицо, что из них дороже?*), 面子向来比命值钱 (*лицо всегда дороже человеческой жизни*), 挣面子 (*зарабатывать лицо*).

Исследуя такие семантические свойства, мы заметили, что лицо в китайской социокультурной сфере осознается обществом, коллективом и индивидом как некий объект социальных и индивидуальных интересов, свойственных сознанию китайцев.

2. Лицо представляет собой личный имидж и ожидаемый статус человека, которые он демонстрирует перед другими людьми в социальной коммуникации. Данное референтное значение тесно коррелирует с психологическими чувствами славы и стыда, как справедливо утверждает Ф. Ницше: «Сам человек называется у познающего: зверь, имеющий красные щеки. Откуда у него это имя? Не потому ли, что слишком часто должен был он стыдиться?»⁶. Дальнейший разбор семантических компонентов

этих материалов также показывает, что в содержание личного имиджа входят все моральные качества, которые высоко ценятся в китайском обществе (см. ниже ряд устойчивых коллокаций со словом «лицо», которые парафразируются такими словами, как *уважение, почтение, репутация, достоинство, слава, авторитет, стыд* и т. п.). Иначе говоря, лицо имеет социальную значимость представления личного имиджа перед другими людьми и воспринимается как носитель личных моральных качеств.

有头有脸 (иметь голову и лицо — быть уважаемым и почтенным), *顾全脸面* (заботиться о сохранении лица — сохранять авторитет), *脸上过不去* (неловкое выражение лица — смущаться), *丢脸* (потерять лицо), *脸皮厚* (толстое лицо, бесстыдный), *没脸见人* (показать лицо (глаза) стыдно), *颜面扫地* (заметать лицо, уничтожить лицо).

3. Лицо является социально значимым стереотипом и эталоном с определенными ценностными ориентациями на оценку и регулирование поведения человека при социальном общении. Данное значение обнаруживается при анализе тех устойчивых коллокаций со словом «лицо», которые классифицированы по эмоционально-оценочным направлениям. Основываясь на психологической теории, возникновение референтного значения, отнесенного к представлению социальной ценности и регулированию поведения человека, исходит из мотивации удовлетворения потребности успешного проведения социального общения, т. е. включение лица в социальную сферу обуславливается социальными взаимодействиями, коммуникативными нуждами и желаниями наладить межличностные отношения. В этом плане лицо представляет самосознание личности в глазах других коммуникантов. Нормы и регламенты этикета и социальной морали служат для индивида мотивами для стремления своими усилиями создать социальный статус в глазах других коммуникантов. Таким образом, войдя в социокультурную реальность, лицо подвергается постоянной и динамичной социализации в зависимости от «смены культурных матриц от эпохи к эпохе и эволюционных изменений этих матриц внутри отдельных эпох»⁷.

Положительное направление: *露脸面* (лицом в грязь не ударить — быть славным), *长脸* (придавать, добавлять значимости лицу), *脸上有光* (на лице яркий свет — чувствовать себя славным).

Нейтральное направление: *爱脸面* (чрезвычайно любить лицо — беречь доброе имя), *有头有脸* (иметь голову и лицо — быть уважаемым и почтенным), *碍于脸面* (из опасения вредить чьему-нибудь лицу — бояться обидеть), *顾全脸面* (заботиться о сохранении лица — сохранять

авторитет), 人要脸树要皮 (лицо так же важно для человека, как кора для дерева), 人活一张脸 (человек живет ради своего лица), 出门看天色, 进门看脸色 (следить за погодой при выходе за дверь, наблюдать лицо при входе в дверь), 不看僧面看佛面 (не смотри на монаха, смотри на Будду — проявляй терпение в делах и снисхождение к людям (о благодеянии, оказываемом ради стороннего лица)).

Отрицательное направление: 丢脸面 (потерять лицо), 厚脸皮 (толстокожий — бесстыдный), 死皮赖脸 (без зазрения совести), 没有脸面见人 (показать лицо (в русской традиции — глаза) стыдно), 脸上过不去 (неловкое выражение лица — смущаться), 有损于自己的脸面 (приносить вред своему лицу — ронять свое достоинство), 脸皮厚 (толстое лицо, бесстыдный), 没脸见人 (стыдно смотреть людям в глаза), 颜面扫地 (полностью уничтожить лицо).

Дискурсивный анализ коллокаций со словом «лицо» выявляет тот факт, что восприятие лица в сознании китайцев не только представляет отражение тела, подчиненного физиологической реакции (внешнее восприятие, видимое и осязаемое), но и обладает «качествами, возникающими через знаковое опосредствование и освоение человеком соматической сферы в ходе его культурно-исторического развития (внутреннее восприятие, невидимое и неосязаемое)»⁸. В связи с этим подобные исследования не обходятся без рассмотрения лица человека в его социокультурном измерении. Как замечает И.М. Быховская, «любой феномен, так или иначе "вплетенный" в социальную жизнь, в человеческое взаимодействие (а к телу это относится в полной мере), не может рассматриваться без учета этого аксиологического (ценностного) аспекта»⁷. Наши результаты исследования хорошо демонстрируют, что лицо человека имеет специфическую социальную значимость в китайской общественной жизни, где его аксиологическое значение формируется в виде социальных стереотипов, функционирующих как критерии для регулирования поведения личности и обеспечения межличностных отношений.

На основании результатов исследования семантико-дискурсивных признаков ряда коллокаций со словом «лицо», при рассмотрении лица как социокультурного феномена можно заметить, что аксиологическая ценность лица в сознании китайцев воплощается в следующем. Во-первых, лицо призвано создать идеальный благородный образ человека, к которому люди всегда стремятся, и который они хотят усовершенствовать посредством обладания высшими моральными качествами. Другими словами, лицо есть носитель высших социальных качеств личности. Как от-

мечает И. Гофман, «понятие «лицо» можно определить как позитивную социальную ценность, которую человек с успехом стремится придать себе, приняв в определенном контакте, как считают другие, некоторую линию поведения. Лицо — это образ себя, описываемый на языке одобряемых социальных характеристик»⁹. Во-вторых, лицо представляет самосознание личного поведения при социальном взаимодействии, это особенный социальный и культурный стереотип, который сумеет вызывать у китайского народа культурную идентичность. Между прочим, лицо в социальном общении выступает в качестве социального ресурса, который нельзя измерить единицами стоимости, но можно подарить, получить, завоевать и обменять при регулировании межличностных отношений.

Стоит подчеркнуть, что придание лицу человека ценностной значимости в китайском обществе обычно определяется двумя путями. Первый путь — предустановленный, имеется в виду семейное и родовое положение личности, которые с момента рождения уже установлены и с трудом подвергаются изменению. Второй путь имеет практическую осуществимость — это опора на собственные усилия личности, например, достижение успехов в карьере или учебе, совершение великих подвигов в обществе, проявление прекрасных моральных качеств при социальном взаимодействии (борьба за справедливое дело, спасение больных от смерти, соблюдение верности и честности и т. п.).

Таким образом, социальная ценность лица в китайском обществе определяется взаимодействием предустановленного традициями социального статуса и получивших общественное одобрение личных достижений.

Наблюдения над тем, как психические процессы способны вызывать внешнюю физиологическую реакцию и отражаться на телесности человека, особенно на лице, способствовали тому, что лицо привлекается в социальную сферу для описания определенных психических типов, а также и ценностных ориентаций поведения человека. Эмпирические знания накапливаются и передаются из поколения в поколение; прошло время, и социальная значимость лица стала общепринятой в коммуникативной практике и стабильно зафиксировалась в семантике языкового знака.

Складывавшиеся тысячелетиями в китайском обществе социокультурные традиции, такие как поклонение предкам, почитание старших, являются движущей силой для формирования социальной значимости лица.

Родовая, семейная и социальная иерархические системы требуют соответствия поведения личности социальным нормам и регламентам, относящимся к этикету и морали. В основе китайской иерархической систе-

мы лежит такая сущность: уважать уважаемых, любить родных. Семейная и социальная иерархические системы жестко предписывают положение и статус личности согласно кровному родству и социальным особенностям в разных сообществах: человек должен вести строгий образ жизни, соответствующий его позиции и статусу в разных социальных группах.

Концепция моральных принципов, сформулированная в конфуцианском учении, является идеологическим источником придания лицу человека ценностной значимости. Конфуцианская школа ставит этикет на первое место при взаимодействии личности с обществом, проповедует, что соблюдение этикета, прежде всего, начинается с выправления выражений лица. Через несколько тысячелетий культурного распространения данная идея укоренилась в сознании китайцев и зафиксировалась в значении слова «лицо»: именно в системе моральных и этикетных принципов заложена социальная ценность лица.

Лицо человека, побужденное психологическими и социальными мотивами при помощи знаково-символического опосредования, превращается в социокультурный предмет с богатыми метафорическими значениями, обусловленными социокультурной идентичностью китайской социальной общности. Исходя из этого, лицо в своем онтогенезе является социопсихологическим и культурным бытием.

В заключение следует отметить, что выявление истоков и корней современных стереотипов, относящихся к лицу, демонстрирует высокую степень включенности данной телесно-физической характеристики человека в социокультурную сферу и его аксиологическую картину мира, сложившуюся в китайском языковом пространстве. Поэтому таким важным является определение места данного концепта в системе лингвосоциокультурных ценностей общества и личности.

¹ Вилева С.И. Историческое развитие понятия «человеческая телесность» // Аналитика культурологии. 2014. № 28. С. 20–32.

² Корпус китайского языка Пекинского университета [CCL 北京大学汉语语料库]. http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/.

³ Психосемиотика телесности/Под общ. ред и с предисл. И.В. Журавлева, Е.С. Никитиной. Изд 3-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2019.

⁴ Моя страна и мой народ/Линь Юйтан; пер. с китайского и предисл. Н. А. Спешнева. М., 2010.

⁵ Суворова О. С. Телесность человека как основа его жизни и единства с природой [Электронный ресурс]/О. С. Суворова. <http://www.philosophy.nsc.ru/disc/iphras/library/wbiof0.html>.

⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 5–237.

⁷ Быховская, И. М. Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность: монография/И. М. Быховская М.: ГЦИФК, 1993. С. 180.

⁸ Елшанский С. П. Исследования внутреннего восприятия — значимое направление современной психологической науки // Педагогика и психология образования. 2011. № 3. С. 71.

⁹ Гофман Э. Г. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу/Пер. с англ.; под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009. С. 319.

Список литературы

Быховская И. М. Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность: монография/И. М. Быховская. М.: ГЦИФК, 1993.

Вилыева С. И. Историческое развитие понятия «человеческая телесность» // Аналитика культурологии. 2014. № 28. С. 20–32.

Гофман Э. Г. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу/Пер. с англ.; под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.

Елшанский С. П. Исследования внутреннего восприятия — значимое направление современной психологической науки // Педагогика и психология образования. 2011. № 3. С. 70–72.

Корпус китайского языка Пекинского университета [CCL 北京大学汉语语料库]. http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/.

Моя страна и мой народ/Линь Юйтан; пер. с китайского и предисл. Н. А. Спешнева. М., 2010.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 5–237.

Психосемиотика телесности/Под общ. ред. и с предисл. И. В. Журавлева, Е. С. Никитиной. Изд 3-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Суворова О. С. Телесность человека как основа его жизни и единства с природой [Электронный ресурс]/О. С. Суворова. <http://www.philosophy.nsc.ru/disc/iphras/library/wbiof0.html>.

Петров Константин Алексеевич

*Тверской государственный университет
аспирант 4 года обучения, кафедра всеобщей истории
E-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com*

Гендерная дискриминация в постколониальной Гвинее

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена гендерной дискриминации в пространстве современной Гвинеи в период после обретения ею независимости в 1958 г. Автор характеризует формы дискриминации в отношении различных категорий населения, среди которых ключевой являются трансгендерные женщины. В процессе исследования были выявлены различные виды дискриминации, включая физическое и психологическое насилие, а также варианты социально-экономической депривации граждан страны на основе гендерной принадлежности. Автор приходит к выводу, что основной причиной сохранения и воспроизведения практик гендерной дискриминации являются устойчивые социально-культурные практики и традиции.

Ключевые слова: Гвинея, гендер, гендерная дискриминация, гендерное насилие, постколониализм

Abstract. The article is an analysis of the phenomenon of gender discrimination in the space of modern Guinea in the period after it gained independence in 1958. The author characterizes forms of discrimination against various categories of the population, among which transgender women are key. The study identified various types of discrimination, including physical and psychological violence, as well as versions of the socio-economic deprivation of citizens of the country based on gender. The author comes to the conclusion that the main reason for the preservation and reproduction of practices of gender discrimination are sustainable socio-cultural practices and traditions.

Keywords: Guinea, gender, gender discrimination, gender-based violence, postcolonialism

Дискриминация по гендерному признаку является в современном мире одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются различные

народы и государства. Широко обсуждаются пути преодоления барьеров в понимании и признании равенства людей вне зависимости от их гендерной идентичности или способов ее репрезентации.

Тропическая Африка является одним из регионов мира с наиболее высоким уровнем дискриминации по признаку гендерной принадлежности и сексуальной ориентации. Объектами гендерного насилия становятся не только гетеросексуальные цисгендерные женщины, но также гетеросексуальные цисгендерные мужчины и, в особенности, те личности, чья гендерная идентичность не совпадает с биологической принадлежностью, а сексуальная ориентация не отвечает понятию «нормы» в конкретных обществах.

Проблема гендерного насилия и его сохранения является одной из важнейших особенностей этнической культуры народов Тропической Африки. Это характерно как для ее исторического прошлого (доколониального и колониального периодов), так и для современных стран Субсахарского региона. Данный феномен тесно связан не только с типичным для традиционных обществ социально-бытовым укладом; он также детерминируется этноконфессиональными особенностями местных народов.

Гвинея, как и другие страны Тропической Африки, не является исключением. На протяжении всего периода постколониального развития этого государства люди, прежде всего женщины и представители ЛГБТ-сообщества, продолжают сталкиваться с проявлением дискриминации в различных ее формах: физическим и психологическим насилием, социальной, экономической и политической депривацией. Законодательство страны сохраняет положения, ущемляющие права этих категорий населения. Продолжают существовать традиционные практики и обычаи, которые закрепляют подчиненное положение женщины и транслируют негативный характер гомосексуальности, бисексуальности и различных проявлений нетрадиционной гендерной идентичности.

В данной работе предпринята попытка проанализировать различные формы гендерной дискриминации в отношении гвинейского общества и выявить ее специфику. Для этого необходимо охарактеризовать виды гендерного насилия, определить уровень социально-экономической и политической депривации граждан по признаку пола и/или гендерной идентичности, оценить нормативную базу с позиции гендерного аспекта.

Наиболее очевидной и тяжелой формой гендерной дискриминации является физическое насилие, особенно происходящее в домашней сре-

де. Традиции в Гвинее закрепляют за мужчиной право подвергать свою супругу телесным наказаниям, если ее поведение не укладывается в понятие «правильного». Несмотря на то, что законы в современной Гвинее запрещают подобную практику, она сохраняется в сельской местности¹.

Изнасилование в Гвинее является уголовным преступлением, за совершение которого предусматривается штраф и наказание в виде лишения свободы. Санкции возрастают в случае, если изнасилованию подвергается несовершеннолетнее лицо. При этом женщины продолжают становиться жертвами изнасилований, которые могут происходить на улице, в школах, на работе и в других общественных местах. Особой проблемой становится изнасилование со стороны супруга, которое сложно доказуемо и воспринимается в качестве «семейного вопроса»².

Случаи физического насилия в отношении женщин в большинстве своем остаются невыявленными, поскольку женщины часто замалчивают совершенное в отношении них преступление. Это связано, во-первых, с возникающим чувством стыда, которое детерминировано социально-культурными традициями и практиками, ставящими женщину в подчиненное положение. Во-вторых, насилие нередко исходит от мужа, другой жены мужа, родственников. В связи с этим случаи насилия в различных его формах улаживаются внутри семьи в соответствии с традиционными нормами. К тому же женщины опасаются лишиться единственного кормильца в семье, если их муж будет привлечен к ответственности. Наконец, третьей основной причиной замалчивания ситуаций насилия является недоверие женщин к работе органов правопорядка и суда, которые часто подвергают жертву унижительным процедурам дознания.

Жертвами изнасилования являются не только женщины, но и мужчины. При этом Уголовный кодекс Гвинеи вводит более строгие наказания за совершение «любых развратных или противоречащих природе действий» в отношении лица того же пола. Интересен момент, связанный с насилием в отношении несовершеннолетних в данном случае. Статья 323 Уголовного кодекса вводит более строгое наказание за изнасилование или развратные действия в отношении лиц «того или иного пола» в возрасте до 13 лет³. При этом статья 325 увеличивает возраст несовершеннолетнего при аналогичных действиях в отношении лица того же пола до 21 г.⁴ Это является дискриминацией в отношении одновременно и мужчин, и женщин. Меньший возраст согласия для женщин обусловлен культурными практиками, предусматривающими, что девушка 13 лет может вступать в брак в соответствии с нормами обычного права.

Большой возраст для мужчин детерминирован негативным отношением к гомосексуальным связям, за которые следует наказание и при обоюдном согласии взрослых граждан страны.

Одной из наиболее губительных форм физического насилия над женщинами в Гвинее являются калечащие операции на женских половых органах. Традициями различных этнических групп, проживающих в стране, закрепляется несколько видов этой практики — клиторидектомия, эксцизия и инфибуляция⁵. Обычно подобные операции проводятся в детском или подростковом возрасте, реже их также проводят и в отношении взрослых женщин. Как отмечает гражданка Гвинеи, бежавшая из страны в Нидерланды в поисках убежища, к калечащим операциям принуждает не только семья, но и гвинейское общество. Мужчины отказываются жениться на женщинах, которые не прошли через обрезание, и требуют выполнить его до брака. При этом ее операция проводится в плохих санитарно-гигиенических условиях, без анестезии и болеутоляющих средств и стерильных инструментов⁶.

Калечащие операции на женских половых органах представляют собой не просто форму физического насилия; они также приводят к психологической травме. Жертва такой операции сообщила, что после нее она стала испытывать чувство тревоги, недовольства своим телом, и страха перед отношениями с мужчинами⁷.

По данным статистики, собранной как гвинейскими, так и зарубежными организациями, калечащим операциям на женских половых органах подвергается от 96 до 99% населения страны как в городах, так и в сельских районах. Так, на момент 2005 г. 96,4% опрошенных женщин подверглись обрезанию. Средний возраст проведения операции — 9,4 г. Самым распространенным видом стало частичное обрезание (46,3% опрошенных), за ним следует крайняя форма (24,4%)⁸.

В 2000 г. был принят закон «О репродуктивном здоровье», который запрещает калечащие операции на женских половых органах и предусматривает суровые наказания⁹. Несмотря на это, искоренение данной практики идет крайне медленно. Это связано, прежде всего, с тем, что многие мужчины и женщины не воспринимают данную практику негативно, находя преимущества в удалении части женских половых органов. В основном калечащие операции обосновываются сохранением культурного наследия, необходимостью регулировать сексуальные отношения, подготовкой женщин к замужеству и ведению хозяйства, «правильной» моделью социализации девочек¹⁰.

В марте 2014 г. Комитету по ликвидации дискриминации в отношении женщин была направлена инициатива «Прекращение всех форм физического наказания в отношении детей»¹¹, которая подняла важную проблему о наказаниях детей как аспекте гендерного насилия. Мальчики и девочки часто подвергаются физическим наказаниям в различных формах, которые не воспринимаются обществом и государством как проявление насилия, за которое следовало бы ввести юридическую ответственность. Считается, что родители и воспитатели имеют право наказывать детей, прививая им дисциплину и послушание. Одним из поводов для применения физических форм наказания является несоответствие поведения ребенка ожиданиям семьи и общества, особенно если такое поведение противоречит устоявшимся в обществе гендерным стереотипам. Это приводит к тому, что люди уже с раннего возраста вынуждены испытывать «гендерную вину», которая в свою очередь приводит к гендерно-ролевому стрессу.

Не менее существенной, чем физическое насилие, является гендерная дискриминация в виде психологического насилия. Его можно разделить на две категории: оскорбительное поведение и дискриминирующие социально-культурные практики. Первая категория более очевидная: она предполагает различные словесные оскорбления, высказывания, насмешки в адрес женщин и мужчин, а также непристойное поведение. Одним из примеров последнего могут служить сексуальные домогательства. Они являются распространенной практикой, особенно на местах работы и в школах, однако никаким образом не затрагиваются законодательством. В отчете, представленном Гвинеей Комитету по ликвидации дискриминации в отношении женщин в 2013 г., отмечается лишь инициатива по разработке законодательства об ограничении сексуальных домогательств¹².

В Гвинее существует множество традиционных практик и обычаев, дискриминирующих женщин, особенно в брачно-семейной сфере. Традиционно и юридически (по Гражданскому кодексу 1996 г.) главой семьи является муж, который имеет право ограничивать возможности своей жены в управлении имуществом, передвижении, трудоустройстве¹³. В стране официально запрещена полигамия, однако в соответствии с обычаем мужчина может иметь до 4 жен, которых он обязуется содержать. При этом часто женщина, вступающая в брак по нормам обычного права, не имеет никакой юридической защиты, поскольку брак официально не оформлен. Жену могут заставить подписать согласие на заклю-

чение мужем других браков, а если она отказывается, то изгнать из дома. Нередко полигамия обусловлена недоказанным бесплодием первой жены, и тогда мужчина получает право вступить в новый брак. В полигамных семьях подвергаются дискриминации женщины, вступившие в менопаузу. После прекращения менструаций они более не имеют права на половые сношения с мужем.

Минимальный возраст вступления в брак — 17 лет для девушек и 18 лет для юношей¹⁴. В реальности же практикуются ранние и принудительные браки, при этом иногда это браки «с колыбели», когда девочка с рождения воспринимается как жена какого-либо мужчины, и, соответственно, обязана будет впоследствии переехать к нему и исполнять требуемые функции.

Одной из важнейших проблем является сохранение практик левирата и сорората. Положение вдов в Гвинее в целом можно охарактеризовать как тяжелое. По обычаю вдова обязана выйти замуж прежде всего за брата покойного мужа. В некоторых случаях после смерти супруги ее место занимает её младшая сестра с целью сохранения отношений между семьями.

До 1975 г. в законодательстве закреплялась дискриминация в случае супружеской неверности. Согласно прежнему Уголовному кодексу, муж нарушает супружескую неверность лишь в том случае, если он содержит любовницу в супружеском доме, в то время, как для жены может быть достаточно просто одного эпизода сексуальной связи¹⁵.

Все эти практики способствуют психологическому насилию над женщинами и формируют у них комплекс неполноценности. Социально-культурные факторы прививают им отношение к себе как к объекту, подчиненному мужчине, лишая воли к сопротивлению и инициативному поведению.

Феномен гендерно-ролевого стресса характерен и для цисгендерных мужчин, которые вынуждены соответствовать навязываемым обществом гендерным стереотипам. С раннего возраста мальчиков, как и девочек, воспитывают в духе конкретных социальных ролей, не всегда соответствующих желаниям индивида. Несмотря на то что мужчины очевидно находятся в более «привилегированной» позиции, это не исключает формирование комплекса гендерной вины, что влечет за собой насилие, в первую очередь над самим собой.

Представители ЛГБТ-сообщества также испытывают на себе постоянное психологическое насилие, которое связано как с оскорблениями, так

и с социальной депривацией. В основе негативного отношения общества и государства к гомосексуальности лежат традиционные и религиозные представления, которые порицают отношения — как бытовые, так и сексуальные — с лицами своего пола. Несмотря на то, что в законодательстве напрямую не говорится об уголовном наказании за гомосексуальность, существуют статьи за «непристойное поведение». Это оставляет широкое поле для интерпретаций, что приводит к наказанию не только за сексуальные отношения, но и за любые публичные проявления чувств.

В ряде стран Тропической Африки в последние годы было допущено создание ЛГБТ-организаций и в целом появилось более либеральное законодательство, которое пока не разрешает однополые браки или возможность усыновления однополыми парами детей, но и не запрещает незарегистрированные союзы. В Гвинее, однако, в настоящее время и это находится под запретом, а открыто действующих ЛГБТ-организаций не существует.

Депривация в различных сферах на основе гендерной принадлежности также является одним из проявлений дискриминации, которое получило широкое распространение в Гвинее из-за исторически сложившихся социально-культурных представлений.

В области здравоохранения, в первую очередь, стоит отметить юридический запрет на совершение аборта, который допускается лишь в тех случаях, когда жизнь женщины находится под серьезной угрозой¹⁶. В отличие от многих стран Тропической Африки, Гвинея также допускает аборт в случае ранней беременности, изнасилования, инцеста или серьезных заболеваний у ребенка, находящегося в утробе. Поскольку аборты официально запрещены, женщины вынуждены совершать их подпольно, из-за чего возрастает риск летального исхода.

В Гвинее проводится политика по внедрению современных средств планирования семьи, которая сталкивается со многими препятствиями, обусловленными традиционными представлениями о функциях женщины как матери. Также они обуславливают низкий процент применения современных методов контрацепции. В 2000 г. наиболее применяемыми методами являлись воздержание и периодическое воздержание, а также различные традиционные методы¹⁷.

Женщины сталкиваются с депривацией в образовании, поскольку многие родители до сих пор считают школьное образование не обязательным и ненужным для девочки, которой они дают хорошее домашнее образование для поиска достойного мужа и понимания роли мате-

ри и супруги. Поэтому девочки чаще остаются дома, чтобы заниматься приготовлением пищи, стиркой, колкой дров, доставкой воды и другими традиционными женскими заботами.

Отсев девочек в школах — гораздо более частое явление, нежели у мальчиков. Это связано с указанными представлениями родителей, а также с их нежеланием тратить деньги на обучение дочерей, которые уйдут после замужества в другую семью и не окупят вложения. Одними из наиболее распространенных причин ухода из школы являются ранние браки и подростковые беременности, из-за которых девочки не способны или не видят смысла продолжать обучение. В связи с этим коэффициент неграмотности составляет 85% среди женщин против 62% среди мужчин¹⁸.

В политической деятельности женщины представлены незначительно. Причины этого имеют социально-культурный характер: обычаи, семейные обязанности, психологические препятствия, связанные с предвзвешенными суждениями в отношении роли женщин в жизни общества. Женщины не склонны голосовать за кандидатов-женщин, поскольку не считают их достаточно квалифицированными.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Гвинея является одной из стран с крайне высоким уровнем гендерной дискриминации, представленной в невероятном количестве разнообразных форм своего проявления. Дискриминации подвергаются в первую очередь женщины, которые в силу причин социально-культурного характера занимают подчиненное положение, а их роли в обществе сводятся к супружеству и материнству. Дискриминации подвергаются и мужчины гетеросексуальной ориентации, однако эта дискриминация не так очевидна и в основном связана с формированием у них гендерно-ролевого стресса. Также дискриминация очевидна и в отношении трансгендерных личностей и представителей ЛГБТ-сообщества. Анализ проблем дискриминации в их отношении затрудняется отсутствием достаточной источниковой базы, что происходит из-за игнорирования данной категории населения обществом и государством Гвинеи.

¹ CEDAW. Initial Reports of States Parties. Guinea. 6 March 2001. Rep. UN CEDAW/C/GIN/1. P. 32 (далее — CEDAW/C/GIN/1).

² Ibid. P. 18.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Ibid.

⁵ CEDAW. Combined Seventh and Eighth Periodic Reports of States Parties. Guinea. 18 January 2013. Rep. UN CEDAW/C/GIN/7–8. P. 29 (далее — CEDAW/C/GIN/7–8).

⁶ CAT. Communication No. 613/2014. 12 January 2014. Dec. UN CAT/C/56/D/613/2014. P. 4.

⁷ Ibid. P. 3.

⁸ CEDAW. Combined Fourth, Fifth and Sixth Periodic Reports of States Parties. 7 September 2005. Rep. UN CEDAW/C/GIN/4–6. P. 55 (далее — CEDAW/C/GIN/4–6).

⁹ Act No. L/010/2000/AN of 10 July 2000 (Female Genital Mutilation) (2000) // Global Database on Violence Against Women. <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/africa/guinea/2000/act-no-l0102000an-of-10-july-2000> (accessed: 05.11.2019).

¹⁰ Camara P. O., Soumaoro S., Yoder P. S. Female Genital Cutting and Coming of Age in Guinea. Calverton, 1999. P. 27.

¹¹ Global Initiative to End All Corporal Punishment of Children (for PSWG) // UN Treaty Body Database. https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCEDAW%2fNGO%2fGIN%2f16174&Lang=en (accessed: 05.11.2019).

¹² CEDAW/C/GIN/7–8. P. 33.

¹³ CEDAW/C/GIN/1. P. 20.

¹⁴ CEDAW/C/GIN/4–6. P. 18.

¹⁵ CEDAW/C/GIN/1. P. 19.

¹⁶ Ibid. P. 12.

¹⁷ Ibid. P. 22.

¹⁸ Ibid. P. 48–49.

Список литературы

Camara P. O., Soumaoro S., Yoder P. S. Female Genital Cutting and Coming of Age in Guinea. Calverton, 1999.

Kippenberg J. Bottom of the Ladder: Exploitation and Abuse of Girl Domestic Workers in Guinea. N. Y., 2007.

Essen B., Johnsdotter S. Genitals and Ethnicity: The Politics of Genital Modifications // Reproductive Health Matters. Abingdon., 2010. № 18. P. 29–37.

Хлынова Полина Евгеньевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Институт прикладных политических исследований

E-mail: khlynova.polsha@yandex.ru

Электоральные предпочтения представителей ЛГБТ-сообщества в России на примере Москвы и Санкт-Петербурга

Аннотация: В России выборы на разных уровнях происходят достаточно часто, и политики тратят много ресурсов на предвыборные кампании. Однако на одну социальную группу практически ни один политик и ни одна партия не обращают внимания — это ЛГБТ-сообщество. Несмотря на свое дискриминируемое положение, многие ее члены все же являются электоратом, ходят на выборы и голосуют. Но существует ли взаимосвязь между принадлежностью избирателя к ЛГБТ-сообществу и его электоральными предпочтениями? Именно об этом пойдет речь в данной статье.

Ключевые слова: ЛГБТ, электоральное поведение, голосование, выборы, избиратели, политические предпочтения, квир-теория

Abstract. In Russia elections at various levels occur quite often and politicians spend a lot of resources on a campaign. However, almost no politician and no party pay attention to one social group - LGBT community. Despite its discriminatory position, many of its members are still an electorate, they go to the elections and vote. But is there a relationship between the voter's affiliation with the LGBT community and his electoral preferences? This is what will be discussed in this article.

Keywords: LGBT, electoral preferences, voting, elections, electorate, political preferences, queer-theory

Российская политическая система устроена таким образом, что выборы на разных уровнях проводятся довольно регулярно. Об электоральном поведении россиян в целом написано немало работ¹, также регулярно проводятся опросы населения с целью выявления измене-

ний в его политических предпочтениях. В данные опросы, как правило, включаются следующие параметры: пол, возраст, образование, доход, род занятий и тип населенного пункта²; однако такой параметр, как сексуальная ориентация, не фигурирует.

В российских реалиях ЛГБТ-сообщество³ занимает особое положение. Его представители могут быть привлечены к административной ответственности по статье 6.21 КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних»⁴. В октябре 2019 г. правоохранительные органы приняли решение о блокировке официальной группы «Российской ЛГБТ-сети»⁵, где на момент принятия данного решения было более 70 тыс. подписчиков⁶. Каждый десятый негетеросексуальный человек в России подвергается физическому насилию из-за сексуальной ориентации или гендерной идентичности⁷. Также в обществе нередко происходит сопоставление категорий «гей» и «педофил»⁸, что фигурирует и на федеральных каналах в популярных передачах и ток-шоу.

Особая ситуация с положением гомосексуалов сложилась в Чеченской Республике: в конце декабря 2018 г. — начале января 2019 г. были задержаны 40 человек (по признаку сексуальной ориентации), двое из которых были убиты⁹; также известно множество случаев «лечения от гомосексуализма» в этом регионе России. При этом руководитель республики отрицает существование негетеросексуальных людей в республике¹⁰. Большое количество комментариев также вызвало выступление В. В. Путина на саммите G-20, который проходил в июне 2019 г. в Осаке, где президент коснулся обсуждения транссексуалов¹¹. Эти заявления свидетельствуют об отрицании российскими властями проблем, с которыми сталкивается ЛГБТ-сообщество. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации ЛГБТ-сообщество является дискриминируемой и стигматизированной социальной группой.

В то же самое время представители ЛГБТ-сообщества в России являются электоратом. Они ходят на выборы, голосуют за кандидатов и партии, и имеют политические предпочтения, которые остаются неизученными в российской науке. Следовательно, возникает вопрос: какова взаимосвязь между принадлежностью избирателя к ЛГБТ-сообществу и его электоральными предпочтениями в России?

В данной работе рассматриваются два города федерального значения: Москва и Санкт-Петербург. Данный выбор обусловлен следующими факторами. Во-первых, Москва и Санкт-Петербург являются лидерами

по численности населения среди городов России¹². Следовательно, репрезентативная выборка по этим регионам будет доступнее, чем по другим субъектам страны. Во-вторых, в этих городах количество мигрантов из других регионов велико¹³. Среди приезжих определенную долю составляют представители ЛГБТ-сообщества, т.к. «в маленьком городе или поселке гею не получится затеряться. Все тебя знают», а в небольших городах «...отношение к геям хуже»¹⁴. Поэтому представители этой группы переезжают в более крупные города, среди которых — Москва и Санкт-Петербург. Для проведения исследования были использованы первичные данные, полученные на основании социального опроса¹⁵. Общая выборка составила 706 респондентов, среди которых:

- 76,2% биологических женщин;
- 97,7% негетеросексуалов;
- 36% — жители Москвы; 31,3% — жители Санкт-Петербурга; остальные респонденты проживают в других городах России.

Электоральные предпочтения можно рассматривать как желание поддерживать кандидатов или партии, в наибольшей степени устраивающие избирателя программой или имиджем¹⁶. Эти параметры влияют на принятие избирателем решения о голосовании за того или иного кандидата или партию. Электоральные предпочтения включают в себя «знания о партиях и кандидатах, их программах, а также ценности, эмоции и ориентации, которыми объясняется электоральное поведение людей до выборов и на выборах непосредственно»¹⁷. На данный показатель в значительной степени влияют ценности, разделяемые самим избирателем, его принадлежность к той или иной социальной группе, социально-экономические показатели и пр.

Электоральное поведение меньшинств (в основном расовых и этнических) начали изучать еще в XX в. На основе проведенных исследований можно утверждать, что общность и сплоченность социальной группы «<...> побуждает ее к политическому участию, что объясняет достаточно высокие показатели политического участия среди некоторых дискриминируемых групп»¹⁸. В отношении ЛГБТ-сообщества в России это справедливо лишь отчасти. С одной стороны, показатели политической вовлеченности в данной социальной группе действительно высоки: около половины респондентов склонны участвовать в электоральном процессе и голосовать на выборах (50,3%); более четверти респондентов знают общие положения программ партий, участвующих на выборах

в России, еще 28,9% знакомы с программными положениями тех партий или кандидатов, за которых голосовали. С другой стороны, сплоченность ЛГБТ-сообщества в России большинство респондентов оценивают как низкую (33,7%), несмотря даже на то, что 83,1% готовы принять участие в прайде, а 90,5% — подписать петицию, связанную с правами представителей ЛГБТ-сообщества и/или ЛГБТ-организациями.

На основании исследования, проведенного в США в 1992 г. Марком Герцогом, можно выделить некоторые тенденции, характерные для представителей ЛГБТ-сообщества в целом.

Во-первых, это поддержка либерально-демократических взглядов¹⁹, что подтверждается и в российском контексте. По результатам социального опроса, 55,9% респондентов идентифицируют себя как либералов (Рис. 1). Также абсолютное большинство опрошенных (79,9%) указали, что Российская Федерация должна стать демократическим государством по образцу стран Западной Европы.

Во-вторых, Марк Герцог указывал, что представители ЛГБТ-сообщества склонны поддерживать сменяемость власти²⁰. Респондентам был задан вопрос о том, что, по их мнению, происходит, когда власть в стране многие годы находится в руках одних и тех же людей. Больше половины убеждены, что это ведет к усилению произвола, росту коррупции и злоупотреблений (66,7%). Четверть опрошенных считают, что это ведет к застою и отставанию от других стран. Еще 6,7% опрошенных указали, что не важно, какие люди стоят у власти, главное, чтобы соблюдались законы. Только меньшинство (0,7%) считает, что сохранение власти в руках у одних и тех же людей обеспечивает порядок и стабильность в государстве (Рис. 2). Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство представителей ЛГБТ-сообщества в России не поддерживает несменяемость власти.

В-третьих, важную роль в выборе кандидата или партии играет их риторика в отношении представителей ЛГБТ-сообщества. Действительно, абсолютное большинство респондентов указали, что этот показатель в той или иной степени значим для них (85,4%) (Рис. 3).

В то же самое время, многие российские партии не склонны поддерживать ЛГБТ-сообщество. Например, представитель партии «Единая Россия» Виталий Милонов, депутат Государственной думы РФ, был инициатором создания законопроекта «О запрете пропаганды гомосексуализма и педофилии среди несовершеннолетних»²¹. Также он нередко оскорбляет членов ЛГБТ-сообщества, заявляя, например, что «все го-

мосеки спидозные»²². Будучи партией власти, «Единая Россия» обладает административным ресурсом, который также распространяется на формирование контента в СМИ. Следовательно, негативный образ представителей ЛГБТ-сообщества, транслируемый на федеральных каналах, также отражает позицию властных структур в отношении представителей рассматриваемой социальной группы.

КПРФ и ЛДПР так же, как и «Единая Россия», не склонны поддерживать ЛГБТ-электорат. Например, Павел Грудинин указывал, что «гей-браки... это просто... недопустимая вещь»²³. А фракция ЛДПР в Государственной думе во втором и третьем чтениях единогласно проголосовала за введение статьи 6.21 КоАП РФ, что, по мнению самого В. Жириновского, связано с освещением журналистами данного законопроекта²⁴.

Партия «Яблоко» является единственной зарегистрированной и действующей партией в России, которая открыто выступает в поддержку ЛГБТ-сообщества. В марте 2019 г. партия опубликовала заявление «О позиции партии “Яблоко” против дискриминации ЛГБТ», в котором указано, что все члены партии должны отстаивать ценности равенства и не-дискриминации по какому-либо признаку. Помимо этого, «яблочники» выступают за отмену статьи 6.21 КоАП РФ²⁵ и участвуют во многих мероприятиях, направленных на поддержку членов ЛГБТ-сообщества.

Другой партией, так или иначе выступающей в поддержку ЛГБТ-сообщества, является Либертарианская партия России, которая предлагает «отказаться от любых проявлений гомофобии на законодательном уровне»²⁶.

Остальные российские партии или не высказывались об ЛГБТ-сообществе в стране, или поддерживали общую государственную линию в этом вопросе.

На основании проведенного социального опроса можно говорить о том, что представители ЛГБТ-сообщества действительно склонны поддерживать партии, позитивно высказывающиеся о данной социальной группе (Табл. 1). Однако большинство опрошенных все же затруднились с ответом (42,6%), ведь среди них значительную долю составляют респонденты, убежденные, что существующие политические партии и кандидаты не представляют их в органах российской власти. Следовательно, голосовать за них респонденты не склонны.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, ЛГБТ-сообщество в России является дискриминируемой социальной группой, которую большинство партий не рассматривают как электорат.

При этом риторика политиков играет роль при принятии электоральных решений для представителей данного сообщества. Это выражается в том, что респонденты склонны голосовать за партии, поддерживающие ЛГБТ-сообщество («Яблоко» и Либертарианская партия России). Во-вторых, для представителей ЛГБТ-сообщества характерна поддержка либерально-демократических взглядов. В-третьих, несмотря на дискриминируемое положение, члены ЛГБТ-сообщества в России демонстрируют невысокие показатели групповой сплоченности. Большинство опрошенных склонны полагать, что ЛГБТ-сообщество в России не является сплоченным. В то же самое время, политическая вовлеченность ЛГБТ-людей достаточно высока.

Приложение

Являетесь ли Вы либералом?

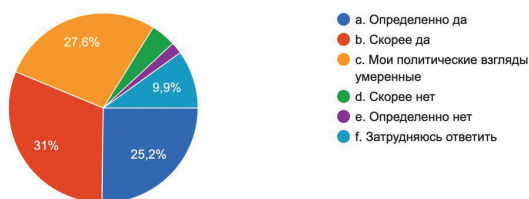

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Являетесь ли Вы либералом?» (% от опрошенных, один ответ)

Как Вы считаете, что происходит, когда власть в стране многие годы находится в руках одних и тех же людей?

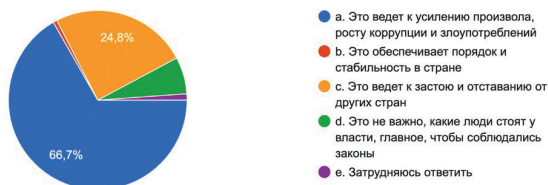

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, что происходит, когда власть в стране многие годы находится в руках одних и тех же людей?» (% от опрошенных, один ответ)

Играет ли роль риторика кандидат_ки/партии по отношению к ЛГБТ-сообществу на Ваш выбор, отдать за него/нее свой голос или нет?

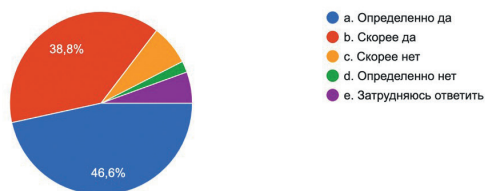

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Влияет ли риторика кандидата(ки) партии по отношению к ЛГБТ-сообществу на Ваш выбор, отдать за него/нее свой голос или нет?» (% от опрошенных, один ответ)

«Единая Россия»	0,6%
КПРФ	1%
ЛДПР	0,8%
«Яблоко»	38,5%
«Справедливая Россия»	0,7%
«Коммунисты России»	0,6%
Российская партия пенсионеров за социальную справедливость	0,05%
«Родина»	0,05%
«Партия Роста»	0,3%
«Зеленые»	2,6%
«Парнас»	1,1%
«Патриоты России»	0,1%
Либертарианская партия России	9,3%
«Гражданская платформа»	1,4%
«Гражданская сила»	0,3%
Затрудняюсь ответить	42,6%

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если бы выборы в региональный/федеральный парламент проводились в ближайшее воскресенье и список выглядел бы следующим образом, то за кого из этих партий Вы бы проголосовали?» (% от опрошенных, один ответ)

¹ Федоров В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян // М.: Праксис. 2010.; Поляков Л. Электоральное поведение россиян // Полис. Политические исследования. 2011. №6. С. 175–180; Козырева П.М., Смирнов А.И. Политическое участие и особенности развития политической активности в современной России // Социологическая наука и социальная политика. 2013. №3. С. 53–76.

² Электораты партий // Фонд Общественное Мнение. 25.09.2011. <https://fom.ru/partii/10179>.

³ В данной работе «ЛГБТ» будет использоваться как сокращенный зонтичный термин, который включает в себя всех людей с негетеросексуальной ориентацией и/или неконформной гендерной идентичностью.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195-ФЗ. Ст. 6.21 // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/f385ab5d34de901b2e5fd08ac0b454481377d6a/.

⁵ Суд пытается заблокировать группу российской ЛГБТ-сети «ВКонтакте» // Межрегиональное общественное движение «Российская ЛГБТ-сеть». 03.10.2019. <https://www.lgbtnet.org/ru/newseng/sud-pytaetsya-zablokirovat-gruppu-rossiyskoj-lgbt-seti-vkontakte>.

⁶ Российская ЛГБТ — сеть // VK.com. <https://vk.com/igbtrusia> (дата обращения: 05.10.2019).

⁷ Мониторинг дискриминации, мотивированной сексуальной ориентацией и гендерной идентичностью, в 2018 г. СПб.: Межрегиональное общественное движение «Российская ЛГБТ-сеть», 2018.

⁸ ЕСПЧ поддержал ЛГБТ в России // Вечер с Владимиром Соловьевым. 21.06.2017. https://www.youtube.com/watch?v=YSXpAVm_rGA.

⁹ В Чечне началась новая волна задержаний ЛГБТ // Межрегиональное общественное движение «Российская ЛГБТ-сеть». 14.01.2019. <https://lgbtnet.org/ru/newseng/v-chechne-nachalas-novaya-volna-zaderzhaniy-lgbt>.

¹⁰ Кадыров во время интервью НБО попросил забрать всех геев в Канаду // Radio Aurora. 15.07.2017. <https://www.youtube.com/watch?v=zaHa2kuJWX8>.

¹¹ Путин в Осаке перепутал трансгендеров с трансформерами: «Шесть полов напридумывали!» // Бизнес Online. 29.06.2019. <https://www.youtube.com/watch?v=EDc5NRXmPyk>.

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. // Росстат. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2019.

¹³ Щербакова Е. Миграция в России, предварительные итоги 2018 года // Демоскоп Weekly. 11–24 марта 2019. № 805–806. <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0805/barom04.php>.

¹⁴ Мерзликин П. «В «Единой России» знали, что я гей, но закрывали глаза». Как живут ЛГБТ в российских деревнях и поселках // Meduza. 19.06.2019. <https://meduza.io/feature/2019/06/19/v-edinoy-rossii-znali-cto-ya-gay-no-zakryvali-glaza>.

¹⁵ Опрос состоит из 43 вопросов и разделен на 4 блока: 1) Социально-экономические характеристики избирателя; 2) Групповая идентификация и сплоченность ЛГБТ-сообщества; 3) Отношение к политическим институтам и акторам; 4) Ценностные и идеологические ориентации респондента. Также в работе использовались вторичные данные, собранные статистическими агентствами «Левада-Центр» и ВЦИОМ. В основном они использовались для описания средних показателей по стране, связанных с политическим участием, протестным потенциалом и характеристиками медианного избирателя.

¹⁶ Будаева Д. Ц., Черкун Е. Ю. Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 105–109.

¹⁷ Будаева Д. Ц., Черкун Е. Ю. Указ. соч. С. 107.

¹⁸ Sanchez G. R., Vargas E. D. Taking a Closer Look at Group Identity: The Link between Theory and Measurement of Group Consciousness and Linked Fate // Political Research Quarterly. 2016. Vol. 69 (1). P. 161.

¹⁹ Hertzog M. The Lavender Vote: Lesbians, Gay Men, and Bisexuals in American Electoral Politics. N. Y.: New York University Press, 1996. P. 175.

²⁰ Hertzog M. Ibid. P. 199.

²¹ Балагурова А. Страх и ненависть: высказывания и проекты депутата Милонова // The Village. 05.09.2012. <https://www.the-village.ru/village/city/situation/116755-milonov>.

²² Депутат Милонов о «спидозном апокалипсисе» и о «выдуманных» пытках геёв в Чечне // Телеканал «Дождь». 13.04.2017. <https://www.youtube.com/watch?v=cLv0WZLBEfI>.

²³ Грудинин о Геях // YouTube. 20.02.2018. <https://www.youtube.com/watch?v=Sf7H8ihZAU8>

²⁴ Жириновский — о драках, мемах и фашизме // вДудь. 2017. <https://www.youtube.com/watch?v=OTVDu2rrG90>.

²⁵ Заявление «О позиции партии “Яблоко” против дискриминации ЛГБТ // Партия Яблоко. 28.03.2019. https://www.yabloko.ru/Resheniya_Vyuro/2019/03/28.

²⁶ Ответы на вопросы ЛГБТ-сети // Либертарианская партия России. 17.05.2018. <https://archive.libertarian-party.ru/news/otvety-na-voprosy-lgbt-seti>.

Список литературы

Балагурова А. Страх и ненависть: высказывания и проекты депутата Милонова // The Village. 05.09.2012. <https://www.the-village.ru/village/city/situation/116755-milonov>.

Будаева Д. Ц., Черкун Е. Ю. Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 105–109.

В Чечне началась новая волна задержаний ЛГБТ // Межрегиональное общественное движение «Российская ЛГБТ-сеть». 14.01.2019. <https://lgbtnet.org/ru/newseng/v-chechne-nachalas-novaya-volna-zaderzhaniy-lgbt>.

Груднин о Гаях // YouTube. 20.02.2018. <https://www.youtube.com/watch?v=Sf7H8ihZAU8>.

Депутат Милонов о «спидозном апокалипсисе» и о «выдуманных» пытках геев в Чечне // Телеканал «Дождь». 13.04.2017. <https://www.youtube.com/watch?v=cLv0WZLBEfI>.

ЕСПЧ поддержал ЛГБТ в России // Вечер с Владимиром Соловьевым. 21.06.2017. https://www.youtube.com/watch?v=YSXpAVm_rGA.

Жириновский — о драках, мемах и фашизме // вДудь. 2017. <https://www.youtube.com/watch?v=OTVDu2rrG90>.

Заявление «О позиции партии “Яблоко” против дискриминации ЛГБТ // Партия Яблоко. 28.03.2019. https://www.yabloko.ru/Resheniya_Byuro/2019/03/28.

Кадыров во время интервью НБО попросил забрать всех геев в Канаду // Radio Aurora. 15.07.2017. <https://www.youtube.com/watch?v=zaHa2kuJWX8>.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. №195-ФЗ. Ст. 6.21 // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/f385ab5d34de901b2e5f3d08ac0b454481377d6a/.

Козырева П. М., Смирнов А. И. Политическое участие и особенности развития политической активности в современной России // Социологическая наука и социальная политика. 2013. № 3. С. 53–76.

Мерзликин П. «В “Единой России” знали, что я гей, но закрывали глаза». Как живут ЛГБТ в российских деревнях и поселках // Meduza. 19.06.2019. <https://meduza.io/feature/2019/06/19/v-edinoy-rossii-znali-chto-ya-gey-no-zakryvali-glaza>.

Мониторинг дискриминации, мотивированной сексуальной ориентацией и гендерной идентичностью в 2018 г. СПб.: Межрегиональное общественное движение «Российская ЛГБТ-сеть», 2018.

Ответы на вопросы ЛГБТ — сети // Либертарианская партия России. 17.05.2018. <https://archive.libertarian-party.ru/news/otvety-na-voprosy-lgbt-seti>.

Поляков Л. Электоральное поведение россиян // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 175–180.

Путин в Осаке перепутал трансгендеров с трансформерами: «Шесть полов напридумывали!» // Бизнес Online. 29.06.2019. <https://www.youtube.com/watch?v=EDc5NRXmPyk>.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. // Росстат. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2019.

Российская ЛГБТ-сеть // VK.com. <https://vk.com/igbtrusia> (дата обращения: 05.10.2019).

Суд пытается заблокировать группу российской ЛГБТ-сети «ВКонтакте» // Межрегиональное общественное движение «Российская ЛГБТ-сеть». 03.10.2019.

<https://www.lgbtnet.org/ru/newseng/sud-pytaetsya-zablokirovat-gruppu-rossiyskoy-lgbt-seti-vkontakte>.

Федоров В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян // М.: Праксис. 2010. 384 с.

Щербакова Е. Миграция в России, предварительные итоги 2018 года // Демоскоп Weekly. 11–24 марта 2019. № 805–806. <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0805/barom04.php>.

Электораты партий // Фонд Общественное Мнение. 25.09.2011. <https://fom.ru/partii/10179>.

Hertzog M. The Lavender Vote: Lesbians, Gay Men, and Bisexuals in American Electoral Politics. N. Y.: New York University Press, 1996.

Sanchez G. R., Vargas E. D. Taking a Closer Look at Group Identity: The Link between Theory and Measurement of Group Consciousness and Linked Fate // Political Research Quarterly. 2016. Vol. 69 (1). P. 160–174.

Головина Анна Владимировна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

исторический факультет

студентка 3 курс бакалавриата, кафедра этнологии

E-mail: heurodis@yandex.ru

Механизмы дискриминации представителей ЛГБТ-меньшинства в сфере преподавания в образовательных учреждениях РФ (2013–2017 гг.)

Аннотация. После принятия закона 6.21 КоАП РФ в российском обществе началась так наз. «моральная паника» в отношении ЛГБТ-сообщества. В это время происходит увольнение ряда преподавателей из среднеобразовательных школ, обвиненных родителями и/или активистами в «пропаганде гомосексуализма». Таким образом, в отношении ЛГБТ-преподавателей наблюдается неописанный в настоящий момент вид дискриминации в трудовой сфере. В данной статье приводится характеристика данной формы дискриминации, которая была получена после анализа освещенных в СМИ случаев за 2013–2017 гг.

Ключевые слова: ЛГБТ, дискриминация, трудовое право, Трудовой кодекс РФ, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений

Abstract. After the adoption of the 6.21 law of the Administrative Code of the Russian Federation, the so-called «moral panic» about the LGBT community began in Russian society. At this time, some teachers from secondary schools were dismissed, accused by parents and/or activists of “propaganda of homosexuality”. Thus, concerning LGBT teachers, there is a currently undescribed type of discrimination in the labor sphere. This article provides a characteristic of this form of discrimination, carried out using the analysis of the cases highlighted in the media for 2013–2017.

Keywords: LGBT, discrimination, labor law, Labor Code of the Russian Federation, propaganda of non-traditional sexual relations

После принятия в КоАП РФ статьи 6.21 («Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних») в российском обществе активизировалось всестороннее обсуждение ЛГБТ-сообщества. В это же время происходит несколько увольнений ЛГБТ-преподавателей из средних общеобразовательных школ. Важно отметить, что в данном случае реальная принадлежность преподавателей к ЛГБТ-меньшинству не имеет значения. Ключевым является восприятие данных персон окружающими как части квир-сообщества. Многие правозащитники выступили с обвинением администрации школ в противозаконной дискриминации ЛГБТ-меньшинства и нарушении Трудового кодекса РФ. Тем не менее, подобные обвинения были опровергнуты как представителями учебных заведений, так и решениями суда, которые отказали преподавателям в восстановлении в должности. Моральная паника¹, вызванная чрезмерным обсуждением данного явления, помешала общественности непредвзято посмотреть на произошедшее и оценить данные случаи с точки зрения действующего российского законодательства.

В настоящий момент преподаватели самых разных уровней также испытывают давление, вызванное их сексуальной ориентацией, гендерной идентичностью или подозрением общественности в принадлежности персоны к ЛГБТ-сообществу. Вся противоречивость и сложность ситуации, вызванная предвзятым отношением российского социума к ЛГБТ-меньшинству, приводит к тому, что ЛГБТ-преподаватели оказываются не осведомлены о своих правах и о тех угрозах, с которыми они могут столкнуться на рабочем месте.

В связи с этим ключевой вопрос данной работы: существует ли правовая дискриминация ЛГБТ-меньшинства в сфере преподавания в образовательных учреждениях для несовершеннолетних? Под ЛГБТ-меньшинством в данной работе понимается социальная группа, включающая в себя гомосексуалов (мужского и женского пола), бисексуалов и трансгендеров — индивидов, сексуальная ориентация или гендерная идентификация которых не совпадает с общепринятой нормой. Синонимами для данного термина в контексте работы будут понятия «квир-меньшинство», «ЛГБТ-преподаватели», «ЛГБТ», «квир».

В связи с тем что объектом исследования являются отдельные случаи дискриминации преподавателей, наиболее применимой методикой исследования является case study². Также в работе использовались

методы контент-анализа³ и анализа НПА. Источником для исследования стали материалы СМИ, посвященные конкретным случаям увольнения.

Дискриминация как социальный феномен является видом негативного взаимодействия, в котором одна из социальных групп оказывается лишена прав и возможностей, доступных другой группе⁴. Ее можно рассматривать как компонент или как отдельный подвид социального конфликта — открытой борьбы между группами в обществе или отдельными индивидами за доступ к, или борьбу за ограниченные ресурсы. Основным его проявлением стоит считать существование предрассудков — мнений или психологических установок, выражаемых со стороны социума по отношению к той или иной группе. В российском законодательстве юридическое определение данного явления содержится в ст. 136 УК РФ⁵.

В соответствии с 3 ст. Трудового кодекса РФ дискриминация в трудовой сфере запрещена⁶. Но при этом не любое ограничение при трудоустройстве рассматривается как проявление дискриминации. Очевидно, что работодатель для повышения эффективности производства должен иметь право выбора, в связи с чем отказ работнику из-за несоответствия его компетенций требованиям к желаемой должности, может быть более чем оправдан.

Тем не менее, несмотря на запрет дискриминации в трудовой сфере, притеснения работников имеют место быть. Исследователи выделяют несколько видов дискриминации⁷:

1. В размере заработной платы.
2. При найме на работу и при увольнении с работы.
3. При повышении по службе, премировании сотрудников.
4. В профессиональной сегрегации и т. д.

Из всех указанных видов трудовой дискриминации в отношении ЛГБТ-меньшинства в сфере преподавания мы можем выделить лишь увольнение сотрудника. Первое упоминание о подобном увольнении относится к 2013 г. В большинстве описанных в СМИ случаев поводом для увольнения преподавателей послужило обращение некоммерческих организаций и/или родителей учащихся непосредственно в администрацию школы, прокуратуру или в министерство образования определенной области/края (Табл. 1).

Преподаватель	Год	Повод для обращения	Инициатор обращения
Илья Колмановский ⁸	2013	ЛГБТ-активизм: участие в акциях, активность в социальных сетях, членство в организациях, поддерживающих интересы ЛГБТ-меньшинства	Родители учеников
Ольга Бахаева ⁹	2013	ЛГБТ-активизм: участие в акциях, активность в социальных сетях, членство в организациях, поддерживающих интересы ЛГБТ-меньшинства	НКО «Родители России», родители учеников, организация «Действие»
Александр Ермошкин ¹⁰	2013	ЛГБТ-активизм: участие в акциях, активность в социальных сетях, членство в организациях, поддерживающих интересы ЛГБТ-меньшинства	Гражданские активисты
Максим Иванцов ¹¹	2014	ЛГБТ-активизм: участие в акциях, активность в социальных сетях, членство в организациях, поддерживающих интересы ЛГБТ-меньшинств	Активист Тимур Исаев (Булатов) ¹²
Преподаватель музыки школы Санкт-Петербурга № 565 ¹³	2014	Информация о преподавателе личного характера, размещенная на странице в социальной сети	Активист Тимур Исаев (Булатов)
Оксана Л. ¹⁴	2016	Разговор преподавателя с ученицей на темы, касающиеся ЛГБТ-меньшинства	Родители ученицы
Мария Шестопалова ¹⁵	2016	Информация о преподавателе личного характера, размещенная на странице в социальной сети	Активист Тимур Исаев (Булатов)

Таблица 1. Случаи увольнения преподавателей, освещенные в СМИ за 2013–2017 гг.

Поводом для жалобы на преподавателя в абсолютном большинстве случаев служила его самоидентификация, проявляющаяся как в участии в ЛГБТ-активизме, так и в размещении информации личного характера в социальных сетях. Лишь в одном из описанных случаев обращение было инициировано поведением учителя во время его непосредственного исполнения обязанностей, а именно — при разговоре с учеником. При этом данная самоидентификация с точки зрения общественности трактовалась как аморальная, несовместимая с преподавательской деятельностью.

Авторы обращений неоднократно упоминают статью 6.21 КоАП РФ¹⁶, ссылаясь на то, что преподаватели размещают на своих страницах в социальных сетях положительную информацию об ЛГБТ-сообществе. Авторы расценивают это как проявление пропаганды в отношении несовершеннолетних. Противоправным же и влекущим юридическую ответственность можно признать только умышленное совершение действий, направленных на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних либо умышленное совершение тех же действий лицом, которое сознательно допускало, что среди получателей могут быть совершеннолетние, или относилось к этому безразлично¹⁷.

Еще одной статьей, на которую ссылаются авторы, является п. 8 статьи 81 ТК РФ «Расторжение трудового договора по инициативе работодателя»¹⁸. В соответствии с данным подпунктом статьи сотрудник, выполняющий воспитательные функции, может быть уволен за совершение аморального поступка, несовместимого с продолжением данной работы. Основанием для увольнения может быть как поступок, совершенный работником по месту работы и/или в связи с исполнением обязанностей, так и совершенный вне места работы и/или не в связи с исполнением трудовых обязанностей¹⁹. Трудовой кодекс не содержит явной трактовки нравственной категории «аморальный поступок». Тем не менее, в соответствии с существующей судебной практикой аморальным поступком можно считать действие или бездействие преподавателя, не соответствующее общепринятым нормам морали и нравственности. На основании последних опросов причастность к ЛГБТ-меньшинству оценивается резко негативно. Так, по данным опроса организации «Левада-центр», проведенного 18–21 сентября 2015 г. с репрезентативной выборкой среди 1600 человек в 134 населенных пунктах, 37% опрошенных высказались за изоляцию членов ЛГБТ-меньшинства от общества, а 21% выступили за ликвидацию данной социальной группы²⁰.

Лишь в двух из описанных случаев можно говорить об увольнении преподавателя по инициативе работодателя. Иные педагоги написали заявление об увольнении «по собственному желанию». Можно выделить три ключевых мотива, которые стали причиной для увольнения сотрудников:

- Давление, оказываемое со стороны администрации школы;
- Давление, оказываемое со стороны министерства образования субъекта;
- Давление со стороны окружающих, СМИ.

С правовой точки зрения, в соответствии со статьей 5.6 КоАП РФ, давление, оказываемое на преподавателя со стороны рабочего коллектива или администрации школы, будет признано дискриминацией, если оно влечет к нарушению прав, свобод и законных интересов человека²¹. Более того, если при проявлении такого давления лицо использует свое служебное положение, то данное правонарушение становится преступлением уголовным, которое влечет за собой наказание, указанное в ст. 136 УК РФ²².

В трех из четырех случаев увольнения по собственному желанию преподаватели сообщают, что написали заявление под агрессивным давлением со стороны администрации школы. Так, дата на заявлении Александра Ермошкина была поставлена «задним числом», что не позволило ему отозвать заявление и сохранить рабочее место. Заявление Марии Шестопаловой было признано недействительным в связи с неправильно оформленной датой подачи документа. Подобное давление, оказываемое на преподавателей, можно считать ограничением их интересов и прав. Относительно рабочего коллектива любые негативные комментарии или угрозы в отношении преподавателя могут расцениваться как нарушение его конституционных прав на неприкосновенность личной жизни, честь и достоинство. Относительно администрации учебного заведения принуждение работника написать заявление об увольнении, а также его отстранение от выполнения трудовых функций, можно также считать выражением дискриминации. При этом директор учебного заведения имел право уволить работника, если считал его виновным в совершении аморального поступка. Тем не менее, если подобных действий со стороны администрации после появления жалобы не последовало, то его давление на преподавателя можно считать противоправным. Следовательно, в случае увольнения учителя, принадлежащего к ЛГБТ-сообществу «по собственному желанию» имеет место быть дискриминация прав и свобод данного меньшинства.

Лишь один случай увольнения был непосредственно инициирован работодателем: в отношении преподавателя музыки школы № 565 г. Санкт-Петербурга. Девушка была уволена в соответствии с п. 8. ст. 81 ТК РФ. Аморальным поступком администрация школы посчитала размещение «провокационной личной информации» на странице преподавателя в социальной сети.

В связи с тем, что преподаватели, сохранившие свою должность, также подвергались давлению со стороны администрации школ/гражданских активистов/иных членов коллектива, в их отношении мы также можем зафиксировать проявление дискриминации в соответствии с указанными статьями КоАП РФ и УК РФ.

Всего в трех из восьми случаев преподаватели воспользовались своим правом на защиту от дискриминации и обратились в суд/прокуратуру с требованием восстановить их в должности. При наличии указания на возможную дискриминацию и оказание давления на преподавателя, учитель был восстановлен в должности. В иных случаях суд отказывал учителю в его требованиях в связи с тем, что приведенных им доказательств было недостаточно для установления факта недействительности акта увольнения, либо в связи с совершением преподавателем аморального поступка. При этом ни один педагог из вышеперечисленных не обратился в судебные органы с заявлением на администрацию школы, гражданских активистов или иных сотрудников образовательного учреждения с жалобой на дискриминацию в соответствии со ст. 5.6 КоАП РФ или ст. 136 УК РФ. Преподаватели требовали восстановления в должности, не доказывая при этом акт наличия или отсутствия дискриминации как таковой, в соответствии с указанными нормами.

В результате анализа данного материала можно прийти к следующим выводам.

ЛГБТ-преподаватели являются уязвимой социальной группой в связи с тем, что их саморепрезентация в социальных сетях и реальной жизни может поставить под угрозу их карьеру в школе. Единственный тип трудовой дискриминации, встречающийся в данное время в отношении представителей ЛГБТ-меньшинства — увольнение сотрудника/принуждение к увольнению. При этом доказать наличие дискриминации при трудоустройстве все еще затруднительно.

Демонстрация информации о ЛГБТ-сообществе или репрезентация негетеросексуальных отношений со стороны преподавателя рассматривается как аморальный поступок в связи с господствующим в обществе

негативным отношением к данному меньшинству. В свою очередь, совершение подобного поступка позволяет работодателю уволить сотрудника по п. 8 ст. 81 ТК РФ.

Тем не менее, чаще всего работник оказывается вынужден уволиться по «собственному желанию». При увольнении на него оказывается давление со стороны коллектива школы, администрации учебного заведения, что может быть рассмотрено как нарушение его прав. Если данное давление привело к увольнению ЛГБТ-преподавателя, это может стать поводом для рассмотрения конфликта в суде. В практике существует успешный случай восстановления преподавателя после доказательства наличия дискриминации со стороны коллектива, однако в большинстве случаев преподавателям не удалось вернуть себе рабочее место.

¹ Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics: The creation of the Mods and Rockers*. L.; N. Y.: Routledge Classic, 2011. P. 1.

² Gerring J. *Case Study Research: Principles and Practices*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

³ Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения/под ред. В. А. Мансурова. — М.: Институт социологии РАН, 2010. С. 9–28.

⁴ Гидденс Э. *Социология*. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 629.

⁵ Уголовный Кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 7.02.2017). Ст. 136 // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

⁶ Трудовой Кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2017). // КонсультантПлюс. С. 3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

⁷ Мазин А. Трудовая дискриминация и управление персоналом // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». 03.03.2004. <http://ecsocman.hse.ru/text/18579366/>.

⁸ Школьного учителя уволили за участие в акции протеста у стен Госдумы // Радио «Эхо Москвы». 28.01.2013. <http://echo.msk.ru/news/1000090-echo.html>; Храпов А. Защитника ЛГБТ решили не увольнять // Студенческая газета Gaudeamus. 13.01. 2013. <http://gaude.ru/news/22873>.

⁹ Рачева Е. Не знаю, насколько меня хватит // Colta.ru. 05.11.2013. <http://archives.colta.ru/docs/31158>.

¹⁰ Рачева Е. Не знаю, насколько меня хватит // Colta.ru. 05.11.2013. <http://archives.colta.ru/docs/31158>; Суд в Хабаровске отказал ЛГБТ-активисту в восстановлении в работе // Радио Свобода. 16.05.2014. <http://www.svoboda.org/a/25387193.html>.

¹¹ Шкуренко Н. Как напугать директора? Найти ему гея! // «Новая Газета» в Санкт-Петербурге. 12.01.2015. <http://novayagazeta.spb.ru/articles/9419/>.

¹² Сетдикова Д. Извращение. Петербургский провокатор // Радио Свобода. 06.10.2015. <http://www.svoboda.org/a/27290686.html>.

¹³ Туровский Д. Моя ориентация — это аморально? Даниил Туровский — о том, как в Петербурге уволили гомосексуальную учительницу // Meduza. 12.12.2014. <https://meduza.io/feature/2014/12/12/moya-orientatsiya-eto-amoralno>; Кизыма Р. Уволенная за гомосексуальность учительница обратилась в суд // РБК. 25.05.2015. http://www.rbc.ru/spb_sz/27/05/2015/5592b74c9a7947f6f764ac38; Туровский Д. Губы, гримаса и поза выражают кривляние. Как эксперты оценивали фотографии гомосексуальной учительницы, уволенной за аморальный поступок // Meduza. 22.04.2015. <https://meduza.io/feature/2015/04/22/guby-grimasa-i-roza-vyrazhayut-krivlyanie>.

¹⁴ Мутин Н. В Липецке учительницу музыки обвинили в пропаганде лесбийской любви в школе // LIFE#Новости. 05.10.2016. https://life.ru/t/новости/912592/v_lipetsk_uchitelnitsu_muzyki_obvinili_v_propaghandie_liesbiiskoi_liubvi_v_shkolie.

¹⁵ Берг Е. Педагога из Красноярска уволили за пирсинг и подозрение в гомосексуальности. Жалобу на нее написал «борец с геями» из Петербурга // Meduza. 21.12.2016. <https://meduza.io/feature/2016/12/21/pedagoga-iz-krasnoyarska-uvolili-za-pirsing-i-podozrenie-v-gomoseksualnosti>; Логинова М. Красноярская учительница уволена после обвинения в ЛГБТ-пропаганде и сатанизме // Тайга.инфо. 21.12.2016. <http://tayga.info/131757>; Учительнице, уволенной после доноса активиста Булатова, разрешили вернуться в школу // Бумага. 23.12.2016. <http://paperpaper.ru/papernews/2016/12/23/shest-bul/>.

¹⁶ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 3.12.2001. № 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017). Ст. 5.6. // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П, город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Российская газета. 03.10.2014. <https://rg.ru/2014/10/03/sud-dok.html>.

¹⁸ Трудовой Кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2017) // КонсультантПлюс. С. 81. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 о Расторжении трудового договора по инициативе работодателя // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/.

²⁰ Отклоняющееся поведение // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. 09.10.2015. <http://www.levada.ru/2015/10/09/otklonyayushheesya-povedenie/>.

²¹ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 3.12.2001. № 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017). Ст. 6.21 // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

²² Уголовный Кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 7.02.2017). Ст. 136 // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Список литературы

Берг Е. Педагога из Красноярска уволили за пирсинг и подозрение в гомосексуальности. Жалобу на нее написал «борец с геями» из Петербурга // Meduza. 21.12.2016. <https://meduza.io/feature/2016/12/21/pedagoga-iz-krasnoyarska-uvolili-za-pirsing-i-podozrenie-v-gomoseksualnosti>.

Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Кизыма Р. Уволенная за гомосексуальность учительница обратилась в суд // РБК. 25.05.2015. http://www.rbc.ru/spb_sz/27/05/2015/5592b74c9a7947f6f764ac38.

Кодекс РФ об административных правонарушениях от 3.12.2001. № 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017). Ст. 5.6 // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

Кодекс РФ об административных правонарушениях от 3.12.2001. № 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017). Ст. 6.21 // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

Логинова М. Красноярская учительница уволена после обвинения в ЛГБТ-пропаганде и сатанизме // Тайга. инфо. 21.12.2016. <http://tayga.info/131757>.

Мазин А. Трудовая дискриминация и управление персоналом // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». 03.03.2004. <http://ecsocman.hse.ru/text/18579366/>.

Мутин Н.В. Липецке учительницу музыки обвинили в пропаганде лесбийской любви в школе // LIFE#Новости. 05.10.2016. https://life.ru/t/новости/912592/v_lipietckie_uchitel'nitsu_muzyki_obvinili_v_propaghandie_liesbiiskoi_liubvi_v_shkolie.

Отклоняющееся поведение // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. 09.10.2015. <http://www.levada.ru/2015/10/09/otklonyayushheesya-povedenie/>.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П, город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Российская газета. 03.10.2014. <https://rg.ru/2014/10/03/sud-dok.html>.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 о Расторжении трудового договора по инициативе работодателя// КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/.

Рачева Е. Не знаю, насколько меня хватит // Colta.ru. 05.11.2013. <http://archives.colta.ru/docs/31158>.

Сетдикова Д. Извращение. Петербургский провокатор // Радио Свобода. 06.10.2015. <http://www.svoboda.org/a/27290686.html>.

Суд в Хабаровске отказал ЛГБТ-активисту в восстановлении в работе // Радио Свобода. 16.05.2014. <http://www.svoboda.org/a/25387193.html>.

Трудовой Кодекс РФ от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2017) // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

Трудовой Кодекс РФ от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2017) // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

Туровский Д. Губы, гримаса и поза выражают кривляние. Как эксперты оценивали фотографии гомосексуальной учительницы, уволенной за аморальный поступок // Meduza. 22.04.2015. <https://meduza.io/feature/2015/04/22/guby-grimasa-i-poz-a-vyr-azhayut-krivlyanie>.

Туровский Д. Моя ориентация — это аморально? Даниил Туровский — о том, как в Петербурге уволили гомосексуальную учительницу // Meduza. 12.12.2014. <https://meduza.io/feature/2014/12/12/moya-orientatsiya-eto-amoralno>.

Уголовный Кодекс РФ от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 7.02.2017). Ст. 136 // КонсультантПлюс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Учительнице, уволенной после доноса активиста Булатова, разрешили вернуться в школу // Бумага. 23.12.2016. <http://paperpaper.ru/papernews/2016/12/23/shest-bul/>.

Храпов А. Защитника ЛГБТ решили не увольнять // Студенческая газета Gaudeamus. 13.01.2013. <http://gaude.ru/news/22873>.

Школьного учителя уволили за участие в акции протеста у стен Госдумы // Радио «Эхо Москвы». 28.01.2013. <http://echo.msk.ru/news/1000090-echo.html>.

Шкуренко Н. Как напугать директора? Найти ему гея! // «Новая Газета» в Санкт-Петербурге. 12.01.2015. <http://novayagazeta.spb.ru/articles/9419/>.

Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The creation of the Mods and Rockers. L.; N. Y.: Routledge Classic, 2011.

Gerring J. Case Study Research: Principles and Practices. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Кутявин Никита Александрович

Удмуртский государственный университет

Институт истории и социологии

Аспирант 3 года обучения

E-mail: nikitakutyavin@yandex.ru

Традиционализм и модернизм в мировоззрении славянских неоязычников России

Статья посвящена сравнительному анализу мировоззрения российских неоязычников с «идеальными типами» религиозного традиционализма и религиозного модернизма. Выявлены параллели в учениях некоторых неоязыческих мыслителей (Л. Р. Прозоров, Н. Н. Сперанский, И. Г. Черкасов) и сторонников интегрального традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола). Среди основных сходств: представления об отрыве от изначальной «Традиции», об ограниченности рационального мышления и об антагонизме между традиционалистами и современным обществом. Модернистский подход к концептуализации традиции обнаружен в учении А. Ю. Хиневича, сходном с представлениями сторонников «космической религии» З. Ситчина. Перспективность внедрения дихотомии «традиционализм/модернизм» в изучение неоязычества проиллюстрирована на примере размежевания общин, произошедшего в 2009 г.

Ключевые слова: неоязычество, родноверие, традиционализм, модернизм, космическая религия, инглизм

Abstract: The article is devoted to a comparative analysis of the worldview of Russian neopagans with ideal types of religious traditionalism and religious modernism. Parallels are revealed in the teachings of some neopagan thinkers (L. R. Prozorov, N. N. Speransky I. G. Cherkasov) and apologists of integral traditionalism (R. Genon, J. Evola). The idea of separation from the original Tradition, the limitations of rational thinking and the antagonism between traditionalists and modern society are among the main similarities. A modernist approach to the conceptualization of tradition was found in the teachings of A. Yu. Khinevich, similar to the ideas of the apologists of the “cosmic religion” (Z. Sitchin). The prospects for introducing the dichotomy

“traditionalism/modernism” into the study of neopaganism is illustrated by the demarcation of communities that occurred in 2009.

Keywords: neo-paganism, rodnoverie, traditionalism, modernism, cosmic religion, ingliism

Русское неоязычество или так называемое «родноверие» позиционируется своими адептами как религиозное движение, призванное возродить славянские дохристианские религиозные традиции. Однако, поскольку большинство неоязычников не являются профессиональными историками, а источники в плане описания восточнославянского язычества весьма скудны — реконструкция языческой религии оказывается для родноверов непростой задачей.

Данная статья посвящена ответу на вопрос, какие подходы к концептуализации религиозной традиции существуют в мировоззрении неоязыческих мыслителей. В основу доклада легла гипотеза, согласно которой таких подходов существует два: традиционалистский и модернистский. Представления об этих двух подходах формулируются исходя из сравнения неоязычества с идеальными типами «религиозного традиционализма» и «религиозного модернизма».

Традиционалистский подход связан с так называемым «интегральным традиционализмом», религиозно-философским учением, разработанным французом Рене Геноном и получившим развитие в трудах его многочисленных последователей, таких как Юлиус Эвола, Ананда Кумарасвами и Мирча Элиаде, и др. Нидерландский религиовед В. Ханеграаф считает интегральный традиционализм одним из видов западного эзотеризма¹. Он будет рассмотрен в качестве примера идеального типа «религиозного традиционализма».

Влияние традиционализма на родноверие уже отмечалось в историографии, например, О.И. Кавыкиным в монографии «“Родноверы”. Самоидентификация неоязычников в современной России» приводит цитату Григория Павловича Якутовского (Всеслава Святозара), в которой тот признается, что большое влияние на него оказали труды Р. Генона и М. Элиаде, благодаря которым он понял, что в мире происходит не прогресс, а деградация². В.А. Шнирельман упоминает о том, что на Р. Генона и Ю. Эволу ссылался близкий к неоязычеству философ Валерий Никитич Демин³. О влиянии Р. Генона и Ю. Эволы на родноверие пишет и финская исследовательница К. Айтамурто, хотя она и не приводит конкретных примеров⁴.

Попробуем выделить мировоззренческие элементы, характерные для интегрального традиционализма и присутствующие в родноверии. Из числа неоязыческих авторов ниже будут проанализированы Лев Рудольфович Прозоров (Озар Ворон), Николай Николаевич Сперанский (Велимир) и Илья Геннадьевич Черкасов (Велеслав).

Отрыв от изначальной Традиции

Первым элементом будет отрыв от изначальной Традиции⁵, который следует из инволюционного взгляда на историю человечества и отрицания идеи прогресса. История рассматривается традиционалистами через призму индуистской концепции смены эпох. Как писал Р. Генон о своем времени: «согласно всем указаниям традиционных доктрин, мы вступили в последнюю, завершающую стадию Калиюги, в найтемнейший период этого “темного века”, в эпоху диссолюции, из которой можно выйти только через страшный катаклизм»⁶. Л. Р. Прозоров также сетует в своей книге на то, что современные люди могут испытывать неприязнь к религиям древности за то, что в них практиковались жертвоприношения, но при этом готовы жертвовать чужими жизнями ради «идолов Успеха, Скорости и Прогресса»⁷. Также Л. Р. Прозоров находит и виновников в распространении идеи прогресса — ими оказываются иудеи, а государство Хазария обозначается им как «логово Прогресса»⁸. В отличие от Л. Р. Прозорова, Р. Генон не уделял подобного внимания иудаизму, однако он также был склонен к конспирологии и считал, что вряд ли «фальсификация истории, навязанная нашим современникам, могла быть осуществлена без какого-то предварительного плана»⁹.

У волхва Велимира взгляд на прогресс немного более позитивный. С одной стороны: «...прогресс как развитие научного знания есть плод бессмертного человеческого гения, одна из важнейших целей человечества»¹⁰. С другой стороны, сопутствующее ему «утилитарное понимание мира» приводит к тому, что «люди забывают свои естественные природные истоки и свою культуру, слабеют телом и духом». Рассматривая нынешний этап истории, Н. Н. Сперанский склонен был описывать его в апокалиптических тонах, предсказывая экологическую катастрофу, войны и другие несчастья. Преодолеть их смогут только родноверы, которые, как пишет Р. В. Шиженский, в работах Велимира представляют «идеологический авангард человечества»¹¹.

Волхв Велеслав также пишет об упадке языческой Традиции в Европе, хотя идея всеобщей инволюции эксплицитно у него не представлена:

«...поток мистического Язычества Руси был прерван несколько столетий назад, как и Языческие потоки Западной и Южной Европы. За это время очень многое из Языческого Наследия было утрачено. Период времени между отказом княжеской Руси от Родного Духовного потока и сегодняшним днем — можно назвать периодом застоя и забвения»¹². Он также называет это «периодом разрыва» и задается вопросом: «Как следовать по пути предков в такой сложной ситуации?».

Ограниченность рационального мышления

В своих работах Р. Генон сетовал на то, что рациональность замещает в эпоху модерна иные формы познания: «(...) рационализм состоит не просто в утверждении, что разум кое-что значит, оспаривать это могут только одни скептики, а в утверждении, что ничего нет над ним, следовательно, что невозможно никакое познание помимо научного (...)»¹³. Русские неоязычники полностью разделяют такой взгляд. Как пишет Велеслав, «(...) ученый — это человек осведомленный, имеющий определенный запас хранящихся в его памяти сведений относительно чего-либо. Мудрый — тот, кто ведает, то есть видит действительность непосредственно. Ведическая культура — это культура ведания, культура не ученого знания, а Мудрости. Не накопленных сведений о Действительности, а непосредственного видения Действительности, при наличии которого все накопленные знания играют лишь вспомогательную, второстепенную роль»¹⁴. Не случайно Велеслав называет автора поддельной «Велесовой книги» «человеком, облеченным волховским знанием», вероятно, подразумевая, что ее содержание истинно, даже если оно противоречит имеющимся у исторической науки данным¹⁵. Велимир считал рациональность причиной инволюции человеческих обществ: «Вот человеческая семья: с какого-то момента она РАЗУМОМ начинает понимать, что лучше всего бездельничать и уклоняться от своих родовых функций. Эта мысль, став общественной силой, воплощается в паразитизм цивилизации, после чего общество в целом придается праздности и безделью, проедает накопленное трудами предков (которые так вовсе не думали), и через пару-тройку поколений такое общество сходит с исторической сцены...»¹⁶. Кроме того, по мнению Н. Н. Сперанского, крещение Руси стало возможным из-за «атеистических настроений» и «безрелигиозности масс», распространившихся в условиях языческого золотого века. По мнению Озара Ворона, рационалистическая критика вредна для религиозности как таковой. Когда в синодальный период цер-

ковь занималась критикой народных суеверий и идолопоклонства, она сама готовила свое крушение во время революции 1917 г. Он считает, что «всякая религия настолько жизнеспособна, насколько много в ней языческого», а «язычество — это древнейшая религия на Земле. Это и есть собственно религия»¹⁷. Таким образом, язычество приобретает черты примордиальной Традиции, или «Вечной философии»¹⁸. Русь и ее Традиция пережили, как пишет далее Прозоров, два периода «ослабления» — во времена христианизации и во времена синодальной политики «очищения» от суеверий.

Духовный антагонизм с современным обществом

Идеальное традиционное общество в представлении Р. Генона и Ю. Эволы должно было быть кастовым. По мнению первого, «принцип института каст, совершенно не понятый людьми Запада, есть нечто иное, как принятие естественного различия, существующего между людьми и устанавливающего между ними иерархию, непризнание которой может приводить лишь к беспорядку и смешению»¹⁹. Разница между их учениями заключалась в том, что Р. Генон признавал первенство брахманов, то есть священников, а Ю. Эвола настаивал на превосходстве воинов-кшатриев²⁰. По мнению Генона, упадок традиционного общества начался с «бунта кшатриев» и далее власть переходила ко все более низким социальным слоям²¹. Для спасения современного Запада Генон считал необходимым появление духовной элиты, воспитанной в духе традиционализма²².

Л. Р. Прозоров, ссылаясь на стих из «Голубиной книги» о происхождении разных сословий из частей тела Адама, утверждает, что именно кастовое общество существовало у восточных славян в дохристианский период²³. В былинах он стремился найти примеры того, что касты на Руси не должны были смешиваться. Именно в этом ключе он интерпретирует отказ богатыря Добрыни жениться на княжне²⁴. Также в его работах есть сюжеты, совпадающие содержательно с идеей «кшатрийского бунта» и «регрессии каст». Л. Р. Прозоров пишет: «воинская знать языческих народов, особенно — правители, все более тяготилась непререкаемостью древних обычаев, освященных волею Родных Богов, хранимых Их жрецами»²⁵. Например, польский князь Мешко принимает христианство и выступает против волхвов, поскольку он потомок крестьянина Пяста²⁶. То есть этот князь не просто выступает против духовной власти, но он сам, изначально, будучи человеком низкого происхождения, зани-

мает кшатрийскую роль не по праву. Методов конкретной борьбы с духовными язвами современности Прозоров не предлагает, кроме общего представления о необходимости возврата к язычеству.

Волхв Велимир не считал правильным кастовое устройство общества²⁷. Однако в то же время он выражал неприятие современного демократического общества и считал, что «молодежь изуродована демократией»²⁸. Капиталистическая и коммунистическая идеологии кажутся ему в равной степени тупиковыми²⁹. Он утверждал, что современный глобализм, основанный на христианстве и имеющий целью уничтожение этнического мышления, нельзя остановить, но можно «подправить»: «Волхвы должны исправить влияние глобализма на русский народ и государство, но волхвы не могут заранее решать этот вопрос в масштабах Мира. Безусловно, пример удачного сопротивления будет заразителен и для других народов...»³⁰. Таким образом, волхв Велимир, как и Р. Генон, возлагал надежду на духовную элиту общества.

Взгляды Велеслава в данном вопросе имеет смысл соотносить с учением Ю. Эволы, а не Р. Генона, поскольку и И.Г. Черкасов, и Ю. Эвола находятся под влиянием восточных эзотерических учений так называемого «пути левой руки». Для Ю. Эволы «путь левой руки» — это «способ действия, призванный интенсифицировать процесс вплоть до того, чтобы он обратился в свою противоположность...»³¹. В духовном смысле это означает разрушение своего «Я» ради обретения трансцендентальности³². «Шуйный путь» Велеслава представляет из себя практически то же самое: «Если ты хочешь познать, кто ты есть на самом деле, ты должен разотождествиться со всеми своими покровами, разрушить привычную картину мира, идти за пределы своих обусловленностей, всего известного. <...> Путь к Свободе лежит через “духовный кризис”, “прозрение ужаса”, внутреннюю ломку»³³.

Соотношение человека, идущего по «шуйному пути», и современного общества И.Г. Черкасов описывает так: «У нас во все времена были люди, стремящиеся преодолеть собственные пределы, выйти за рамки, которые навязаны окружающим обществом, — и не потому, что эти люди не доросли до общественных отношений, а потому, что, в определенном смысле, переросли их»³⁴. Такой подход к жизни отчасти напоминает концепт аполитии, предложенный Ю. Эволой, согласно которому традиционалисту необходимо «безвозвратное внутреннее отстранение от этого общества и его “ценностей”; а также отказ от связанности с ним какими-либо моральными или духовными узами»³⁵.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что идеи оторванности современного человека от Традиции, ограниченности свойственного эпохе модерна рационального мышления и антагонизма между сторонниками обращения к Традиции и современным обществом свойственны как основателям традиционализма, так и идеологам русского родноверия. Из этого идейного основания вытекает и подход к восстановлению славянского язычества, который можно назвать традиционалистским. Этот подход учитывает, во-первых, что между древним и современным язычеством лежит пропасть прерванной «Традиции». Во-вторых, исходит из того, что ее восстановление требует не исторической реконструкции прошлого, основанной на научной рациональности, но обретения духовного опыта и обращения к «вечной философии», которая и является язычеством. В-третьих, в рамках этого подхода исправление современного мира требует воспитания языческой духовной элитой, состоящей из волхвов, а духовное самосовершенствование может требовать от адепта Традиции поведения, непривычного для окружающих.

Модернистский подход

Противоположностью традиционалистского подхода является подход «модернистский». В качестве примеров идеального типа «религиозного модернизма» приведем уфологическое направление в интерпретации древних мифологических сюжетов и учение так называемой Древнерусской Инглиистической церкви православных староверов-инглингов Александра Юрьевича Хиневича (Патера Дия).

Как писал еще в 1980-е годы философ П. С. Гуревич, «слагаемые космической религии неотторжимы от нашего времени»³⁶. Типичные представители этого мировоззрения — Захария Ситчин и Эрих фон Дэникен. Проиллюстрировать модернистскую интерпретацию древних мифов можно с помощью широко известной интерпретации Ситчиным таких мифологических персонажей, как ануннаки и игиги. Специалисты по религиям древней Месопотамии описывают ануннаков как богов земли и подземного мира, а игигов — как космических богов³⁷. В творчестве З. Ситчина эти характеристики соединяются с современным представлением о космонавтике, поэтому в его книге «Космический код: Генная инженерия богов» ануннаки оказываются инопланетянами, добывающими золото на планете Земля, а игиги — это их товарищи, обслуживающие орбитальные станции и космические челноки³⁸.

Нечто подобное происходит в «Славяно-Арийских ведах» А. Ю. Хиневича с таким персонажем русских сказок, как Кощей. В священном писании «Церкви православных староверов-инглингов» кощей — это демоническая раса инопланетян из Пекельного мира, которая, среди прочего, когда-то захватила одну из трех лун, вращавшихся вокруг Земли, из-за чего славянам пришлось взорвать ее³⁹. Несмотря на то что Хиневич стремится придать своим текстам древнерусскую стилистику, содержательно они напоминают скорее современные космические оперы, вроде «Звездных войн» Дж. Лукаса.

На этих двух примерах можно показать ключевое отличие модернистского подхода от традиционалистского. Оно заключается в том, что современный наукообразный рационалистический дискурс используется для описания событий далекого прошлого, как будто никаких принципиальных мировоззренческих отличий между архаическим человеком, сочинявшим мифы, и современным зрителем фантастических фильмов просто не существует.

Заключение

В заключение приведем пример одного события в истории русского неоязычества, которое можно объяснить, исходя из предложенной классификации подходов к восстановлению язычества. В 2009 г. в интернете было опубликовано публичное обращение «О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве», написанное от лица крупнейших родноверческих объединений Круг Языческой Традиции (КЯТ) и Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры (ССО СРВ)⁴⁰. В нем представители этих объединений резко отмежевываются от таких людей, как А. Ю. Хиневич, А. В. Трехлебов, Н. В. Левашов, В. А. Чудинов, Г. С. Гриневич. Их обвинили в том, что их взгляды «принципиально расходятся с доказательной точкой зрения действительных ученых и современной науки», что это «псевдоязыческое учение, псевдолингвистика, лженаука и откровенные домыслы», которые ведут «лишь к дискредитации, как современного языческого движения, так и Российской науки». Критикуемые авторы, по мнению составителей обращения, «обманывают неосведомленных читателей и зарабатывают деньги на заведомой лжи»⁴¹.

Все эти обвинения можно было бы признать справедливыми. Однако проблема в том, что, обратившись с научным инструментарием к нарративам лидеров КЯТ и ССО СРВ, при желании в них тоже можно обна-

ружить исторические фальсификации (например, отсылки к «Велесовой книге»), сомнительные гипотезы, любительскую лингвистику и псевдонаучные концепции, такие, как «Новая хронология» А. Т. Фоменко. Тем не менее, реальные отличия между этими двумя направлениями действительно существуют. Разница между ними в том, что историческая новизна «космической оперы» А. Ю. Хиневича — вещь вполне очевидная и достаточно легко обнаруживаемая. В то же время родноверы-традиционалисты прикладывают гораздо более серьезные усилия, чтобы их религия выглядела аутентично. Поэтому нет ничего удивительного, что к 2009 г. у них возникло желание отмежеваться от людей, бросающих тень на все движение.

¹ Ханеграаф В. Западный эзотеризм. Путеводитель для запутавшихся. М.: Центр книги Рудомино, 2016. С. 52.

² Кавыкин О. И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 159.

³ Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М. Издательство ББИ, 2012. С. 31.

⁴ Aitamurto K. Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Rodnoverie. NY, L.: Routledge, 2016. P. 22.

⁵ В рамках учения Генона слово «Традиция» пишется с большой буквы, когда речь идет о ее изначальной, «примордиальной» версии, то есть о некоем изначальном истинном учении, осколками которого являются конкретные исторические религиозные традиции.

⁶ Генон Р. Кризис современного мира. М.: Академический проект, 2018. С. 89.

⁷ Прозоров Л. Р. «Иду на Вы!»: Подвиги Святослава. М.: Яуза-пресс, 2013. С. 108–109.

⁸ Там же С. 249–250.

⁹ Генон Р. Кризис современного мира. С. 88.

¹⁰ Велимир, волхв языческой общины «Родолубие Коляды Вятичей». Книга природной веры // Сайт общины «Содружество Славия».

¹¹ См.: Шиженский Р. В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского). Н. Новгород: Типография «Поволжье», 2015. С. 46.

¹² Волхв Велеслав. Книга великой нави: Хаософия и русское навославие. (2-е издание, дополненное). URL: http://askrsvarte.org/pub/downloads/kniga_velikoi_navi.pdf

¹³ Генон Р. Восток и Запад. М.: Беловодье, 2019. С. 59–60.

- ¹⁴ Волхв Велеслав. Духовное самопознание. С-Пб.: ООО «Ведическое Наследие», 2010. С. 34.
- ¹⁵ Там же, С. 21.
- ¹⁶ Цит. по Шиженский Р. В. Указ. соч. С. 71.
- ¹⁷ Прозоров Л. Р. Как утопили в крови Языческую Русь. М.: Яуза-пресс, 2015. С. 320.
- ¹⁸ Вечная философия, или *philosophia perennis* — термин, введенный в 1540 г. ватиканским библиотекарем Агостино Стеуко для обозначения концепции единой изначальной религии, предшествовавшей всем конкретным религиозным формам, разработанной мыслителем XV в. Марсилио Фичино. См.: Сэдджвик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. М.: Новое литературное обозрение. 2014. С. 39.
- ¹⁹ Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. М.: Беловодье, 2015. С. 16.
- ²⁰ Сэдджвик М. Указ. соч. С. 168.
- ²¹ Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. С. 68–69.
- ²² Генон Р. Кризис современного мира. С. 214.
- ²³ Прозоров Л. Р. «Иду на Вы!»: Подвиги Святослава. С. 119.
- ²⁴ Там же, С. 122.
- ²⁵ Прозоров Л. Р. Как утопили в крови Языческую Русь. С. 95.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Шиженский Р. В. Указ. соч. С. 103.
- ²⁸ Там же С. 36.
- ²⁹ Там же С. 49.
- ³⁰ Цит. по Шиженский Р. В. Указ соч. С. 120.
- ³¹ Бенуа А. Юлиус Эвола, радикальный реакционер и метафизик, занимающийся политикой // Традиция и консервативная мысль. М.: Тотенбург, 2017. С. 175.
- ³² Там же, С. 176.
- ³³ Интервью с Велеславом (И. Г. Черкасовым) // COLLOQUIUM NEPTA PLOMERES: Научный альманах. — Выпуск I: Язычество в XX–XXI веках: российский и европейский контекст./Сост. А. А. Бесков, Р. В. Шиженский. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2014. С. 181.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Цит. по Сэдджвик М. Наперекор современному миру... С. 306.
- ³⁶ Гуревич П. С. Возрожден ли мистицизм? М.: Политиздат, 1984. С. 181.
- ³⁷ Афанасьева В. К. Ануннаки // Мифологический словарь/Гл. ред. Е. М. Мелетинский М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 50.
- ³⁸ Ситчин З. Космический код: Генная инженерия богов. М.: Эксмо, 2006. С. 52–53.
- ³⁹ Славяно-Арийские Веды. Славянское миропонимание. Книга I. Подтверждение «Книги Света». Омск. Б. и. Б. г. С. 163.
- ⁴⁰ О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве // «Пантеон» URL: <https://pantheon.today/documents/o-podmenax-ponyatij-v-yazyke-i-istorii-slavyan-i-o-psevdoyazychestve/>
- ⁴¹ Там же.

Список литературы

- Афанасьева В. К. Ануннаки // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 50.
- Бенуа А. Юлиус Эвола, радикальный реакционер и метафизик, занимающийся политикой // Традиция и консервативная мысль. М.: Тотенбург, 2017.
- Волхв Велеслав. Духовное самопознание. С-Пб.: ООО «Ведическое Наследие», 2010.
- Волхв Велеслав. Книга великой нави: Хаософия и русское навославие. (2-е издание, дополненное). URL: http://askrsvarte.org/pub/downloads/kniga_velikoi_navi.pdf
- Генон Р. Восток и Запад. М.: Беловодье, 2019.
- Генон Р. Духовное владычество и мирская власть. М.: Беловодье, 2015.
- Генон Р. Кризис современного мира. М.: Академический проект, 2018.
- Гуревич П. С. Возрожден ли мистицизм? М.: Политиздат, 1984.
- Интервью с Велеславом (И. Г. Черкасовым) // COLLOQUIUM NEPTAPLOMERES: Научный альманах. — Выпуск I: Язычество в XX–XXI веках: российский и европейский контекст. / Сост. А. А. Бесков, Р. В. Шиженский. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2014. С. 177–184.
- Кавыкин О. И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М.: Институт Африки РАН, 2007.
- Прозоров Л. Р. «Иду на Вы!»: Подвиги Святослава. М.: Яуза-пресс, 2013.
- Прозоров Л. Р. Как утопили в крови Языческую Русь. М.: Яуза-пресс, 2015.
- Ситчин З. Космический код: Генная инженерия богов. М.: Эксмо, 2006.
- Славяно-Арийские Веды. Славянское миропонимание. Книга I. Подтверждение «Книги Света». Омск. Б. и. Б. г. С. 163.
- Сэдджвик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Шиженский Р. В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского). Н. Новгород: Типография «Поволжье», 2015.
- Ханеграф В. Западный эзотеризм. Путеводитель для запутавшихся. М.: Центр книги Рудомино, 2016.
- Aitamurto, K. Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Rodnoverie. NY, L.: Routledge, 2016

Кочеганова Полина Петровна

*Нижегородский государственный
педагогический университет имени Козьмы Минина
Факультет психологии и педагогики
Магистрант Кафедры практической психологии
E-mail: polya.codeganova@mail.ru*

Культурно-историческая и социально-психологическая роли мантического комплекса в современном языческом и эзотерическом локусах

Аннотация. Мантический комплекс представляет собой значимый аспект любой политеистической религии и большинства эзотерических течений. Вместе с тем его культурно-историческая роль в эзотерическом локусе не является преобладающей. В данной статье анализируются культурологические и социально-психологические факторы, выступающие катализатором распространения и развития мантического комплекса, а также предлагается классификация мантических практик на базе используемого инструментария.

Ключевые слова: мантика, мантический комплекс, магическое мышление, эзотерический локус, ремифологизация массового сознания

Abstract. The mantic complex is a significant aspect of any polytheistic religion and most esoteric currents. However, the cultural and historical role of the mantic complex is not dominant in the esoteric locus. The correlation of mantic and psychosocial factors, both at group and individual levels, is obvious. This article analyzes cultural and psychosocial factors that act as a catalyst for disseminating and developing the mantic complex. In addition, there is a classification of mantic practices based on the tools used.

Keywords: mantic, mantic complex, magical thinking, esoteric locus, remythologization of mass consciousness

Значимой категорией любой политеистической религии, а также абсолютного большинства эзотерических течений является развитый

мантический комплекс (мантика), отвечающий психологическим потребностям людей с магическим мышлением и историко-культурным потребностям самого учения. Данный факт подтверждает, в частности, Н. Д. Барабанов, подчеркивая, что мантика является одним из древнейших компонентов религиозной культуры, обладающим диахронической, этнической и социальной универсальностью¹.

По определению И. Т. Касавина, мантика представляет собой систему ритуалов и техник, направленных на гадание и предсказание будущего на основе мифомагической картины мира². В данной статье дефиниции «мантика» и «мантический комплекс» используются как равнозначные. Однако использование термина «мантический комплекс» видится более целесообразным, так как отражает системный характер мантики, ее многоаспектность.

Под мантическими практиками в данной работе понимается совокупность ритуалов и техник, направленных на гадание и предсказание будущего. О видах и формах мантических практик, пусть и без употребления данного термина, подробно говорит И. Т. Касавин³. Мантические инструменты определяются как инструменты, используемые в процессе мантических практик с целью гадания и получения предсказаний. Мантические практики и мантические инструменты соотносятся как общее и частное, например, гадание на таро является мантической практикой, в то время как сама колода выступает мантическим инструментом.

В данной статье термин «локус» употребляется в трактовке И. И. Свирида, в исследованиях которой говорится о тесной связи понятий локуса и культурного пространства: «в культурном пространстве возникают локусы, которые служат точками сгущения культурной энергии, ... определяют векторы культурной ориентации»⁴. По мнению исследователя, локусом могут выступать культурные и политические конгломераты любого масштаба. Исходя из данной трактовки, мы можем говорить о существовании мантического комплекса в определенных локусах, преимущественно в эзотерическом и языческом. Опираясь на приведенное выше понятие локуса, а также на толкование понятия эзотерики⁵, видится возможным определить эзотерический локус как совокупность знаний, сведений, практик и течений, базирующихся на мифомагической картине мира и (или) мистицизме как особом способе понимания и восприятия мира. Понятие языческого локуса в рамках данной статьи объединяет традиционное язычество и неоязычество как часть новых религиозных движений. Взаимосвязь языческого

и эзотерического локуса подчеркивается в исследовании С. Г. Устинова, который говорит о том, что современный эзотеризм «досоздает» недостающие ему элементы мировоззрения и является не столько наследием прошлого, сколько творчеством новых форм язычества, характерных для современности и, следовательно, может быть идентифицирован как «неоязычество»⁶.

Говоря о социокультурном аспекте мантического комплекса, нельзя не отметить, что мантика входит в сложную систему ритуально-обрядовых действий, жреческих функций и индивидуальных языческих практик и имеет различные специфические формы репрезентации, связанные с обращением к различным проявлениям эзотерического и языческого локуса. Например, имеет место репрезентация мантического комплекса через обращение к мифологии, в частности через образы божеств, напрямую связанных с предсказаниями (норны, парки, Вельва и пр.); через обращение к историческим личностям (оракул французской прорицательницы Ленорман, таро Райдера-Уэйта) и др.

Психологический аспект мантического комплекса выражается, прежде всего, посредством магического мышления. Вслед за С. Московичи, исследовавшим современное общество и пришедшим к выводу, что все социальные процессы в обществе детерминированы, прежде всего, психическими факторами, мы выделяем психологический аспект мантического комплекса в качестве одного из важнейших⁷.

Магическое мышление, по мнению В. А. Жмурова, представляет собой убеждение в возможности влияния на действительность посредством символических психических или физических действий и/или мыслей, а также игнорирование объективных причинно-следственных связей, подмена их идеей вмешательства сверхъестественных сил⁸.

В работе «Тотем и табу» З. Фрейд высказывает гипотезу о том, что именно магическое мышление лежит в основе анимизма, религии и народных суеверий, а также искусства. Фрейд отмечал, что магическое мышление свойственно не только детям, но и взрослым. В качестве примера можно привести невротиков, у которых часто наблюдается слитность мысли и действия. Как следствие, формируется страх собственных мыслей, способных, по их мнению, влиять на реальность⁹.

В теории К. Юнга существенным является постулат о коллективном бессознательном, архетипах, действие которых и провоцирует активизацию магического мышления и наделение себя или другого объекта сверхъестественными способностями, в том числе способностями про-

видца: «он [прим.: человек] превращает другого или себя самого в бога или дьявола. Здесь проявляется характерное действие архетипа: он захватывает психическое своеобразной первобытной силой и вынуждает ее выйти за пределы человеческого. Это та самая причина, по которой люди всегда нуждались в демонах и не могли жить без богов»¹⁰.

Согласно Дж. Фрэзеру, магическое мышление основывается на двух законах: законе подобия и законе заражения или контакта. Фрэзер также подробно исследовал вопрос, связанный с распространением магического мышления в обществе¹¹.

На сегодняшний день отсутствует комплексное социально-психологическое обоснование потребности людей в предсказаниях, а также единая классификация мантических практик с учетом современных процессов. В рамках данной работы:

- Проанализирована причина актуализации мантических практик в современном обществе и их социокультурная роль;
- Рассмотрено многообразие существующих мантических практик и предпринята попытка разработать их классификацию.

Эмпирической базой исследования послужили материалы интервью 22 информантов. Все интервьюируемые — старше 18 лет, трудоустроены. 16 человек определяют себя как специалистов в области мантики (тарологи, рунологи, астрологи, хироманты и др.), при этом навык предсказания у данной группы респондентов является дополнительным по отношению к другим магическим способностям или навыкам. То есть опрошенные, помимо увлечения мантикой, позиционируют себя в качестве ведьм, колдунов, жрецов (жриц), экстрасенсов и пр. 6 человек увлекаются мантикой, имеют собственный незначительный опыт предсказаний, верят в приметы, вещие сны и неоднократно обращались к предсказателям за консультацией. Опыт применения мантических практик у опрошенных составляет в среднем не менее 9 лет. При отборе информантов использовалась случайная выборка, ограниченная эзотерическим и языческим локусом, в частности в число респондентов были включены предсказатели, предоставляющие свои услуги, клиенты эзотерических магазинов, адепты новых религиозных движений, постоянные участники тематических форумов, а также неоднократно в беседах проявляющие интерес к теме предсказаний и эзотерики.

Актуализация мантических практик в современном обществе связана с наблюдаемыми с конца XX в. социально-культурными и экономико-политическими процессами в российском обществе¹².

Кризис, связанный с распадом советского государства, стремительным переходом к рыночной экономике, а также с общемировыми процессами глобализации и научно-технической революции, привел к повышению в обществе уровня стресса, тревожности и, как следствие, к активации ряда психологических защит, выражающихся в том числе в процессах мифологизации и ремифологизации культуры и сознания, в повышении уровня религиозности населения, распространении эзотерических учений, колдовских школ и их неотъемлемой мистической составляющей — мантического комплекса¹³. Ю. В. Саенко отмечает, что формирование и актуализация установок магического мышления происходят в кризисные периоды жизни человека и развития общества, представляя собой «аффективно-когнитивный стиль реагирования в необычных, стрессогенных ситуациях». Магические и мистические установки являются средством регуляции эмоциональной сферы для тревожных личностей¹⁴. И. Я. Стоянова говорит о мифологическом (пралогическом) мышлении как о способе защиты и адаптации к условиям окружающей среды¹⁵.

Иными словами, мы можем говорить о том, что возвращение мифа как части массовой культуры, а также его сознательное конструирование и включение в мировоззрение конкретного индивида, являются определяющим фактором культурной динамики современного общества, а также идентификатором распространения магического мышления¹⁶.

Мантика и магическое мышление основаны на мифомагической картине мира и оперируют в первую очередь символическими действиями и искаженными по отношению к законам логики причинно-следственными связями. Тот факт, что современная мантика является исключительно психологическим феноменом, базирующимся на магическом мышлении, подчеркивают в своих трудах И. Т. Касавин¹⁷, Б. Регал¹⁸ и др.

Соответственно, мантический комплекс как одна из форм репрезентации магического мышления обладает рядом признаков, данному мышлению свойственных. При отборе характеристик мы опирались на результаты проведенного метаанализа различных определений термина «магическое мышление»¹⁹, позволившего выделить ряд общих постоянных признаков. Данные закономерности были подтверждены анализом материалов интервью информантов. Таким образом, к признакам мантического комплекса были отнесены только те, которые, во-первых, являются базовыми для магического мышления и упоминаются рядом исследователей как характерные черты мантики. Во-вторых, были наблюдаемы в практиках и дискурсе информантов.

Рассмотрим каждый из выделенных признаков мантического комплекса подробнее:

1. Нивелирование законов логики, в том числе закона достаточного основания, закона противоречия, а также таких характеристик логического мышления, как определенность, непротиворечивость, последовательность и доказательность. Данная черта свойственна всем информантам при осуществлении мантической практики и при толковании полученных результатов²⁰.

2. Предсказания, получаемые посредством мантических инструментов, характеризуются многозначностью, размытостью, отсутствием конкретизации, а также приемами, попадающими под категорию эффекта Барнума или эффекта субъективного подтверждения. Данный эффект относится к категории когнитивных искажений и описывает ситуацию, когда люди воспринимают общие описания и предсказания, например гороскопы, как индивидуальные характеристики²¹. Отметим, что многозначность предсказаний была отмечена у всех опрошенных по отношению к сложным, символическим инструментам, таким как таро, руны и пр. Умение быстро и правильно интерпретировать получаемую в ходе мантической практики информацию, по мнению респондентов, является одним из основных показателей профессионализма предсказателя, его мастерства. Отметим, что даже простые гадания, связанные с получением ответа по принципу «да», «нет», в целом являются неопределенными в плане срока или субъекта. Например, гадание с кольцом на замужество может предвещать вступление в брак со следующими оговорками: «вскорости», «в ближайшее время», «еще не скоро», «высшие силы не могут дать ответ» и пр.

3. Установка адептов мантики приписывать причинно-следственные зависимости предметам и явлениям, не связанным между собой объективно существующими отношениями. Данный признак свойственен всем видам и формам предсказаний, за исключением примет, основанных на наблюдении за природными явлениями. Потерявшийся нательный крест или обручальное кольцо, особенности горения свечи связываются не с невнимательностью или особенностями составами свечи, а с вмешательством сверхъестественных

сил. Также лицам, длительное время занимающимся предсказаниями и определяющим себя как «ведьма», «колдун», «таролог», «рунолог», свойственны следующие утверждения: «сны — это послания из тонкого мира, если снятся умершие, надо отнести на помин»; «я на таро гадала, а в ночь у меня так давление поднялось, это все потому что в праздник церковный»²²; «предсказания на таро всегда сбываются, если у вас не сбылось, значит, колоду надо почистить или на самих морок стоит»²³.

4. Принцип «жесткого» детерминизма — это мировоззренческий и методологический принцип, согласно которому все в мире взаимосвязано и причинно обусловлено. В качестве детерминирующих факторов могут выступать высшие силы, воздействие со стороны других лиц (морок, порча, сглаз, магическая защита), характеристики мантического инструмента (нерабочие, неправильно изготовленные инструменты); индивидуальные характеристики предсказателя (психологическое и энергетическое состояние, наличие магических способностей). Важно отметить, что при выборе детерминирующего фактора респонденты всегда отдают предпочтение факторам, связанным с мифомагической картиной мира, и лишь в последнюю очередь рациональным объяснениям. Например, респондент, делая расклад на таро о причинах спада продаж в своем бизнесе, перебирает следующие варианты: порча на бедность, сглаз конкурентов, повреждение энергетики, ретроградный Меркурий и прочие. В качестве наименее вероятного варианта респондент назвал влияние экономического кризиса, неэффективную работу менеджера по продажам²⁴.

5. Анимизм — вера в одушевленность окружающего мира, в отношении мантического комплекса данный признак выражается посредством концепции эгрегора. Анализ ответов респондентов и эзотерической литературы позволяет сделать вывод, что в новых эзотерических и религиозных движениях эгрегор представляет собой персонификацию души вещи, которая формируется под влиянием мыслей и чувств людей и обретает впоследствии самостоятельное бытие²⁵. Соответственно, каждый предмет окружающего мира, вызывающий у человека эмоции, имеет своего эгрегора²⁶. Так, собственным эгрегором наделяются таро, руны, оракулы и другие инструменты для предсказаний.

6. Аффективное воображение формируется в ситуациях противоречия между образом реальности, который существует в сознании индивида, и объективной реальностью. Аффективная функция воображения направлена на необходимость защититься от травмирующих фактов реальности. Иными словами, обращение к предсказаниям является формой эскапизма — бегством от травмирующей реальности в иную мистическую реальность, наполненную тайными символами²⁷.

Психика, стремясь защититься от травмирующего опыта, активирует аффективное воображение, в результате чего мантический инструмент, например карты таро, в силу своего символизма начинает выступать своеобразной проективной методикой, отображая то, что в нем хотят видеть.

Таким образом, психологическая роль мантических практик заключается в снижении уровня личной и ситуативной тревожности, возможности реализации потребности в контроле у лиц с высоким локусом интернального и экстернального контроля, а также в защите психики от травмирующих ситуаций и событий посредством активации аффективного воображения. То есть рост увлеченности предсказаниями в современном обществе вызван, в первую очередь, стремлением людей знать свое будущее, а также будущее и настоящее других людей, и не всегда осознанным желанием переложить ответственность за принятие решения с себя на судьбу, волю высших сил в виде мантического инструмента.

Социокультурная роль мантики

В рамках рассматриваемого вопроса можно наблюдать две противоположные тенденции. Первая тенденция заключается в реконструкции исторически обусловленных мантических практик с целью обогащения теоретического базиса современного эзотеризма, определения его историко-культурной значимости.

Вторая тенденция связана с качественно новым восприятием мантических практик не как возвращения к истокам, а как способа и формы самопрезентации с целью управления впечатлениями окружающих²⁸. В данном случае наблюдается расширение таких понятий, как «мантика», «предсказания», «магия», «ведьма», «колдун».

Образ предсказателя, ведьмы, ведьмака становится формой репрезентации индивида в социуме, своеобразным амплуа. Для поддержания данного образа и его индивидуализации расширяется как мантический инструментарий, так и понятийный аппарат.

Систематизация мантического комплекса актуализирует потребность в разработке классификации существующих мантических практик, учитывающей происходящие социокультурные изменения системы. Видится результативным введение классификации на базе мантического инструментария:

1. Предметные мантические практики. Данная категория является самой объемной, и в основном включает в себя как реликты мантических практик, то есть предметные практики, сохранившиеся как пережиток от древних эпох (например, ауспиции, распространенные у многих античных народов, и в целом наблюдения за природными явлениями и объектами²⁹), так и их реконструкцию с опорой на исторические, этнографические и фольклорные данные (к данной категории относятся также приметы мантического характера в соответствии с классификацией примет Е. Г. Павловой). Исследователь делит предметы на прогнозы, независимые от волеизъявления человека (ласточки низко летают — к дождю), и приметы мантического характера, содержащие, помимо прогноза, функциональные признаки запрета или совета. Это часто бытовые приметы, например «рассыпать соль — к ссоре», «упала ложка — жди гостей»³⁰. Подобные практики, как правило, имеют простое содержание, являются однозначными, то есть не требуют специальных толкований символов. Мантическим инструментом выступает предмет или одушевленный объект, действие которого и является предсказанием (часы остановились, кольцо потерялось, валенок, перекинутый через забор, упал в сторону дома, свеча погасла).

2. Символьные мантические практики. Данная группа практик включает мантические инструменты со сложным символическим значением, репрезентация символов зависит от особенностей восприятия гадающего. К данной группе относятся карты таро, руны, различные оракулы, астрология, нумерология и пр. Работа с данными видами предсказаний требует определенных знаний и навыков, а также развитого воображения. Символьные мантические практики в большинстве случаев являются общекультурными, но наделяются определенным колоритом, позволяющим идентифицировать языческую или эзотерическую группу, к которой они относятся. Так, например, существуют карточные оракулы вуду, славянского язы-

чества, сатанизма, енохианской магии, асатру, кеметизма и других направлений.

3. Антропоцентрические мантические практики. Антропоцентрические практики предполагают концентрацию на человеке как способе предсказания (хиромантия, физиогномика и пр.). К данному направлению можно отнести и такие современные направления, не имеющие признанного научного статуса, но часто претендующие на статус доказательной методики, как соционика, дизайн человека, графология и пр.

Таким образом, мантический комплекс в современных языческом и эзотерическом локусах представляет собой не только и не столько инструмент реализации жреческих и магических функций и способностей, сколько способ самопрезентации индивида, актуализации его личностных особенностей, расширения сферы культурного влияния эзотеризма. Кроме того, мантика имеет выраженную психотерапевтическую функцию, реагируя на социально-психологические запросы как современного общества в целом, так и отдельного индивида в частности.

¹ Барабанов Н.Д. Византийская народная мантика: клидон/Н.Д. Барабанов // Античная древность и средние века. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. — Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения. — С. 288.

² Касавин И. Т. Мантика/И. Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки./ Сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 465.

³ Касавин И. Т. Мантика/И. Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки./ Сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 465.

⁴ Свирида И. И. Культура и пространство: аспекты изучения // Культура и пространство. Славянский мир. М.: Логос, 2004. С. 10.

⁵ Санжаревский И. И. Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф. пол. наук., Москва: Политология, РГУ, 2010. — 745 с. [электронный ресурс] // URL.: <https://clck.ru/MvtWg> (дата обращения 11.04.20).

⁶ Устинов С. Г. Тайноведение как культурно-исторический феномен современной России: автореферат дис.... кандидата философских наук: 24.00.01/Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 2006. — С. 8.

- ⁷ См: Московичи С. Век толп [Текст]: исторический трактат по психологии масс/Серж Московичи; [перевод с французского Емельяновой Т.П.]; Российская академия наук, Институт психологии, Франция, Дом наук о человеке. — Москва: Центр психологии и психотерапии, 1996. — 478 с.
- ⁸ Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии. М.: Джангар, 2010. С. 27–28.
- ⁹ Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии./пер. на рус. яз. А. М. Боковикова. — 2008. — С. 287.
- ¹⁰ Юнг К. Г. Психология бессознательного // /Пер. с англ. под общей редакцией В. В. Зеленского — Издание 2-е. — М.: Когито-Центр, 2010. — С. 51.
- ¹¹ Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии/Пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. — С. 18–19, 26–28.
- ¹² Кроливецкая И. Е. Процессы ремифологизации массового сознания в современном российском обществе: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.11/Кроливецкая Ирина Евгеньевна; [Место защиты: Краснодар. ун-т МВД России]. — Черноград, 2010. — С. 55–57.
- ¹³ Стоянова, И. Я. Пралогические образования в норме и патологии: автореферат дис.... доктора психологических наук: 19.00.04/Стоянова Ирина Яковлевна; [Место защиты: Том. гос. ун-т]. — Томск, 2007. — С. 14,16–20.
- ¹⁴ Саенко Ю. В. Психологические аспекты суеверий и суеверности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. №S6. — С. 90–91.
- ¹⁵ Стоянова И. Я. Пралогические образования в норме и патологии: автореферат дис.... доктора психологических наук: 19.00.04/Стоянова Ирина Яковлевна; [Место защиты: Том. гос. ун-т]. — Томск, 2007. — С. 6.
- ¹⁶ См: Кроливецкая И. Е. Процессы ремифологизации массового сознания в современном российском обществе: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.11/Кроливецкая Ирина Евгеньевна; [Место защиты: Краснодар. ун-т МВД России]. — Черноград, 2010. — 171 с.; Сочивко Е. Д. Ремифологизация в культуре XX века и роль мифологического мышления в литературе // МНИЖ. 2013. №5–3 (12). — С. 12–14.; Касавин И. Т. Мантика/И. Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки./ Сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 463, 466–467.
- ¹⁷ Касавин И. Т. Мантика/И. Т. Касавин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки./ Сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — С. 466–467.
- ¹⁸ Regal, Brian. Pseudoscience: A Critical Encyclopedia. Greenwood., 2009. p. 55.
- ¹⁹ См.: Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии. М.: Джангар, 2010. С. 27–28.; Карагодина Е. Г. Социальные и индивидуальные аспекты современного мистического мышления (по материалам исследования целителей-экстрасенсов) // Социальная и клиническая психиатрия. — 1997. — т. 7, №3. — с. 67–89; Холмогорова А. Б. Личностные расстройства и магическое мышление. Консультативная психология и психотерапия. 2002. №4. — С. 80–88. и др.

- ²⁰ См: Карагодина Е. Г. Социальные и индивидуальные аспекты современного мистического мышления (по материалам исследования целителей-экстрасенсов) // Социальная и клиническая психиатрия. — 1997. — т. 7, № 3. — с. 67–89; Холмогорова А. Б. Личностные расстройства и магическое мышление. Консультативная психология и психотерапия. 2002. № 4. — С. 80–88.
- ²¹ См: Калита В. В., Гайдай А. С. Эффект Барнума: исследование восприятия испытуемыми личностных описаний с различной социальной желательностью в зависимости от типа применяемой методики // Вестник СВГУ. — 2011. — Вып. 16. — С. 13–14.; Dickson, D. H., & Kelly, I. W. "The 'Barnum effect' in personality assessment: A review of the literature," *Psychological Reports*, 57, 367–382, (1985).
- ²² ПМА 2018 — Полевые материалы автора (информанты: В. А., С. Е., А. Б., О. П., А. А., Т. Л., К. А., Л. У., О. З., А. О., Ю. К.).
- ²³ ПМА 2017 — Полевые материалы автора. Москва, Нижний Новгород, август — октябрь 2017 г. (информанты: Е. А., М. А., В. Ж, Н. К., С. К.); ПМА 2019. — Полевые материалы автора. 2019 г. (информанты Л. П., Е. Н, Т. В, М. Е., Л. С., К. Л).
- ²⁴ ПМА 2017 — Полевые материалы автора. Москва, Нижний Новгород, август — октябрь 2017 г. (информанты: Е. А. Б. Г, О. С., М. А., В. Ж.).
- ²⁵ Bernstein L. S. Egregor/Confraternity of the Rose Cross [электронный ресурс] // URL.: <https://clck.ru/MmLox> (дата обращения — 22.03.20).
- ²⁶ ПМА 2020 — Полевые материалы автора. Москва, Нижний Новгород, Нижегородская область, Санкт-Петербург, 2020 г.
- ²⁷ Саенко Ю. В. Психологические аспекты суеверий и суеверности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. №56. — С. 91–92.
- ²⁸ 23. Корягина Н. А. Проблемы исследования социально-психологических факторов самопрезентации // Модернизация российского образования: тренды и перспективы: монография. Кн. 3. Краснодар: Центр социально-политических исследований «Премьер», 2012. С. 26.
- ²⁹ 26. William Smith. *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*, 2nd ed., London, 1859, pp. 174–179.
- ³⁰ 27. Павлова Е. Г. Опыт классификации народных примет // Паремииологические исследования. М., 1984. С. 294–297.

Список литературы

- Андреев, Д. Л. Роза мира [электронный ресурс] // URL.: <http://rozamira.org/gm/htm/s.htm> (дата обращения 20.03.20).
- Барабанов Н. Д. Византийская народная мантика: клидон/Н. Д. Барабанов // Античная древность и средние века. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. — Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения. — С. 288–301.
- Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии. М.: Джангар, 2010.
- Калита В. В., Гайдай А. С. Эффект Барнума: исследование восприятия испытуемыми личностных описаний с различной социальной желательностью

в зависимости от типа применяемой методики // Вестник СВГУ. — 2011. — Вып. 16. — С. 13–14.

Карагодина Е. Г. Социальные и индивидуальные аспекты современного мистического мышления (по материалам исследования целителей-экстрасенсов) // Социальная и клиническая психиатрия. — 1997. — т. 7, № 3. — с. 67–89.

Касавин И. Т. Мантика. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. / Сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

Корягина Н. А. Проблемы исследования социально-психологических факторов самопрезентации // Модернизация российского образования: тренды и перспективы: монография. Кн. 3. Краснодар: Центр социально-политических исследований «Премьер», 2012.

Кроливецкая И. Е. Процессы ремифологизации массового сознания в современном российском обществе: диссертация... кандидата философских наук/Кроливецкая Ирина Евгеньевна; [Место защиты: Краснодар, ун-т МВД России]. — Зерноград, 2010.

Московичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс/Серж Московичи; [перевод с французского Емельяновой Т. П.]; Российская академия наук, Институт психологии, Франция, Дом наук о человеке. — Москва: Центр психологии и психотерапии, 1996.

Павлова Е. Г. Опыт классификации народных примет // Паремнологические исследования. М., 1984.

ПМА 2017 — Полевые материалы автора. Москва, Нижний Новгород, август — октябрь 2017 г. (информанты: Е. А., М. А., В. Ж, Н. К., С. К.).

ПМА 2018 — Полевые материалы автора (информанты: В. А., С. Е., А. Б., О. П., А. А., Т. Л., К. А., Л. У., О. З., А. О., Ю. К.).

ПМА 2019 — Полевые материалы автора, 2019 г. (информанты — Л. П., Е. Н., Т. В, М. Е., Л. С., К. Л.).

ПМА 2020 — Полевые материалы автора. Москва, Нижний Новгород, Нижегородская область, Санкт-Петербург, 2020 г.

Подвигина Н. Б. Понятие концепта и концептосферы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2007. № 3. — С. 97–105.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике/З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: «Истоки», 2001.

Саенко Ю. В. Психологические аспекты суеверий и суеверности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. №S6. — С. 85–96.

Санжаревский И. И. Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф. пол. наук, Москва: Политология, РГУ, 2010. — 745 с. [электронный ресурс] // URL.: <https://clck.ru/MvtWg> (дата обращения — 11.04.20).

Свирида И. И. Культура и пространство: аспекты изучения // Культура и пространство. Славянский мир. М.: Логос, 2004.

Сочивко Е. Д. Ремифологизация в культуре XX века и роль мифологического мышления в литературе // МНИЖ. 2013. № 5–3 (12). — С. 12–14.

Стоянова, И. Я. Прагматические образования в норме и патологии: автореферат дис.... доктора психологических наук: 19.00.04/Стоянова Ирина Яковлевна; [Место защиты: Том. гос. ун-т]. — Томск, 2007.

Устинов С. Г. Тайноведение как культурно-исторический феномен современной России: автореферат дис.... кандидата философских наук: 24.00.01/Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 2006.

Фрейд З. Тотем и табу // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии./пер. на рус. яз. А. М. Боковикова. — 2008.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии/Пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.

Холмогорова А. Б. Личностные расстройства и магическое мышление. Консультативная психология и психотерапия. 2002. № 4. — С. 80–88.

Юнг К. Г. Психология бессознательного // Пер. с англ. под общей редакцией В. В. Зеленского — Издание 2-е.. — М.: Когито-Центр, 2010.

Bernstein L. S. Egregor/Confraternity of the Rose Cross [электронный ресурс] // URL.: <https://clck.ru/MmLox> (дата обращения — 22.03.20).

Dickson D. H. & Kelly I. W. "The 'Barnum effect' in personality assessment: A review of the literature," *Psychological Reports*, 57, 367–382, (1985).

Regal, Brian. *Pseudoscience: A Critical Encyclopedia*. Greenwood., 2009.

William Smith. *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*, 2nd ed., London, 1859.

Список информантов

Е. Н. — мужчина, 1972 г.р., высшее образование. Неоднократно обращался к предсказателям по различным вопросам. Хорошо осведомлен в теории и происхождении различных мантических инструментов и практик. Приоритетные мантические практики: нумерология, астрология.

В. А. — мужчина, 1993 г., неоконченное высшее. Неоднократно обращался к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, руны, астрология.

С. Е. — женщина, 1994 г.р. высшее образование. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, астрология, вещие сны.

Л. П. — женщина, 1965 г.р., высшее образование. Обращалась к предсказателям и сама практикует различные способы предсказаний. Приоритетные мантические практики: таро, приметы, предметные практики.

Т. В. — женщина, 1971 г.р., высшее образование. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Самостоятельно практикует гадание на кофе. Приоритетные мантические практики: кофейная гуща, астрология, приметы, вещие сны, таро, руны.

А. Б. — мужчина, 1981 г.р. высшее образование. Профессиональный рунолог, прорицатель (прогноз). Неоднократно обращался к предсказателям

по различным вопросам. Хорошо осведомлен в теории и происхождении различных мантических инструментов и практик. Оказывает услуги предсказания для близкого круга. Приоритетные мантические практики: карты таро, руны, книга Перемен, огам и другие способы, которые информант определяет как «классические».

Е. А. — женщина, 1980-е гг., информант отказался указывать точный год рождения, высшее образование. Профессиональный таролог, рунолог. Информант определяет себя как ведьму и специалиста различных мантических систем. Оказывает платные эзотерические услуги. Приоритетные мантические практики: таро, оракул Ленорман, руны и астрология.

О. П. — женщина, 1969 г.р., среднее специальное образование. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, астрология, вещие сны.

А. А. — женщина, 1996 г.р., высшее образование. Практикующий предсказатель, таролог. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, руны, гадания на кофейной гуще, гадание посредством восковой свечи.

М. Е. — женщина, 1967 г.р., среднее профессиональное образование. Практикующий рунолог, в первую очередь применяет руническую магию. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, руны, вещие сны.

Л. С. — женщина, 1974 г.р., начальное профессиональное образование (ПТУ). Практикует различные способы предсказаний, в основном гадание на картах таро и игральных картах в личных целях. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, руны, гадание на игральных картах.

К. Л. — женщина, 1982 г.р., высшее образование. Профессиональный таролог, шаманка, оказывает коммерческие услуги в области мантики. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, руны, вещие сны.

Т. Л. — женщина, 1975 г.р., высшее образование. Практикующий астролог, таролог. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, руны и астрология.

К. А. — женщина, 1996 г.р., высшее образование. Практикует различные способы предсказаний для личных целей. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, руны, астрология.

С. К. — женщина, 1996 г.р., высшее образование. Практикует различные способы предсказаний для личных целей. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, руны, хиромантия.

Л. У. — женщина, 1997 г.р., высшее образование, последовательница кеметизма. Практикует различные способы предсказаний для личных целей, а также

ритуалы, связанные с культом Баст. Приоритетные мантические практики: таро.

О. З. — женщина, информант отказался указывать точный год рождения и уровень образования. Профессиональный рунолог. Определяет себя как ведьму и последовательницу асатру. Оказывает платные эзотерические услуги. Приоритетные мантические практики: руны, таро.

М. А. — женщина, 1983 г.р., высшее образование. Практикует различные способы предсказаний для личных целей. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, астрология.

А. О. — женщина 1995 г.р., высшее образование. В редких случаях практикует гадание на таро для личных целей. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, астрология, руны.

В. Ж. — женщина, информант отказался указывать точный год рождения, высшее образование. Практикует различные способы предсказаний для личных целей, а также проводит сеансы прорицания за плату. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, астрология.

Ю. К. — женщина, 1989 г.р., высшее образование. Практикует различные способы предсказаний для личных целей. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: таро, астрология, руны.

Н. К. — женщина, 1995 г.р., высшее образование. Неоднократно обращалась к предсказателям по различным вопросам. Приоритетные мантические практики: хиромантия и астрология, другие виды предсказаний осуждает по религиозным соображениям.

Каспаров Армен Радионович

*Самаркандский государственный университет
преподаватель кафедры археологии*

E-mail: murdacop@list.ru

К вопросу о протозороастризме доисторической Бактрии

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы прародины зороастризма. На основе тщательного структурно-системного анализа могильников эпохи бронзы Сапаллинской культуры (Бустон VI–VII) выявлены большое разнообразие употребления огня и огненной символики, сакральные площадки, вторичные захоронения и другие элементы культовой и погребальной практики, присущие зороастрийцам. Приводятся данные в пользу рассмотрения доисторической Бактрии как территории, где, возможно, происходил культурогенез протозороастрийской традиции.

Ключевые слова: Узбекистан, эпоха бронзы, протозороастризм, погребальный обряд, огонь и его проявления, сакральные площадки

Abstract. The article is about an examination of the problem of ancestral home of Zoroastrianism, which has baffled the scientific community for a long time. On the basis of detailed structural and systematic analysis of the burials of the Bronze Age of the Sapalla culture (Buston VI–VII), it has been revealed that there was a huge variety of consumption of fire and fiery symbols, sacred sites, reburials and other elements of cult and funerary practices inherent to Zoroastrians. Data has been provided in a favour of reviewing prehistoric Bactria as a territory where possibly the cultural genesis of the Protozoroastrian tradition took place.

Key words: Uzbekistan, the Bronze Age, protozoroastrianism, funeral rites, fire and its manifestations, sacred sites

Проблематика изучения зороастризма стоит перед научным сообществом не один десяток лет. Будучи в древности и раннем Средневековье распространенным преимущественно на обширной территории Большого Ирана, который включал в себя территорию Закавказья, Цен-

тральной Азии, Афганистана, Пакистана и Турции, в настоящее время зороастризм сохраняется лишь в маленьких общинах в Иране и Индии. Небольшое число его последователей имеется в Таджикистане.

Вопрос о прародине этой религии породил множество самых различных версий и интерпретаций, хотя большинство исследователей согласны в том, что зороастризм возник где-то на обширной территории между Ираном и Индией, охватывающей современные Иран, Хорезм, Азербайджан, Южный Туркменистан и Индию.

В этой статье автор обсуждает гипотезу о возможном зарождении зороастрийской традиции на территории доисторической Бактрии — исторической области в среднем течении Амударьи, занимающей части территорий современных Узбекистана (юг), Афганистана (север) и Таджикистана (юго-запад). Работа призвана осветить актуальные вопросы возникновения первой мировой религии в контексте нового взгляда на место зарождения зороастрийской традиции. Речь пойдет о мировоззренческих представлениях населения Сапаллинской культуры (далее — СК) эпохи поздней бронзы (XIX–X вв. до н. э., юг Узбекистана), рассматриваемых через призму трансформации погребального обряда. На основе тщательного системного анализа материалов некрополей Бустон VI и VII (раскопки Н. А. Аванесовой) можно выявить параллели, которые свидетельствуют в пользу сложения отдельных элементов более поздней зороастрийской мировоззренческой системы из религиозных воззрений населения эпохи бронзового века. Это касается различных аспектов обрядности — от применения тех или иных элементов огненной символики до вторичного захоронения в погребальной практике.

Говорить о том, что зороастризм как религия возник и существовал в СК в конце II тысячелетия до н. э. вряд ли представляется уместным, но факт в том, что ряд обрядовых действий, свойственных зороастризму, восходят именно к сапаллинской древности. Поклонение огню, сохранение в чистоте земли, уважение к воде по отдельности свойственны многим религиям. Но только на территории южной Средней Азии — в Бактрии и Маргиане все подобные представления, а также культ священного напитка сомы-хаомы, встречаются и переплетены в единое целое.

Конечно, зороастризм — это не только поклонение огню, которое свойственно и другим религиям. Кроме огнепоклонничества, для зороастризма характерны и другие важные черты и ритуалы, однако в задачу автора не входит подробное описание всех возможных элементов этой религии. Мы остановимся только на свидетельствах использования огня

и поклонения ему, а также обратим внимание на такой яркий элемент в погребальной практике, как вторичное захоронение.

Концепция зороастрийской религии строится на дуализме добра и зла, света и тьмы, делении мира на духовный и физический. К основным объектам поклонения в зороастризме относится культ огня, включающий все его проявления — от земного огня жертвенного костра до солнца на небе и солярных божеств. Культ вечного огня, который зороастрийцы называли Атар, являлся наиболее разработанной религиозной традицией того времени¹. Его почитание и использование было повсеместным; подношения огню носили характер ежедневного ритуала.

Исследование могильников Бустон VI–VII вв. выявило редкое многообразие проявлений культа огня в ритуально-символической практике. А погребальный обряд отмечен значительным своеобразием и имеет ряд принципиально важных черт, отличающих его от свидетельств аналогичных обрядов в погребальных комплексах ранних этапов СК.

Неординарный характер могильника Бустон VI по отношению к другим синхронным могильникам этой культуры определяется полиритуальностью погребальной практики и топографической структурой памятника, где выделяются культово-церемониальные участки со значительной ролью культа огня. Многообразие ритуально-символической функции огня в церемониале бустонцев представлены в виде: 1 — остатков кострищ и зольников; 2 — почитания очага-алтаря; 3 — вотивных алтарей с угольком и золой; 4 — помещения угольков или охры в сосуды; 5 — наличия охры на костях человека и в качестве подстилки; 6 — такого условного символа огня, как меловая и гипсовая подстилка; 7 — признаков кратковременного возведения огня на дне некоторых погребений; 8 — кирпичей, в глину которых добавляли кости животных, предварительно пережженных, золу и угольки.

Приведенные примеры, естественно, не исчерпывают всего многообразия символики огня. Они отражают некоторые аспекты мировоззрения сапаллинского общества на исходе II тыс. д. н. э. За каждым нестандартным явлением стоит какая-то особая черта культа, сущность которой еще предстоит выяснить. Различная символика огня, скорее всего, отражает особенности религиозного мировоззрения. Это особый мир, где символикой насыщена вся культовая практика бустонцев.

К проявлениям почитания огня нужно отнести известные в могильнике Бустон VI специальные сакрализованные площадки, сооруженные под открытым небом для жертвоприношений и различных ритуализиро-

ванных действий. Такие священные места назывались у зороастрийцев «пави» — «чистое место». Они содержат грунтовые алтари различных форм и размеров. Выявлено 23 алтарные ямы с мощными отложениями в виде супеси, углисто-сажистых прослоек, угольно- и пепельно-зольных наслоений, продуктов горения органических жиров и, вероятно, съестных подношений². Подобные возлияния характерны на всем протяжении функционирования памятника, о чем свидетельствуют найденные в них немногочисленные фрагменты керамики, характерные для этой культуры. Однако значительно чаще в них встречаются обломки андроновских сосудов — посуды пришлого степного населения, фрагменты которых, возможно, являются маркерами принадлежности этого алтаря к соответствующей группе. Здесь же разводились костры. Известны не менее 50 остатков костров по всей территории могильника, где они концентрируются на сакрализованных площадках³. Проявлениями долговременного горения огня служат и достаточно большие площади прокаленного слоя почвы в сакрализованных местах, где на «освященной» подобным образом территории затем совершались различные умиловительные, искупительные, поминальные и другие ритуалы.

Для предотвращения осквернения земли (которая являлась священной) разлагающимися мягкими тканями умершего внутри погребальной камеры использовали подсыпку из древесного угля или пепла, смешанного с золой. В качестве посыпки по дну камеры использовали и заменители огня — мел и охру. Ими же изредка посыпали и останки самого покойного или часть его тела. Разделяющей прослойкой при погребении останков могла служить и мелкая галька, которой засыпалось дно камеры.

Проявление культов — заменителей огня носило выборочный характер, что находит отражение в религии, мифологии и фольклоре всех индоевропейских народов. Определяющее значение для решения назначения культа огня в погребальном обряде сапаллинской культуры имеют специфические андроновско-индоиранские, в особенности индоарийские, соответствия семантики огня. Речь идет о религиозных церемониях одного и того же содержания.

В могильнике Бустон VI локальными комплексами зафиксированы так называемые поминальнички — обычные грунтовые ямы, а иногда комплексы, размещены непосредственно на поверхности земли, где ставились подношения (металлические поделки, пастовые украшения, изделия из камня и пр.), иногда находившиеся в специальных сосудах-ре-

ликвариях. Такого рода объекты непогребального назначения, вероятнее всего, были предназначены для передачи даров умершим или божествам.

Кроме того, известны погребения животных, где баран или овца, возможно, выполняли роль некоего божества (фарна) или божественного проявления. Животное покрывалось различными украшениями, а само погребение, как правило, обставлялось богатым инвентарем. Также вероятно, что эти животные, жертвоприношение которых сопровождало освящение, благословление и укрепление семи творений (земля, огонь, вода, небо (воздух), растение, животное и священный напиток хаома), были почитаемых в зороастризме⁴.

Говоря о хаоме, стоит отметить, что в некрополе Бустон VI имеются захоронения с монофункциональными глиняными поделками, среди которых присутствуют миниатюрный сосуд с небольшим камнем внутри и ложка-черпак, что можно связать с этим напитком, название которого буквально означает «то что выжимают». Вопрос об определении состава хаомы дискуссионен. На настоящий момент наиболее устоявшимся в науке является положение о применении при изготовлении хаомы растения эфедры, которое используют зороастрийцы в наше время⁵.

Огромное значение в рассматриваемом контексте имеет обряд выставления тела умершего человека на специальную площадку — дахму⁶ для освобождения останков от мягких тканей. По мнению Б. А. Литвинского, «как сооружение дахма могла, по-видимому, быть в одних случаях местом для выставления, а в других — местом хранения уже очищенных костей»⁷. Подобное было зафиксировано при археологическом изучении некрополя Бустон VI⁸. На дахму выставляли тело умершего с целью освободить кости от мягких тканей при помощи животных и птиц, а также в процессе естественного разложения. Затем «очищенные» останки собирались и помещались (компактно или в имитации анатомического порядка человека) в погребальную камеру⁹. Практически всегда при компактном размещении костей череп находился поверх остальных останков.

Достаточно показательным в контексте вторичного захоронения может быть наличие в четырех погребениях костей посткраниального скелета-дефлешинга (лишение останков мягких тканей). Уместно отметить, что в трех могилах вторичного захоронения обнаружены отдельные кости (3 лопатки) другого индивида. Это только усиливает и подчеркивает факты о преднамеренной экскарнации мягких тканей умершего и его дальнейшего перезахоронения.

Как сооружение дахма представляла собой каменный настил прямоугольной формы 2×3 м, сложенный из рваного белого гипса вперемешку со щебнем в несколько слоев (общей высотой около 30 см), который был возведен на большом кострище размером примерно 60х80 см. На поверхности настила следов горения не обнаружено, что говорит о том, что земля посредством огня была освящена перед обустройством этого сооружения. При его расчистке между камнями найдены украшения и фрагменты степной керамики — вероятно, усопших выставляли на дахму в погребальных одеждах.

Вокруг каменной площадки сохранились остатки от двух кострищ, грунтового алтаря для культовых возлияний, поминального приношения, а также преднамеренно разбитые сосуды. Дахма располагалась на сакральном участке общей площадью 72 м², который был связан с обслуживанием каких-то церемоний и совмещен с местом выставления останков человека. Вся площадь участка тщательно оформлена подсыпкой из речного красного песка.

Материалы некрополей иллюстрируют, что практика выставления усопшего на территории Северной Бактрии складывалась задолго до авестийской традиции. Древние индоиранцы первоначально хоронили своих покойников в земле, но затем у индоариев погребальный обряд сменился кремацией, а у иранских арийцев — обычаем выставления усопшего. Зороастрийцы доктринально объясняют выставление трупов как стремление предохранить от осквернения землю, воздух, воду и огонь»¹⁰. Как известно, погребальные обряды являются наиболее консервативными в традициях древних, поэтому они могут свидетельствовать о влиянии в местный субстрат инородного населения, которое и привнесло новшества, отразившиеся, в том числе, в погребальных действиях. Такой вариант погребения останков, на взгляд автора, является своеобразным предтечей широко бытовавшей в зороастризме традиции вторичного погребения останков в специальных костехранилищах — «оссуариях».

Таким образом, системный анализ погребального обряда носителей Сапаллинской культуры позволяет выделить еще один географический и исторический регион и поставить вопрос о бактрийском очаге культурогенезиса зороастрийской религии. В той или иной степени проявления зороастризма прослеживаются на различных исторических территориях. Бактрия по предоставляемым сведениям вполне может претендовать на право быть возможной прародиной зороастризма.

-
- ¹ Мейтарчян М. Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М.:1999. С. 11.
- ² Аванесова Н. А. Храмовые функции сакрализованных площадок некрополя доисторической Бактрии — Бустон VI // Степи Евразии в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. — СПб.: 2002. С. 109–110.
- ³ Аванесова Н. А. Результаты исследования некрополя Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане — 2000 г. Самарканд, 2001. С. 35–36.
- ⁴ Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. М.: 1987. С. 20.
- ⁵ Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009. С. 8.
- ⁶ Еще сравнительно недавно этимология слова «дахма» выводилась из корня «dag», «гореть». Позже было установлено, что термин восходит к индоевропейскому «dhmbh» — «погребать», «хоронить» [Бойс, 1987, С. 22].
- ⁷ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. Культура и ритуалы Кушанской Бактрии. М.: 1983. С. 113.
- ⁸ Аванесова Н. А. Храмовые функции сакрализованных площадок некрополя доисторической Бактрии — Бустон VI // Степи Евразии в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. — СПб.: 2002. С. 93; С. 103.
- ⁹ Аванесова Н. А. Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд, 2013. С. 512.
- ¹⁰ Мейтарчян М. Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М.:1999.

Список литературы

- Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009.
- Аванесова Н. А. Результаты исследования некрополя Бустон VI // Археологические исследования в Узбекистане — 2000 г. Самарканд, 2001.
- Аванесова Н. А. Храмовые функции сакрализованных площадок некрополя доисторической Бактрии — Бустон VI // Степи Евразии в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. — СПб.: 2002.
- Аванесова Н. А. Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд, 2013.
- Аванесова Н. А. Ритуальная ингумация некрополя Бустон VI // Зарафшон водийси археология масалалари. Самарканд, 2014.
- Аванесова Н. А., Каспаров А. Р. Практика вторичного захоронения некрополя Бустон VII // Вестник Международного Института центральноазиатских исследований (МИЦАИ). Вып 21. Самарканд, 2015.
- Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. М.: 1987.
- Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. Культура и ритуалы Кушанской Бактрии. М.: 1983.
- Мейтарчян М. Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М.:1999.

Матвеев Владислав Викторович

Российский государственный гуманитарный университет

Учебно-научный центр социальной антропологии

магистрант 2 курса;

старший лаборант Института археологии РАН

E-mail: vladis.matveeff@yandex.ru

Праздничная культура общины бахаи: универсалистские принципы и вернакулярные практики

Аннотация. В статье рассматриваются особенности праздничной культуры последователей вероучения бахаи. Анализируются коллективные и индивидуальные практики, совершаемые на праздничных мероприятиях бахаи. Отмечается значительная роль этноконфессионального бэкграунда отдельных членов общины бахаи в организации религиозных праздников.

Ключевые слова: праздник, праздничная культура, идентичность, вернакулярная религия, религиозный ландшафт

Abstract. The article discusses the features of the festive culture of followers of the Baha'i faith. Collective and individual practices performed at Baha'i celebrations are analyzed. The significant role of the ethno-confessional background of individual members of the Baha'i community in the organization of religious holidays is noted.

Keywords: feast, festive culture, identity, vernacular religion, religiouscape

Феномен праздника нередко попадает в фокус антропологических исследований. Существует несколько концепций (темпоральная, социальная, мифологическая и др.), призванных пролить свет на отдельные грани этого явления¹. В процессе совершения коллективных практик, приуроченных к празднованию какого-либо события, происходят сохранение, актуализация и тиражирование норм и ценностей группы. Характерной особенностью праздничной культуры религиозных сообществ является актуализация и выделение именно религиозной идентичности на фоне прочих посредством совершения комплекса ри-

туальных действий, проигрывания мифологических сюжетов, чтения молитвы и т. д.

Данная статья посвящена проблеме репрезентации религиозных сообществ посредством праздника на примере общины бахаи. Цель настоящего исследования — анализ праздничных обрядов общины бахаи, а также практик освоения городского пространства в праздничные дни. Мы постарались дать интерпретацию тех инноваций в атрибутике праздника и ритуальных действиях, которые генерируются членами локальных общин, а также тех, которые рекомендованы их руководством. Основу работы составляют материалы, собранные в московской, краснодарской и казанской общинах бахаи в ходе полевых исследований 2016–2019 гг.

Первая община бахаи была основана в 1850-е годы в Иране персом, мирзой Хусейном-Али-и-Нури, провозгласившим себя пророком Бахауллой. Изначально она представляла собой исламскую секту шиитского толка, но достаточно быстро обособилась от ислама и стала позиционировать себя как религиозную группу с самостоятельным вероучением². В настоящее время руководство общиной (около 7 млн. человек по всему миру) осуществляет высший административный орган — Всемирный дом справедливости (далее — ВДС), расположенный в Израиле в г. Хайфе³.

В течении полутора столетий праздничная культура общины бахаи формировалась под сильным влиянием универсалистских принципов, лежащих в основе ее вероучения. Последователи бахаизма признают и почитают догмы христианства, ислама и нескольких других наиболее распространенных религий мира, а также их «явителей» в лице пророков⁴. Обсуждение христианских, мусульманских, буддийских и прочих религиозных текстов в общинах бахаи происходит наравне с текстами Бахауллы. Принцип «единства всех религий», декларируемый ВДС, концептуально отражен и в архитектуре храмовых комплексов бахаи, именуемых Домами поклонения⁵. Каждый храм содержит девять входов, символизирующих разные религии и встречающихся в центральном зале под единым куполом.

Несмотря на строительство бахаи собственных храмов, для большинства локальных общин они все же не стали центрами религиозной и социальной жизни. К настоящему моменту построены и действуют 8 Домов поклонения: в Австралии, Германии, Индии, Республике Панама, США, Самоа, Уганде и Чили. Дисперсное проживание бахаи в локаль-

ных группах, состав которых чаще всего не превышает сотни человек, привело к появлению большого количества «вернакулярных» — то есть сформированных под влиянием социокультурной среды и носящих локальный характер — практик выстраивания повседневности общин. В российских общинах проблема конструирования религиозного пространства в городе решается двумя способами. Крупные общины, в частности, расположенные в Москве, Казани и Краснодаре, где численность бахаи достигает порядка 50 и более человек, выкупают отдельные помещения и обустраивают их под свои нужды. Так, например, краснодарский и казанский «центры бахаи» представляют собой двухэтажные здания, приобретенные в 1990-е годы прошлого века за счет пожертвований бахаи из Германии. Подавляющая часть общин бахаи на территории России совершает коллективные практики в доме одного из ее членов. Для масштабных мероприятий могут быть арендованы банкетный зал, ресторан или кинотеатр.

Немногочисленными внешними маркерами, наполненными религиозным символизмом и выделяющими дом или центр бахаи на городском ландшафте, являются настенные портреты Бахауллы, фотографии Домов поклонения, каллиграфические символы приветствия и эннеаграмма — знак в форме девятиконечной звезды, который активно эксплуатируется не только общиной бахаи, но и в рамках самых разных теософских школ⁶. При этом практика развешивания портретов пророка на стенах довольно резко контрастирует с исламской традицией, где изображение Мухаммеда запрещено почти всеми течениями, а использование эннеаграммы в качестве одного из главных символов бахаизма, вероятно, свидетельствует о сильном влиянии суфизма на ранних этапах становления вероучения и о его эзотерических корнях⁷. В праздничные дни центры бахаи дополнительно украшаются цветочными букетами, зажженными свечами и плакатами, содержащими какую-либо информацию о предстоящем празднике.

Община бахаи имеет свой календарь под названием Бади, который является солнечным и состоит из 19 месяцев по 19 дней, не считая вставные. С момента образования первой иранской общины и по сей день бахаи отмечают Навруз как начало нового года. В календаре Бади 11 «святых» и «памятных» дней, приуроченных к событиям из ранней истории общины (в частности, к датам рождения и смерти первых лидеров общины), и 19 праздников «девятнадцатого дня» («NineteenDayFeast»), отмечаемых в начале каждого месяца⁸. Помимо этого, члены каждой

локальной общины бахаи собираются вместе примерно раз в неделю для коллективной молитвы и обсуждения организационных вопросов, в том числе связанных с подготовкой праздничных мероприятий.

Организация праздников во всех локальных общинах бахаи проходит по схожему сценарию, который разделен на три «фазы»: коллективное чтение молитв, обсуждение вопросов самоуправления и развлекательная программа.

По технике и языку исполнения практики чтения молитв в вероучении бахаи не ограничены жесткими рамками, что создает обширное поле творчества для его последователей. В локальных общинах на территории России нами зафиксировано несколько вариантов индивидуальных и коллективных молитв. Существует множество сборников молитв бахаи, переведенных на десятки языков. Как правило, способы чтения молитвы в бахаизме продиктованы особенностями этноконфессионального бэкграунда конкретного верующего. Так, например, персы молятся на фарси, если же в общине есть бывшие мусульмане, то очень вероятно, что они будут молиться на арабском. При этом их техника исполнения может сильно напоминать пение муэдзина или муллы в исламской традиции. Бывшие православные, принявшие вероучение бахаи (особенно обучавшиеся хоровому пению), также могут зачитать молитву в стиле церковного песнопения, тем более что способ стихосложения в молитвах бахаи, переведенных на русский язык, изначально мимикрировал под церковнославянский.

Подобные девиации, сопровождающиеся вторичным использованием ранее вышедших из употребления умений, когнитивных и дискурсивных привычек отдельно взятых членов локальных общин, совершенно не возбраняются руководством ВДС, а напротив, приветствуются, поскольку способствуют привлечению неофитов из самых разных конфессиональных и социокультурных пространств. Таким образом община демонстрирует условному внешнему наблюдателю, что для того, чтобы стать бахаи, не нужно порывать с предшествующей религиозной идентичностью. Большинство последователей бахаизма в посещаемых нами общинах ранее исповедовали иную религию. Некоторые бахаи продолжают посещать церкви, мечети и другие храмы даже после вступления в общину, поскольку интерпретируют бахаизм как «надстройку» к догматике остальных религиозных групп. Бахаи, которые прежде исповедовали ислам, видят в образе Бахауллы имама Махди — приемника Мухаммеда, согласно хадисам. Бывшие христиане опираются в своих су-

ждениях на описание «второго пришествия» Христа из Нового Завета, а бывшие буддисты — на сюжет о Будде Майтрейи, который, согласно ведической литературе, должен стать новым учителем человечества⁹.

С самых первых лет своего существования община бахаи уделяла много внимания работе с неофитами из разных культур и исповедующими разные религии и ситуативно адаптировала отдельные положения своего вероучения. Примером адаптивных способностей общины может служить тот факт, что в большинстве современных рекламных брошюр бахаи отсутствует базовый принцип «защиты и руководства Святого Духа»¹⁰, поскольку такая формулировка может отпугнуть от вероучения представителей различных нехристианских конфессий. Также ВДС не возбраняется, если отдельные группы бахаи добавляют в список «каноничных» пророков новые имена. В частности, индейские общины поставили основателя Лиги ирокезов Деганавида в один ряд с Авраамом, Моисеем, Буддой, Заратустрой, Кришной, Иисусом Христом, Мухаммедом, Бахауллой и Бабом¹¹. Вернакулярные способы конструирования повседневности бахаи иногда прямо противоречат их догме в угоду культурным и конфессиональным традициям местного населения. Например, в странах, население которых преимущественно исповедует ислам, бахаи иногда имеют две жены, хотя положения бахаизма прямо запрещают подобные практики.

Завершающая часть праздника предполагает развлекательную программу и общение в неформальной обстановке за праздничным столом. Она может сопровождаться этнической музыкой, просмотром фильмов, творческими выступлениями и играми. При разработке праздничной программы большое внимание уделяется способам презентации общины для гостей, которые были приглашены на мероприятие, но не знакомы с вероучением бахаи. Ожидается, что на празднике будут присутствовать не только бахаи, но и люди, не включенные в общину. Ежегодно под руководством ВДС снимаются и демонстрируются на праздниках документальные фильмы, посвященные ранним этапам истории общины и ее современной жизни.

Творческие выступления, которые подготавливает община, могут отражать не только коллективную религиозную идентичность, но и культурный бэкграунд отдельных ее членов. К примеру, в краснодарской общине на каждом празднике уделяется внимание таджикским, узбекским и персидским песням и танцам. При этом образ культуры, сконструированный в медийном пространстве во многом посредством этностереотипов, может соединяться с «проживаемой», реально существующей

традицией, создавая гибрид, который и транслируется публике. Интерес к «национальному» проявляется в активном заимствовании и использовании атрибутики, песен, танцев различных культур. В частности, в общине, в которой нет ни одного японца, может быть исполнен «японский танец», для которого будут характерны все наиболее популярные стереотипные маркеры японской культуры: веер, кимоно, макияж гейши и т. д. Демонстрация этнокультурного многообразия общины призвана закрепить за бахаизмом статус «мировой религии»¹², как минимум в глазах внешнего наблюдателя, попавшего на мероприятие.

Большое внимание на праздниках бахаи уделяется маркерам персидской культуры: могут демонстрироваться костюмы, еда, песни и танцы персов¹³. При этом важна не принадлежность к персидской культуре, а ее актуализация как способ сохранения коллективной памяти общины. Создание общины в Иране было сопряжено с большими трудностями и противодействием как со стороны правительства, так и со стороны населения, исповедующего ислам. Пионеров бахаи, занимающихся миссионерской деятельностью, называли «агентами сионизма» и «антиисламистами». Члены общины бахаи в Иране подвергались арестам, незаконному лишению свободы, избиениям, пыткам и расстрелам¹⁴. Тем не менее, в Иране и по сей день находится одна из самых крупных общин в мире (около 350 тыс. человек), а бахаи являются одним из самых многочисленных иранских религиозных меньшинств. Персидские бахаи, мигрировавшие из Ирана, стали первыми миссионерами в истории бахаизма и основателями общин во многих странах, в том числе и в России.

Любой участник праздника имеет возможность презентовать свою этническую идентичность таким образом, каким посчитает нужным. Религиозный по своему содержанию праздник в определенном смысле мимикрирует в этнофестиваль, привлекающий внимание самых разных посетителей, которые могут иметь крайне поверхностное представление о бахаизме, но которым импонирует концепция мирного сожительства в одной общине представителей разных культур.

Таким образом, праздничные встречи бахаи являются площадкой, на которой община презентует себя внешнему миру и актуализирует свою историю. Также они способствуют поддержанию старых и образованию новых социальных связей внутри локальных общин. Выбор места для празднования определяется возможностями и численностью локальной общины. Проведение праздничных мероприятий во всех общинах происходит по единому сценарию, принятому ВДС, однако у каж-

дого ее члена остается пространство для репрезентации своего этноконфессионального бэкграунда. Бахаи достаточно свободно воспроизводят те элементы своей предыдущей религиозной идентичности, которые не находятся в прямом противоречии с принципами бахаизма.

¹ Вереитинова Т. Ю. Праздник как феномен и концепт антропологии культуры // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-fenomen-i-kontsept-antropologii-kultury> (дата обращения: 12.10.2019).

² Мартыненко А. В. Бахаи и ахмадийат: новые религиозные сообщества в контексте модернизации ислама (сравнительно-исторический анализ). Ульяновск, 2005. С. 138.

³ Яшин В. Б. Новые религиозные движения на основе ислама (на примере Омска конца XX — начала XXI вв.) // Ислам в Сибири: вызовы времени сборник докладов Международной научной конференции. 2016. С. 83–88.

⁴ Литвинчук В. Г. Вера бахаи: история, вероучение и практика. М., 2010. С. 108.

⁵ Hassall G., Fazel S. 100 Years of the Bahá'í Faith in Europe // Bahá'í Studies Review. 1998. № 8. P. 37.

⁶ Фаизи А. К. Разъяснение символа Величайшего имени. URL: <http://bahai-library.com/russian/misc/name.html> (дата обращения: 02.05.2018).

⁷ Перкинс М., Хейнсворт Ф. Вера бахаи. М., 1990. С. 36–37.

⁸ Пивоваров Д. В. Вера бахаи: учение о прогрессивном откровении // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 4. № 1. С. 50–59.

⁹ Меликова Л. Ф. Бахаизм — идейная эволюция неоуниверсалистской религиозной доктрины (путь от Востока до Запада) // Кавказ & глобализация. 2013. С. 149.

¹⁰ Базиленко И. В. Бахаизм в современной России // Христианское чтение. 2004. № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bahaizm-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 16.01.2019).

¹¹ Buck C. Bahá'í Universalism and Native Prophets // Reason and Revelation: Studies in the Babi and Bahá'í Religions. 2002. № 13. pp. 173–174.

¹² McGlinn S. Baha'i Meets Globalisation: A New Synergy? // Bahá'í and Globalisation. 2005. pp. 61–63.

¹³ Матвеев В. В. Репрезентация персидской культуры в рамках религиозной общины бахаи: перспективы и практики // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г./Отв. ред.: М. Ю. Мартынова. — Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АНРТ, 2019. С. 214.

¹⁴ Sanasarian E. Religious Minorities in Iran. Cambridge, 2004. pp. 52–54.

Список литературы

Базиленко И.В. Бахаизм в современной России // Христианское чтение. 2004. № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bahaizm-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 16.01.2019).

Вереитинова Т.Ю. Праздник как феномен и концепт антропологии культуры // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-kak-fenomen-i-kontsept-antropologii-kultury> (дата обращения: 12.10.2019).

Литвинчук В.Г. Вера бахаи: история, вероучение и практика. М., 2010.

Мартыненко А.В. Бахаи и ахмадийат: новые религиозные сообщества в контексте модернизации ислама (сравнительно-исторический анализ). Ульяновск, 2005.

Матвеев В.В. Репрезентация персидской культуры в рамках религиозной общины бахаи: перспективы и практики // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г./Отв. ред.: М.Ю. Мартынова. — Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 214–215.

Меликова Л.Ф. Бахаизм — идейная эволюция неоуниверсалистской религиозной доктрины (путь от Востока до Запада) // Кавказ & глобализация. 2013. С. 131–149.

Перкинс М., Хейнсворт Ф. Вера бахаи. М., 1990.

Пивоваров Д.В. Вера бахаи: учение о прогрессивном откровении // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 4. № 1. С. 50–59.

Фаизи А.К. Разъяснение символа Величайшего имени. URL: <http://bahai-library.com/russian/misc/name.html> (дата обращения: 02.05.2018).

Яшин В.Б. Новые религиозные движения на основе ислама (на примере Омска конца XX — начала XXI вв.) // Ислам в Сибири: вызовы времени сборник докладов Международной научной конференции. 2016. С. 83–88.

Hassall G., Fazel S. 100 Years of the Bahá'í Faith in Europe // Bahá'í Studies Review. 1998. № 8. pp. 35–44.

Buck C. Bahá'í Universalism and Native Prophets // Reason and Revelation: Studies in the Babi and Bahá'í Religions. 2002. № 13. pp. 173–174.

McGlenn S. Baha'i Meets Globalisation: A New Synergy? // Bahá'í and Globalisation. 2005. pp. 52–63.

Sanasarian E. Religious Minorities in Iran. Cambridge, 2004.

Научное издание

**Альманах Конференции молодых ученых
Института этнологии и антропологии РАН.
Выпуск I**

*Утверждено к печати Ученым Советом Института этнологии
и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН*

Ответственные редакторы
А. А. Плеханов и Н. А. Лапкина

Компьютерная верстка: *С. А. Ермаков*
Обложка: *Е. В. Орлова*

ISBN 978-5-4465-3057-1

9 785446 530571 >

Подписано к печати 12.11.2020. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 17,75. Тираж 100 экз. Заказ № 7786.

Отпечатано в «Буки Веди»
117246, г. Москва, проезд Научный, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com